

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

КРОНА
КОРОЛЕВСКАЯ
ШКОЛА

Часть 2 - Ария

16+

Annotation

Тайна раскрыта. Денизе вернули титул, земли, рудники, обелили имя отца. Теперь она самая богатая невеста в королевстве. Плюс Эдвард решил, что пора менять традиции, и что лучшей королевы, чем она, ему не найти. Дениза сбегает на войну, уговаривая короля дать ей время подумать.

- [Александра Плен](#)

-

Александра Плен

Королевская школа. 2 часть. Ария

Лето подошло к концу. Я прекрасно ориентировалась во дворце, с легкостью вела бухгалтерию столичных школ и больниц, организовывала приемы, балы, вела дипломатическую переписку, а самое главное – начала работать в королевской кузнице. В ней работал мой отец, а до него его отец и так далее. Она была огромной, меньше, конечно, главной бальной залы дворца, но все равно размеры потрясали. В длину здесь мог уместиться железнодорожный состав, а в ширину – груженная морская баржа. Столько металла! Самого разного – железо, медь, серебро, даже слитки золота лежали на полках. Я с трепетом дотрагивалась до папиных незаконченных заготовок. Здесь стояли модели паромобилей, дирижаблей, двухэтажных вагонов. Было и оружие. Много, целые горы. В моей теории об исчезновении магии появились пробелы. Если отец делал оружие, которым впоследствии убивали людей, почему сила сохранилась в нашей семье? Или магу необходимо лично с помощью своей силы лишить жизни человека?

Младший Хорн пропал. Давно в газетах ничего не писали о его эксцентричных выходках и причудах. Велир ходил по дворцу мрачнее тучи. И даже, когда мы сталкивались в коридорах, ограничивался коротким кивком, без прежних шуточек и угроз. Или потерял ко мне интерес, или я стала настолько знаменита и узнаваема, что мое исчезновение просто так не объяснишь.

Стыдно признаться, я часто вспоминала о Торусе. Оказалось, я привыкла к его постоянному присутствию в своей жизни. Привыкла к признаниям, жарким взглядам, пристальному вниманию. Скучала даже по высокомерным замашкам и непристойным предложениям. Не такая уж я и ледяная статуя, какой меня представлял Хорн.

Неожиданно выяснилось, что за работу фавориткой полагается оплата. Из королевского банка пришло оповещения, что на моем счету лежит две сотни золотых. Кроме всех нарядов и украшений, которые останутся у меня, раз в месяц выплачивали «жалование».

«Что бы сказала Клара, узнав, как я зарабатываю себе на жизнь?» – мысленно улыбнулась я, подумав, что даже потратить заработанное не смогу – негде и незачем. И нет никого, кому бы я хотела сделать подарок.

Наконец, объявили имя невесты наследника. Ей стала двенадцатилетняя принцесса Лея из рода Горегоров. Дальнее северное государство, не имеющее с нами совместных границ. Бедная девочка, ей придется уже через два года покинуть родину, переехать в Альтею и жить здесь до совершеннолетия.

Я спокойно восприняла эту новость, хотя все без исключения присматривались ко мне, стараясь различить тень недовольства. Хотелось бы искренне порадоваться за Эдварда, но как только я намекнула о милой белокурой девочке, нарисованной на присланном портрете, его лицо гневно исказилось.

– Еще ничего не решено, – прорычал он и выскочил из моего кабинета.

Я так и не завела друзей во дворце. С компаньонками сложились прохладные деловые отношения, ввевшаяся привычка держать лицо не давала расслабиться ни на секунду. С королевскими фаворитками, которые сначала заходили ко мне и приглашали поболтать, разговаривать было не о чем. Одних интересовали лишь наряды и украшения, других – возможность накопить денег и удачно выйти замуж. Никто более двух-трех лет в фаворитках не задерживался. Кто и по какой принципу их отбирал – неизвестно. Девушки были красивы, образованы, не арии, конечно, но и не простолюдинки.

Некоторые мне помогали в оформлении комнат и встречах делегаций, другие не хотели даже пальцем шевелить ради какой-то работы. Одна красавица-брюнетка прекрасно разбиравшаяся в составлении букетов и часто помогавшая мне как-то по секрету сказала, что их давно уже не вызывают в спальню к королю, что прошел слух о недееспособности его величества. А она вообще ни разу не была в его личных покоях.

– Но так даже лучше, – улыбнулась я, – деньги поступают, а работы нет.

Через неделю начинались занятия, меня ждал четвертый курс. Возвращения в школу я ждала с большим нетерпением. За прошедшее во дворце лето я набралась бесценного опыта. Осознала свою

привлекательность, научилась красиво выглядеть, вести бессодержательные беседы и лицемерить. То есть, стала похожей на настоящую арию.

Я сидела у окна и пила утренний чай, когда в гостиную без стука вошел Эдвард. Резкие стремительные движения заставили меня удивленно поинтересоваться:

– Во дворце пожар? На нас напали? Революция?

– Хуже, – выдохнул он и бросил на стол рулон газет. – Читай. На первых полосах.

А сам начал нервно ходить по комнате.

Я осторожно взяла в руки утренний выпуск.

«Сенсация! На троне сидит сумасшедший!»

Сердце пропустило удар.

«Арий Нурв дал эксклюзивное интервью и рассказал, что действительно случилось семь лет назад на королевской охоте».

Я жадно глотала строчки, перепрыгивая с одного абзаца на другой.

Хм... оказывается Нурв боялся влияния верховного судьи, который пригрозил ему расправой, подобной Крею... поэтому не открывал рта. То есть рассказал вовсе не потому, что Торус опозорил его дочь, отказавшись на ней жениться.

«Что ж, рано или поздно все тайное становится явным», – подумала я, откладывая газету, не зная, радоваться мне, что все открылось, или огорчаться.

– Почему королевские службы не перехватили тираж? Куда смотрели сыскари?

– Нурв давно готовил эту бомбу. Газеты были напечатаны в тайне, за границей. И только сегодня доставлены в столицу. Ни одна столичная типография не взялась бы за это. Сам он с семьей уехал в соседнюю Вергану, на воды, якобы поправить здоровье.

– Что Хорн?

– Готовит опровержение, но боюсь, не поможет. Посол Фракрии уже с утра потребовал аудиенции. И, думаю, если мы позволим ему встретиться с королем, он произнесет заветное слово «сын», которое является спусковым для отца. Это особенно было выделено в газетах.

Я задумчиво покусывала губы. После шпионского скандала отношения с Фракрией были натянуты. Они прислали нового посла, но

тот даже не посетил бал, отписавшись, что приболел. Хотя ему было выслано приглашение.

– Мы оттяпали у нее в прошлую войну большой кусок, – произнесла я, крутя в руках пустую чашку, – конечно, они недовольны.

Эх, Торус, Торус. Ты и не знал, что своим «нет» в храме доставишь столько проблем. Многоходовка Велира распалась из-за эгоизма и легкомыслия сыночка.

– Недовольны?! Боюсь, они только и ждут повода, чтобы развязать войну. Территории, как ты говоришь, оттяпанные нами, очень ценные.

Да, я знала. Огромные залежи железных руд, угля. За семьдесят лет, прошедших с окончания последней войны, мы построили на бывшей чужой территории шахты по добыче и несколько литейных заводов. Теперь это все нужно защитить.

– И у кого же хватило глупости напасть на Фракрию? – вопрос был риторическим.

Я и сама знала, что семьдесят пять лет назад Рем тринадцатый развязал войну с богатейшим соседним государством. Раньше мы не лезли к ним. Фракрия находилась за огромной горной грядой и была недоступна. С развитием техники стало возможно пересечь горы. Это же развитие и подтолкнуло к войне. Нам требовались железо, уголь, металлы. Своих залежей катастрофически не хватало. Силы почти были равны. Почти. Но не совсем. У нас были маги.

Через пять лет кровопролитной войны Фракрия предложила мировую. Мы получили огромный кусок, почти четверть страны, с богатейшими залежами разнообразных руд. Именно туда, через горы в основном и строил тоннели род Зоргов.

– А если король передаст престол тебе?

Эдвард вымученно хмыкнул.

– Народ Альтеи, думаю, можно будет немного успокоить подобной рокировкой, но Фракрию... Наши шпионы докладывают, что их армия еще месяц назад пришла в движение, подтягиваясь к границе. Они закупили огромную партию оружия в Грандии, те хитрые, торгуют и нашим, и вашим. Да и у них самих техника на высоте. Сама знаешь, Фракрия на первом месте по добыче железа. Мы лишь немного ее обобрали. Они спят и видят, как забрать все обратно.

– Тогда война лишь дело времени.

– Да, ожидали подходящего случая. И вот он представился. От нас могут отвернуться союзники. Народ недоволен. Газетчики делают из твоего отца мученика и сомневаются не только в судебной системе, но и в целесообразности единоличного правления. Особенно, если этот человек – из сумасшедшего рода. Они уже вспомнили Рема четвертого...

Я взялась за голову и застонала. К чему может привести одно слово «нет» и обида влиятельного человека. С другой стороны, не Нурв заварил эту кашу, не он разжег пламя. Он лишь поставил точку. Все началось гораздо раньше.

– Революция, террор и республика в итоге? Потом грызня и развал на автономии? – я подняла глаза на Эдварда.

– Да, как в Мальере.

– Это самый плохой сценарий, – отложив газеты, встала и подошла к наследнику. – Надеюсь, до него не дойдет. Будем делать все по порядку. Сначала твоя коронация. Потом остальное.

Вид у Эдварда был измученным.

– Удивительно, как похожи наши мысли. Я уже отдал распоряжения, Хорн займется юридическими вопросами, – и добавил виновато: – Я знаю, ты его ненавидишь, но он единственный, кто в курсе всего. Плюс он пообещал уйти в отставку.

– И кто будет верховным судьей? – мне, если честно, уже было все равно, получит Хорн по заслугам или нет, отца и мать это не вернет. Мечь утратила свое очарование. Или я повзрослела, или стала мудрее.

– Он прочил на свое место сына, – уголок рта Эдварда криво дернулся, как всегда при упоминании о младшем Хорне, – теперь место вакантно. Ты не хочешь занять?

– Плохая шутка, – скривилась я, перебирая в памяти влиятельных чиновников. Магические семейства отпадают – у них итак работы по горло, а больше никто, преданные трону и королю, не приходил на ум.

– Подумаем об этом после, – в конце концов произнесла я, – сейчас самое главное – утихомирить народ и не допустить войны.

Серьезная учеба на время была забыта. Мы успевали лишь посетить пару лекций утром, иногда одну-две практики, затем ехали во дворец. Эдвард готовился к спешной коронации, я ему помогала всем, чем могла. От имени наследника писала официальные письма монархам. Устраивала приемы, чаепития с послами, дипломатами,

консулами. Мы с королевой на пару выливали столько улыбок и лести, что, казалось, они тонут в них. Нам удалось заручиться поддержкой четырех соседних королевств. Те пообещали помочь вооружением, но открыть второй фронт отказались.

– Мы слишком расслабились за то время, пока в королевстве царила магия, – сказал как-то Эдвард за поздним ужином вдвоем, – мы считали себя властителями мира, неуязвимыми и могущественными. Сотни лет расширяли территории, не думая, как будем защищать их, если придется. А сейчас, чтобы доехать из Шалира до ближайшей западной границы, даже на поезде требуется не меньше недели. А ведь даже не везде проложена железная дорога. На дальних границах, у гор, почти нет форпостов. Чтобы подтянуть туда войска необходимо время. Много времени.

Я молча слушала Эдварда и думала, как же рано он повзрослел. Юноша, с которым я делала уроки в школе, исчез. Передо мной сидел молодой король, серьезный, хмурый, с темными от недосыпания кругами под глазами, с печатью хронической усталости на лице. А ведь ему всего двадцать. В его возрасте нужно веселиться, встречаться с девушками, кутить с друзьями в ресторациях. Как это делал Торус. Я тряхнула головой, прогоняя образ сына судьбы.

– Когда ты нормально спал в последний раз? – его высочество небрежно отмахнулся.

– Не важно.

– Важно, – с нажимом произнесла я, – если не хочешь свалиться под ноги Хорну на коронации, ты должен отдохнуть.

Эдвард поднял на меня покрасневшие глаза.

– Можно я сегодня останусь у тебя? – в голосе было такое ожидание и надежда, что я растерялась.

Мысли заметались испуганными воробьями. Хотя... вряд ли он имел в виду то самое. На него же без слез не взглянешь.

– Оставайся, – ответила с улыбкой, – хоть прослежу, чтобы ты выспался.

Эдвард заснул быстро, только нашел мою руку, сжал и отключился. А я боялась пошевелиться. Лежала одетая в огромной кровати и думала, что дворцовым сплетникам завтра будет чем поживиться – наследник впервые ночует в покоях фаворитки. Репутация итак разрушена – нечего переживать.

Опыт новый и интересный – спать с мужчиной в одной кровати. Он странно дышит, сопит, горячий, как печка, и пахнет бумагой, чернилами, пылью и немного потом. Необычно, но приятно.

Я улыбнулась, поправив будущему королю упавшую на лоб челку. Эдвард прерывисто вздохнул. Сердце сжалось от нежности.

Мой лучший друг, младший брат, верный соратник. Мой король. Но не любимый, увы...

***

Утром у покоев выстроилась очередь из просителей разбудить его высочество. Я стойко защищала вход в спальню, пока на часах не стукнуло девять. После этого позволила зайти камердинеру, а сама отправилась в кузницу. Пора браться за блокноты отца, множество которых я нашла на полках.

Формулы, формулы, формулы. Непонятные, длинные, сложные, некоторые на две-три страницы мелким текстом. В основном оружие. Части пушек, ружей, базук. Бывший главный помощник отца, работающий здесь, рассказывал, что Крей делал лишь заготовки – стволы разных калибров, патронники, затворы и прочее. Конечно, проще дотронуться до слитка железа, произнести формулу и вот, на месте слитка гора одинаковых стволов или спусковых крючков. Заготовки вывозились в мастерские, там уже из них собирали ружья, прикрепляли деревянные приклады и так далее.

Не слишком я горела желанием штамповать оружие. Гораздо интереснее было бы изобретать новые улучшенные кабины для паромобилей или начинку вагонов. Даже фонтаны, урны и металлические скамейки в парках и те были лучше, чем пушки.

Но работу не выбирают. Особенно при дворе.

Герр Карон, управляющий королевскими фабриками, несколько раз передавал через герру Вилару письма с прошениями приехать и заняться своими прямыми обязанностями – работой с металлом, тем, чем занимались мои предки. Сегодня мне было поручено обеспечить сборочные мастерские по оружию. Толстые железные прутья, привезенные из литейных цехов, ждали внутри.

Удивительно было то, что столичные мастерские стояли без работы почти восемь лет, так как никого из Креев не было. За восемь лет построили лишь два военных завода и те в глубине страны. Прав был Эдвард. Ремы расслабились, имея в услужении магов. На наше

королевство никто никогда не нападал, мы первыми проявляли агрессию, расширяя и расширяя территории.

Я читала написанные папой заклинания, держа руку на слитках. Они рассыпались мелкими деталями, которые сразу же грузили на тележки и увозили дальше.

«И это мое будущее? – мысли текли вяло и монотонно. – Каждый день делать оружие? С утра до вечера служить на благо королевства? Притворяться счастливой и довольной, в любых ситуациях держать лицо?»

Любовь? Семья? Когда придет время, мне укажут кандидата, за которого я должна выйти замуж и продолжить род Креев. В кого я превратилась, а ведь мне всего двадцать? Ледяная стерва с замороженной душой и безукоризненными манерами. Хорн был прав.

Я чувствовала себя старухой, уставшей от жизни. Пропустила момент беззаботной юности, невинное кокетство, прогулки по вечерам, сплетни с подружками. Такое ощущение, что у меня было детство, а потом сразу зрелость. Обязанности, долг, работа...

Мне вдруг стало страшно, что вся моя жизнь так и пройдет. И самые сильные чувства, которые я испытала, останутся связанные с Хорном, когда он целовал меня в полутемной комнате у библиотеки. Я горела, и он горел. Те эмоции были настоящими. Гнев, боль, ярость. Они совсем не похожи на льстивые подобострастные улыбки дворцовых прихлебал, которыми я окружена сейчас. И нет просвета в этой череде подхалимов и просителей.

Лишь с Эдвардом я еще могу поговорить по душам, но и он все реже заходит ко мне. Постоянные заботы отнимают все свободное время наследника.

Закат заглянул в огромные окна и зловеще окрасил гору заготовок ружей багровыми брызгами, словно каплями крови. Я вздрогнула и пошатнулась от слабости. До этого момента я никогда не испытывала упадка сил при работе с металлом. А Дарий предупреждал, что это неизбежно, после сильного расхода магии.

– Герра Крей, вы сделали сегодня более чем достаточно, – ко мне подошел герр Карон, – карета давно ожидает вас. Завтра можете не приезжать, сборщикам работы на неделю.

Я обвела взглядом преобразившуюся кузню. Пол был завален частями пушек, ружей, штыков. Он прав. Подсобные рабочие даже не

успевали все погрузить на тележки.

– К завтрашнему утру мы все разберем и пересчитаем, – продолжил он, – если будут большие перегибы в запчастях, нужно будет доделать недостающие детали.

Я молча кивнула и направилась к выходу, стараясь идти ровно. Руки дрожали, в глазах расплывалось. Ни разу ранее не испытывая магического истощения, я изрядно испугалась. Казалось, из меня выкачали воздух, сердце грохотало, в ушах стоял гул. Едва добравшись до кареты, я без сил упала на мягкие сиденья, давая себе слово больше никогда так не забываться и контролировать силу.

***

«Это уже стало плохой традицией», – уныло подумала я, глядя на ворох газет, принесенный Эдвардом утром.

– Из тебя пытаются сделать символ революции, – хмуро произнес он, кладя их на столик. Я взяла верхнюю, – почитай. Ты – жертва королевского произвола. Ремы отобрали у тебя все – титул, родителей, богатство, а я силой принудил стать моей фавориткой. То есть, опозорил благородную девушку, арию по крови, мага.

Первым порывом было пошутить, что так и есть. Почти все, что написано, правда. Но заглянув в глаза наследнику, осеклась. Улыбка погасла. Лицо Эдварда было озабоченным и совсем не веселым.

– Я заставил Хорна подготовить бумаги о восстановлении титула семьи Крей и возвращении земель. По крайней мере, тех, что отошли казне.

Я отмахнулась.

– Это может подождать, у тебя сейчас есть более важные задачи.

Эдвард устало облокотился о стол.

– Я уже не знаю, что важно, а что нет. Что бы я ни делал, этого недостаточно. Как я скучаю по тем дням, когда мы с тобой сидели в библиотеке и готовили домашние задания. И единственной проблемой было правильно ответить на практике.

Я тоскливо улыбнулась и, наконец, вчиталась в текст статьи. Действительно, написано очень прозрачно. Кому-то очень на руку вся эта неприятная ситуация.

Кроме моего «несчастливого положения» зацепиться было не за что. Наша страна процветала. Благодаря магам мы не знали ни бедствий, ни катаклизмов. Образование, наука, технический прогресс – все было

на высоте. Упрекнуть королевскую власть было не в чем. Но всегда есть недовольные. И они ухватились за мою семью, сделав из моего отца и матери мучеников, а из меня – несправедливо униженную благородную страдальицу.

– Я сама напишу опровержение, – заявила решительно, вставая. Быстро пробежала глазами несколько разложенных газет, – вот этот, – ткнула пальцем в подпись герр Лукаран, – неплохой стиль и изложение.

– Герра Вилара! – я нажала кнопку на столе, в соседней комнате прозвенел колокольчик. В кабинет вошла мой главный секретарь, – организуйте встречу с герром Лукараном, журналистом из «Утреннего Шалира». Я дам интервью. Скажем, на завтра, после обеда. Что у вас?

Женщина держала в руках пачку конвертов.

– Почта, герра Крей, – я кивнула на стол. Женщина степенно подошла к столу и, аккуратно положив бумаги, поклонилась Эдварду. Я дождалась, пока за ней закроется дверь и лишь потом взяла в руки верхний пухлый конверт.

– Не может быть! – восклицание сорвалось с губ совершенно непроизвольно.

Эдвард заинтересованно обернулся.

– Что там?

– Ничего особенного, – голос уже приобрел равнодушные интонации, но наследника обмануть не удалось. Я тщетно попыталась засунуть конверт под бумаги. Эдвард протянул руку, и мне пришлось вложить в ладонь письмо, подписанное самым знаменитым адвокатским домом Шалира «Котар и сыновья».

– Два дня назад арием Торусом Хорном была оформлена дарственная, – начал читать Эдвард, – вам передается в собственность поместье Фабрия общей площадью пять тысяч акров и приблизительной стоимостью... – наследник присвистнул, – ...так... имущество включает... виноградники, два винодельческих завода, озеро, лесные угодья, дом, завод по разведению скаковых лошадей... Пропустим... И, наконец... Получить документы вы можете, посетив нашу контору по улице...

С каждой строчкой голос Эдварда становился более напряженным. В итоге он сжал в кулаке письмо, опустил руку и холодно произнес:

– И за какие заслуги такой подарок?

Я пожалала плечами, ничуть не испугавшись злого тона. Мне было не в чем себя упрекнуть. А вот видеть терзающегося ревностью Эдварда было забавно.

– Выбирай – жалость, сочувствие, раскаянье, угрызения совести за то, что сделал его отец. Желание компенсировать мои потери из-за Хорнов... – я с улыбкой загибала пальцы. – На самом деле Торус неплохой человек и отличается от Велира в лучшую сторону.

Эдвард сварливо фыркнул:

– Ты так хорошо его успела узнать?

Я положила ладонь на плечо друга, мягко вынимая из судорожно сжатых пальцев письмо.

– Не злись. Он ничего для меня не значит.

– Я злюсь не из-за этого, – буркнул Эдвард, вздыхая, – а из-за того, что он успел первым.

– Что успел?

– Одарить тебя. Я только сегодня утром отдал распоряжение восстановить тебе дворянство, а он уже оформил дарственную.

– Надеюсь, ты не собираешься соревноваться с Хорном? – произнесла насмешливо. – Хотя продолжай. Мне это только на руку. Благополучие только улучшится от этой гонки.

– Не рассчитывай на многое от Торуса, – включился Эдвард в шутовскую перепалку. – Отец лишил сыночка наследства, так что поместье Фабрия все, что у него было. Сейчас он бедняк. А вот я очень богат. И если ты будешь ко мне благосклонна...

– О, мое любимое высочество! – толкнула его в бок, наследник притворно зашипел, словно от боли. – Я итак к тебе более чем благосклонна. Что я еще должна сделать, чтобы получить пару-тройку поместий?

Нечто вертелось у Эдварда на языке, нечто такое, чего он так и не решился сказать.

– Ничего, – в итоге произнес он, – ты уже все сделала.

Наследник ушел, а я еще долго не могла прийти в себя. Я так и не сказала ему, что для меня гораздо ценнее то, что Хорн отдал последнее, что у него было. А Эдварду ничего не стоило подписать бумаги или подарить поместья, которых у него великое множество. Конечно, я не думаю, что Тор голодает или бедствует, даже если Велир лишил его

наследства. Он арий, у него остался титул. Его мать из семейства Фархов, те тоже очень богатые и влиятельные. Но я помню, с каким выражением он рассказывал о Фабрии, он любил это место и дорожил им. Значит, отдал самое дорогое.

***

Герр Огюст Лукаран оказался молодым парнем, щуплым, вертким и невероятно шустрым. За те пару минут, которые прошли с момента его прихода в мой кабинет и до того, как нам принесли чай, он успел, казалось, разглядеть даже пыль на верхней полке комода и пересчитать количество папок на моем столе. А когда склонился над моей рукой для поцелуя, то и ознакомиться, что в них написано.

– Я безмерно счастлив, герра Крей, что вы согласились на интервью для нашей газеты, – затараторил он, хитро стреляя глазами, – или я могу уже называть вас ария Крей?

«Ничего себе у них информаторы», – подумала я, восхитившись.

– Давайте обойдемся без титулов, герр Лукаран, – ответила с улыбкой я, – половину своей жизни я была арией, вторую половину прожила без этой приставки. На мой характер она никак не влияет.

Парень почтительно склонил голову. В его глазах мелькнуло уважение.

– Я читала ваши статьи, герр, и полагаю, что они написаны умным проницательным человеком, истинным патриотом нашей страны, – журналист немного смутился.

Пусть он и старался казаться бывалым, умудренным опытом ловкачом, но я заметила покрасневшие кончики ушей и струйку пота, бегущую по виску. Явно он во дворце впервые и очень нервничает.

– Никому из граждан Альтеи не выгодны волнения и смена власти, – продолжала я. – Допускаю, что вы, как журналист ищете горячие новости, привлекая читателей, ведь им не интересна пресная спокойная жизнь в королевстве.

Парень мимолетно улыбнулся.

– И вашу газету перестанут покупать, если в ней не будет сенсаций, – я встала, протянула Лукарану конверт, тот машинально его взял. – Предлагаю вам сделку. Ваша газета напечатает мое обращение без правок, а за это я отвечу на несколько ваших вопросов. Любых.

Журналист развернул лист и бегло пробежал глазами текст. Над ним я просидела все утро, выверяя каждое слово. Тщательно

обдумывая и оценивая каждую фразу. Герра Аланта, наш профессор литературы могла бы мной гордиться.

– Неплохо написано, – уважительно произнес герр, складывая бумагу и вытаскивая блокнот с карандашом, – я согласен вставить ее в свою статью о вас. Но это не значит, что я стану королевским прихвостнем...

– Нет-нет, – улыбнулась я, прерывая показушное возмущение парня, – я не собираюсь вас заставлять переходить на сторону Ремов, оставайтесь независимым журналистом. Я прошу лишь посмотреть на проблему с другой стороны. Вы же умный человек и понимаете, что слабая власть не выгодна, прежде всего, народу. Как и революция. Пример – восточная Мальера. Сейчас на месте некогда немаленького государства пять разрозненных и постоянно воюющих между собой республик.

– Вы так говорите, будто вам королевская власть не сделала ничего плохого, – сварливо произнес Лукаран, – словно они идеальны и непогрешимы.

– Я уже прошла эту стадию, герр.

– Какую стадию?

– Юношеского максимализма, – парень ожидаемо скривился, но ничего не ответил. Надеюсь, он задумается о моих словах. Я не стала его в чем-то разубеждать или доказывать правоту. Если у него есть мозги, он сделает нужные выводы.

– Начнем интервью? – я позвонила секретарю и попросила убрать приборы. – Что вы хотели узнать?

Лукаран подобрался, глаза зажглись азартом. Он раскрыл блокнот и сжал в пальцах карандаш.

– Первое, что интересует наших читателей, это магия.

«Кто бы сомневался, – подумала я, – это всех интересует. Иногда мне кажется, что я могла больше заработать, выступая на публике, делая фокусы».

– Вы первый маг в моей жизни, которого я увидел, – продолжил герр. – Думаю, для большинства людей магия является чем-то сказочным и нереальным. Многие и вовсе думают, что маги давно вымерли, а род Ремов просто поддерживает таким образом статус и величие страны. И свой статус.

Я улыбнулась и чуть выпрямила пальцы. Лукаран непонимающе нахмурился.

– Ваши пуговицы... – подсказала я.

– Ничего себе! – парень опустил глаза на сюртук и ошеломленно присвистнул. Когда-то круглые обычные медные пуговицы превратились в изящные головки ромашек.

– Могу вернуть обратно.

– Не-нет! – воскликнул он, – пусть остаются такими. Это... – он запнулся. – Это потрясающе.

Прошло немало времени, пока он не налюбовался обновленными пуговицами. Я не стала его торопить, бегло просматривая принесенное секретарем досье на журналиста.

– Расскажите, где вы жили после того, как вас лишили дома, – Лукаран опять взялся за карандаш.

Далее интервью шло в обычном режиме. Я тепло рассказала о Марте, о том, как она обучала меня. Какая она была умная и начитанная. Заметила вскользь, что образование в нашем государстве дается всем юношам и девушкам без ограничений по богатству и родовитости. За это тоже нужно благодарить королевский род. Так как именно Рем третий начал строить в королевстве бесплатные школы и продвигать всеобщее образование.

Намекнула на то, что женщины и мужчины в нашей стране имеют равные права. И это тоже заслуга рода Ремов. Так как иногда единственным носителем магии в роду были женщины. И часто женщины занимали трон и правили королевством. Пример тому Рем седьмой – королева Изольда и Рем одиннадцатый – королева Ларина. При них в королевстве построили больше всего лечебниц и храмов. А ведь существует много стран (я их перечислила), где женщины не имеют права даже пойти учиться.

– И последний вопрос, – Лукаран пристально уставился мне в лицо, отслеживая каждую эмоцию, – ходят слухи, что вас насильно заставили стать фавориткой. Вы действительно любите его высочество?

Я ожидала чего-то подобного. Рано или поздно этот вопрос должен был быть задан. Я намеренно пропустила первую часть, зато на вторую ответила с максимальной честностью.

– Очень люблю, – искренне произнесла я, не соврав ни единым словом, – Эдвард прекрасный человек. У него великое сердце. Более доброго, цельного, честного человека я не встречала в своей жизни. Он не думает о себе, в первую очередь он думает о королевстве и о людях вокруг. Он первым вступился, протянул руку, когда меня унижали и оскорбляли в школе.

С улыбкой мысленно отметила, что чуточку погрешила против истины. Первым все-таки был Дарий, но думаю, он не обидится за маленькую ложь.

– Не буду повторяться, это и многое другое я описала в своей статье. Надеюсь, вы напечатаете ее как можно скорее.

Я встала и подошла к Лукарану. Тот тоже поднялся. Пора заканчивать интервью, я и так потратила на него гораздо больше времени, чем было запланировано. Пожав парню руку, произнесла:

– Уважаемый герр, я не хочу войн, не хочу кровопролития, не хочу становиться символом революции. Не хочу, чтобы с моим именем на устах гибли люди. Возможно, монархия и изжила себя, но не в нашем случае. У нас богатое процветающее королевство, а значит, род Ремов справляется с поставленными задачами. Я не знакома лично с королем, Ремом пятнадцатым, но могу сказать следующее. Спросите себя, если бы вы своими руками случайно убили любимое дитя, сохранили бы вы рассудок, и как бы вы жили после этого?

Парень в глубокой задумчивости смотрел в пол.

– До свиданья, герр. Через две недели состоится коронация его высочества Эдварда, – я протянула Лукарану конверт с вензелем, – вы приглашены как независимый журналист.

– Спасибо, – выдавил он из себя и медленно направился к двери. Что ж, еще один талантливый человек на нашей стороне. В этом я не сомневалась. Я сделала все, что могла.

***

– Я такой идеальный? – на моей памяти Эдвард впервые за долгое время искренне улыбался. В его руках была газета.

«За ним я пойду куда угодно, и всеми силами буду помогать новому королю», – торжественно зачитал он мне мои же строчки.

Лукаран не соврал. Он напечатал мое послание слово в слово. Да и вся статья обо мне вышла... скажем так... ошеломляющая. Все-таки,

не зря я выделила этого парня, так талантливо никто бы не смог описать мою жизнь.

– Интересно, Огюст Лукар, великий историк и писатель, его предок? – Эдвард уселся в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Я пожала плечами – в досье этого не было.

– У тебя дар, Дени. Ты сделала из меня эталон, совершенство, – улыбался наследник, – не такой уж я и хороший. Вот Ромул был...

– Я не знаю Ромула, – прервала Эдварда взмахом руки, – не знаю твоего отца, не знаю никого из твоего рода. Я знаю тебя. И ты лучший. Я твердо в этом уверена.

Его высочество смущенно покраснел.

– Коронация через десять дней, – произнес он невыразительно, – приглашения приняли пять королей. Все соседи, кроме Фракрии. Я хотел тебя попросить заняться балом. Черновик протокола я набросал, – он протянул мне два листка, написанных убористым почерком.

Я кивнула, отметив, что опять не напишу трактат по логике. Учителя, войдя в наше с Эдвардом положение, разрешили сдавать зачеты дистанционно. Но его все равно нужно было написать.

В распорядке дня на сегодня была еще поездка в адвокатскую контору. Я хотела проконсультироваться со специалистами юридического дела, как можно вернуть обратно поместье Торусу. Знала, что по законам Альтеи подарки нельзя передаривать. Значит, нужно найти другой способ, а времени читать книги по праву у меня не было. Коронация неумолимо приближалась. Работы было все больше и больше.

– Волнуешься? – спросила невзначай. Эдвард перевел рассеянный взгляд на меня и непонятно качнул головой.

– Кстати, я вот из-за чего пришел, – он протянул какие-то бумаги, – тебе восстановили титул и сняли все обвинения с Фредерика Крея. Хорн закончил бумажную волокиту. Так что теперь, ария Дениза Крей, ваше родовое имение Кларинс полностью в вашем распоряжении. Вместе с золотыми и серебряными рудниками, о которых так заботился твой отец. Так же вернули два дома в Шалире, усадьбы в ариале Тортн и Бургас. Увы, движимое имущество, корабли, паромобили, вклады в банках и прочее вернуть не удалось. От них не осталось и следа.

– Ну и ладно, – отмахнулась я. И так более, чем достаточно.

– Завтра можешь съездить в Кларинс, – закончил Эдвард, – это же недалеко? Успеешь за день-два обернуться?

Кларис... Я мечтательно улыбнулась. Там прошло мое детство, среди золота и драгоценностей. Среди зелени рощ и лугов. Среди нескончаемых праздников, балов, маскарадов и веселья. Среди добрых и милых людей, которые в трудную минуту не открыли нам с мамой двери своих домов, хотя на балы и просить денег приходили регулярно.

– Нет, не поеду, – решила я, – некогда, да и незачем. Лучше посмотрю столичные дома. Вдруг там что-то осталось от папы. Записи, дневники. И да, – я встала, подошла к Эдварду и чмокнула его в щеку, – спасибо.

***

Король тихо мирно покинул дворец, отбыв в летнюю резиденцию, где доживали все предыдущие короли. С ним отправились лечащий врач, личная гвардия, слуги и несколько фавориток. Королева осталась во дворце. Арий Велир Хорн, как и обещал, написал прошение об отставке. В последнее время он сильно сдал. От бывшего уверенного в себе красавца-мужчины, которого я боялась больше всего на свете, не осталось и следа. Пропажа старшего сына, скандал с Нурвами, всеобщее порицание и презрение согнули его спину и выбелили волосы. Его дом в Шалире пришлось закрыть, так как его регулярно закидывали грязью и писали угрозы на заборе. Не помогала даже усиленная охрана.

Коронация нового короля Эдварда Рема шестнадцатого состоялась в главном храме столицы в середине осени. Для меня этот день запомнился, как один из самых тяжелых и сложных дней. Боюсь, для Эдварда он стал таким же. Я с утра не видела его высочество. Только издали. Но даже издали было заметно, какой он напряженный и сосредоточенный. Юное бледное лицо под массивной золотой короной. Когда-то Эдвард рассказал, что она очень тяжелая, почти шесть фунтов. И если бы короли носили ее постоянно, что, скорее всего, у всех было бы искривление шеи.

Власть. Огромная, безграничная. Нелегко выдержать подобный груз. Для кого-то она – способ обогатиться, вседозволенность, роскошь и разврат. Для Эдварда, я уверена, это выматывающий каждодневный

труд, забота о процветании королевства, бессонные ночи, одиночество и страх поражения.

Однажды он признался мне, что больше всего на свете боится стать худшим королем в роду. Боится не соответствовать своим великим предкам. Боится, что его будут сравнивать со страшим братом, отцом, дедом. И сравнение будет не в его пользу.

Когда праздничный кортеж направился ко дворцу, по традиции его новое величество должен был разбрасывать серебряные и золотые монеты народу, как символ богатства и процветания королевства. Увы, среди всеобщего восхваления и благодарности так же слышны были и другие выкрики: «Долой короля!», «Род Ремов – род безумцев!», «Долой монархию!» и тому подобное.

Я ехала в отдельной карете с закрытыми глазами, прислушиваясь к своим ощущениям, выискивая в толпе ружье или метательные кинжалы. Если находила что-то подозрительное, сообщала идущему рядом с каретой гвардейцу. Заклинание, которое я так хотела написать, уже было создано до меня. Я нашла его в блокноте отца, как понимаю, не он его придумал, оно досталось ему от деда или прадеда. Зря я просиживала ночи, выдумывая новые формулы, большинство их уже были созданы до меня. И даже до отца. За сотни лет мои предки написали десятки томов с самыми разнообразными заклинаниями. Они хранились в королевской кузне, в глухом стальном сейфе, без дверей и замков, открыть который мог лишь один из Креев.

Кортеж остановился у парадных ворот. По традиции Эдвард должен был пройти пешком остаток дороги и огромную преддворцовую площадь – самый опасный участок. На ней молодой король был как на ладони. Установив в формуле расстояние четверть мили, я медленно шла с закрытыми глазами в свите его величества, опираясь на руку гвардейца. Но и на этом расстоянии оказалось великое множество разнообразных металлических изделий. Перед глазами то и дело возникали ожерелья, браслеты, кольца, шпоры, оружие королевских телохранителей, праздничные кинжалы и шпаги офицеров, генералов, идущих в свите. Трудно было заметить что-то подозрительное в этой огромной мешанине предметов. Хорошо, что кареты с лошадьми оставили за воротами. Представляю, сколько на них было металла. Когда мы дошли до парадных настеев распахнутых створок дверей, с меня сошло семь потов, а в голове стоял туман.

Далее по протоколу бал. Приглашенных были тысячи и тысячи. Пышные многолюдные иностранные делегации, провинциальное дворянство, многочисленные гильдии торговцев, военные, чиновники и так далее. Казалось, большой бальный зал вместил в себя все население столицы.

Молодой король сидел на троне, окруженный личной охраной, рядом, в кресле поменьше, расположилась королева. Увы, мне места рядом с тронном не нашлось. Но я не роптала. Не к чему мне эта помпезность и церемонии. Мне достаточно было мимолетной улыбки, промелькнувшей на губах Эдварда, когда я подошла поприветствовать друга, как почетная гостья, ария Дениза Крей. С возвращением титула ничего не изменилось. По крайней мере, для меня. Приставка ария не повлияла ни на мой характер, ни на мое отношение к окружающим.

Я вдруг вспомнила слова Эдварда, сказанные очень давно: "Благородство у тебя в крови, это видно по тому, как ты держишься, как ходишь, разговариваешь. Этим не могут похвастаться большинство ариев, а ты делаешь это неосознанно".

"Что делаю?" – спросила я, и он ответил "Ведешь себя, как королева, безупречно, достойно, в то же время просто и естественно". Тогда я подумала, что мне никогда не стать королевой, а сейчас первой моей мыслью было бы: «И слава богам».

Бал посетила и чета Зоргов. После рождения дочери Сорти долго не выезжала, прошел слух, что роды оказались тяжелыми, плюс до сих пор было непонятно, проявилась ли в новорожденной девочке магия. Но я была рада встретить друга. Столько всего хотелось рассказать.

Не обошлось и без потрясений.

Посол Фракрии все-таки принял приглашение, но подойдя к трону, протянул Эдварду ноту протеста. В ней говорилось, что Фракрия требует вернуть захваченные в прошлой войне земли или она оставляет за собой право отобрать их назад.

Затем посол покинул дворец.

После этого ни о каком веселье речи быть не могло. Гости, пусть и не знали о произошедшем, и что за бумагу передал посол королю, ощутили витающее в воздухе напряжение. Его величество подошел к нам с Дарием и показал ноту.

– Значит, война? – произнес маг земли.

– Похоже на то, – хмуро отозвался Эдвард, – отличное начало правления.

– Нужно ускорить строительство железной дороги через новые тоннели, – Дарий перешел на деловой тон, – мне будут нужны инженеры, кузнецы, каменщики, плотники. Без железной дороги мы не сможем быстро перебросить войска и вооружение. Семьдесят лет назад мы задавили их своей мощью, а сейчас они подготовились. Все эти года готовились, а мы...

Король усмехнулся, продолжая фразу Дария.

– А мы расслабились. Прошлые войны выигрывали только благодаря магам. А сейчас реально у нас всего двое, кто более-менее полезен. Ты и Дениза.

– А Турги? Фархи? – я назвала те, кто сегодня присутствовал на празднике.

Эдвард покачал головой.

– Старший Фарх пообещал прислать обученных лошадей, больше, увы, помочь ни чем не может. Что сделает Тург? Вырастит лес перед армией? Она его просто обойдет. Кто еще? – он перехватил мой следующий вопрос. – Горн? Давно не появляется в свете. После того, как погиб его сын, он заперся в своем поместье и не отвечает на письма. Я послал своих людей разузнать, что с ним и сможет ли помочь. Пока ответа нет. Боюсь, последний отпрыск магического рода исчез навсегда.

– Значит, поеду я, – произнес Дарий, – отец еще отлеживается от последнего тоннеля. Много сил потратил.

– Я с тобой...

– Нет! – Эдвард резко повернулся ко мне. – Ты никуда не поедешь. Слишком молода и неопытна. И нужна мне здесь, в Шалире.

– Но... – попыталась возмутиться я, обидевшись на «молода и неопытна».

– Его величество прав, Дени, – Дарий успокаивающе дотронулся до моей руки, – война может затянуться на годы, а тебе нужно закончить обучение. Я тоже не еду на передовую, лишь дострою тоннель. Оставь войну обученным людям. У нас достаточно войск и техники, чтобы дать отпор. Ты слишком ценный маг, чтобы рисковать собой.

Я со вздохом признала его правоту. Эдварда позвала королева, ему пришлось уйти, а я обернулась к Дарию и серьезно сказала:

– У меня есть теория о пропаже магии.

Зорг заинтересованно приподнял бровь.

– Что бы ни случилось, не используй ее для убийства. Двигай горы, сбрасывай лавины, делай оползни, перекрывая таким образом дороги, но только убедившись, что под ними нет людей. Перечитав много исторических хроник, я вывела собственную статистику исчезновения магии. И пока эта теория подтверждается.

Дарий серьезно кивнул.

– Я еще никогда никого не убивал, – произнес он взволнованно.

– Но ты никогда не был на войне, – парировала я, – поэтому будь внимателен. Не знаю, исчезнет ли магия, если использовать ее для защиты собственной жизни... Не удавалось проверить.

– Спасибо, учту, – задумчиво произнес Зорг.

Вскоре его позвала Сорти и пожаловалась на усталость. Они попрощались и покинули бал.

Утром следующего дня я уехала в школу, предупредив лишь герру Вилару. Основные дела были закончены, коронация состоялась, Эдвард сейчас будет занят, моя помощь ему не понадобится. Конечно, я не собиралась бросать работу в королевской кузнице или вести бухгалтерские книги, но учеба мне представлялась важнее балов и раутов, которые в последнее время занимали все мое время. Я так много пропустила, а зимняя сессия не за горами.

Профессор Лейбник несказанно удивился, увидев меня на лекции по логике.

– Сбежали из дворца, ария? – весело поинтересовался он. Я с улыбкой кивнула.

Какое же было наслаждение сидеть за партой, слушать лекцию, отвечать на вопросы, окунуться в неповторимую атмосферу звонков, тетрадей и учебников. Я поняла, что мне безумно не хватало этого. Даже льстивые приветствия сокурсников не раздражали. Я научилась не обращать на подобное внимание еще во дворце.

Отношение заметно изменилось, даже со стороны учителей. Приставка ария поставила меня в ряд с высшей знатью. А любовь наследника и вовсе подняла на недостижимую высоту.

После обеда меня нашли телохранители с короткой запиской от короля: *«Надеюсь, ты вернешься к вечеру»*. Я почему-то почувствовала вину, хотя ничем, вроде, не заслужила порицания. И первым делом, вернувшись во дворец, зашла к Эдварду в кабинет.

– Я попрошу ария Бридор поставить тебе высшие балы по всем предметам, – друг был хмур и недоволен, – он не откажет мне.

– Мне не нужны поблажки. Я хочу ходить на занятия, как все, и сдавать экзамены на общих основаниях, – я не понимала, почему он возмущается. Ревность? Нежелание отпускать одну? Да, ему пришлось оставить учебу в школе, но у него есть советники, министры. Образованные опытные люди, которые поддержат нового короля, пока тот не научится управлению. Я же должна сама разбираться во всем.

– Ты нужна мне здесь. Во дворце, – отрезал Эдвард.

– Зачем? – я начала злиться. – Мы почти не видимся последние недели. У тебя свои обязанности, у меня свои. Я буду делать оружие и вести школы и больницы. Вечером буду иногда приезжать во дворец, а в выходные работать в королевской кузне.

– Да причем тут кузня или школы! – вспыхнул король. – Я хочу, чтобы ты была рядом со мной!

Вот мы и добрались до сути.

– Вот как, ваше величество? – губы сами собой сложились в ехидную усмешку. – У тебя появились собственнические замашки? То есть я по первому зову должна прибежать к тебе, как послушная собачонка? А когда ты занят – сидеть в апартаментах и ждать твоей милости?

– Так делают все фаворитки.

– Но я не твоя фаворитка! – рявкнула громко, свирепея. – Или ты забыл наш уговор?

На моей памяти это была первая крупная ссора между нами. Я всегда старалась поддерживать Эдварда во всем, но не тогда, когда он самодурствует.

– Я хочу разорвать договор, – ровно произнесла я, немного успокоившись, – мне уже не к чему защита дворца, а ты можешь взять на мое место понравившуюся девушку. Буду жить в одном из своих домов, я уже распорядилась начать там ремонт.

Эдвард резко вскинул голову. В глазах мелькнула паника.

– Нет, не нужно никакой девушки, – торопливо произнес он, вскидывая руки, – если хочешь учиться, конечно, ты можешь посещать занятия. Я не буду препятствовать.

О расторжении договора больше не было сказано ни слова.

***

Зимнюю сессию я успела нагнать. Правда, пришлось несколько ночей посидеть над книгами и один раз пересдать экзамен по праву.

Получив высочайшее разрешение от короля, я усиленно училась, стараясь даже немного обогнать программу. Неизвестно, что ждет впереди. Появлялась во дворце лишь вечером, а иногда и вовсе оставалась ночевать в своей комнате в общежитии. Выходные были отданы кузнице.

Где-то далеко шла война. От Шалира до границы с Фракрией было почти две недели пути. До гор – на поезде, далее – на лошадях и паромобилях, которые едут не быстрее, чем кони. Зорг слал донесения, что вот-вот закончат обустройства тоннель и станет легче.

За семьдесят лет люди, живущие на бывшей фракрийской территории, так не успели стать истинными гражданами Альтеи. В городках и селах саботировали указы короля, помогали "своим", принципиально разговаривали на фракрийском языке и не посылали своих детей в новые школы. Эти земли всегда были "проблемными", но все искупала руда, добываемая там.

Это махровое противостояние превратилось в настоящую проблему, так как даже с тыла наша армия могла ожидать удара в спину.

А пока жизнь в столице текла своим чередом. Спокойно и размеренно. В газетах иногда появлялись статьи о доблестных воинах, героических подвигах, выигранных сражениях, но Эдвард говорил, что силы почти равны. И побед у нас столько же, сколько и поражений.

Ремонт в доме, расположенном на Цветочной улице Шалира, подходил к концу. Я надеялась вскоре туда переехать, даже поручила подыскать прислугу. Дворец, со своими длинными запутанными коридорами, толстыми стенами, помпезностью и гнетущей атмосферой стал для меня чем-то вроде тюрьмы.

Дома Креев почти восемь лет стояли заброшенными. Охраняли их спустя рукава, поэтому из ценного в каждом остались лишь громоздкие железные сейфы, которые ни унести, ни открыть простому

человеку было не под силу. Когда я до них добралась, то кроме золота и камней, обнаружила ценные древние книги на языке магов и блокноты с записями отца. Что было гораздо дороже драгоценностей.

Кассан, наконец, ответил на мое письмо. В нем я пригласила его приехать в столицу и работать в королевской кузнице вместе со мной. Но, увы, он не проникся моей просьбой. Написал, что его все устраивает. Он лучший кузнец в округе, его все уважают. Жена ожидает второго ребенка, у них чудесный дом и прекрасные отношения с родичами. Может быть, когда-нибудь, когда повзрослеют дети...

Незаметно закончилась зима, а за ней и весна. Экзамены заставили понервничать. Банально не хватало времени подготовиться, слишком много отвлекающих факторов. К бухгалтерским книгам школ и больниц добавились отчеты управляющих возвращенных поместий, их тоже нужно было контролировать. Оружия требовалось все больше. По тому, как часто меня вызывали в кузницу, я сделала вывод, что бои идут ожесточенные. Теперь я навещала ее не только на выходных, но и пару раз вечером посреди недели.

По приказу Эдварда начали строить еще три военных завода, но вряд ли их закончат быстро. Вернуть Фабрию Торусу сразу не удалось. Герр Котар озвучил мои же сомнения – закон запрещает передаривать отданное в дар имущество. Я могу лишь продать его и то по истечению трех лет. Значит, придется найти Хорна и продать ему поместье за один золотой.

А пока, с трудом, но все же выделив один день в плотном расписании, я отправилась посмотреть новую собственность. Хорн не соврал – поместье действительно было восхитительным. Я издали увидела зеркальную гладь огромного продолговатого озера, которое огибало по дуге гору. Виноградники пушистым кудрявым ковром покрывали склоны. В долине, рядом с небольшой речушкой, располагался большой трехэтажный дом с белоснежными стенами и коричневой черепичной крышей.

Я влюбилась в поместье мгновенно. Даже великолепный изящный Кларинс, идеальный на моей памяти, с затейливыми башенками и цветными витражами вместо окон, проигрывал в сравнении с Фабрией. Здесь на многие мили вокруг не было ни поселений, ни городков. Только девственная природа, естественность и простота. Здесь легко

дышалось, забывались проблемы и тревоги, а необозримые просторы пьянили грандиозным пиршеством для глаз. На несколько часов я потерялась в этой красоте, забыв о дворце, работе, учебе и вечных проблемах.

«Жаль, – в голову пришла неприятная мысль, – но придется его вернуть».

Встретили меня настороженно. Слуги почему-то прятали глаза и пугливо жались к стенке. Я решила не акцентировать внимание на странное поведение и сразу обратилась к управляющему, взмахом руки распустив остальных. Мужчина показал мне приходные книги, которые я бегло просмотрела, ни на чем особенно не задерживаясь – не было ни времени, ни желания разбираться. Кратко рассказал о главном прибыльном предприятии – производстве вина. Провел по огромным необитаемым комнатам, с зачехленной мебелью. Дом пустовал давно. После смерти предыдущей владелицы, бабушки Хорна, десять лет никто постоянно здесь не жил. Торус бывал наездами и всегда один. Сам же управляющий обитал в отдельном доме, на другой стороне реки, там же находились склады, хозяйственные постройки, конюшни.

– Слуг минимум. В доме содержат в порядке лишь гостиную и хозяйскую спальню, – пояснил он, – на случай внезапного приезда хозяина.

Он испуганно сглотнул и покраснел.

– Точнее, бывшего хозяина, – сразу же исправился, – ария Торуса. Если вы распорядитесь, то я найму еще слуг, и они приведут в порядок остальные комнаты.

– Нет-нет, – поспешила заверить я, – не нужно. Я не планирую здесь жить.

Мне показалось, или он облегченно перевел дух?

Я немного задержалась на верхних этажах, рассматривая потрясающий вид, открывающийся с балкона на озеро и виноградники. Вздохнув, спустилась вниз, попрощалась с прислугой, выстроившейся на пороге, и села в карету. Пора возвращаться в столицу.

В последнее время мне все тяжелее и тяжелее давалась жизнь во дворце. С Эдвардом постоянно возникали ссоры и недопонимания. Мы редко виделись, но даже при этом успевали затеять перепалку на пустом месте. Он отдалялся или я? Не знаю. Много раз я хотела

поднять вопрос о разрыве договора фаворитки, но король словно предчувствуя, переводил разговор на другую тему или вовсе его грубо обрывал.

И тут как гром среди ясного неба – мы отступаем. Крупное сражение у деревушки Атирас закончилось полным разгромом нашей армии. В газетах сразу же напечатали статью о том, что молодой король не справляется со своей главной задачей – защитой территории королевства, что войска плохо снаряжены и обучены, что у наших противников лучше технологии, лучше оружие и так далее.

Удар по репутации молодого короля был сокрушительный. Несколько минут я не могла прийти в себя, взволнованно ходила из угла в угол, сжимая в руках газету. И единственная мысль, которая крутилась в голове – мне нужно на передовую. В последнем своем письме Дарий писал, что тоже планирует отправиться туда. Вместе мы сможем переломить ход сражения. Я передала записку секретарю с просьбой организовать встречу с королем. Эдвард прислушается к моему мнению. Обязан прислушаться.

Прошел день, прошел второй. Король так и не соизволил зайти. Кипя от возмущения, я отправила телеграмму Дарию с просьбой рассказать правду о том, что действительно происходит на фронте. Его зашифрованный ответ заставил меня похолодеть. Фракрия отобрала назад почти половину своих бывших территорий, с построенными на них рудниками и заводами. И быстро движется вглубь. С таким темпом врагу потребуется месяц, чтобы добраться до тоннелей, а за ними исконно наши территории. Если это произойдет, король приказал Дарию обвалить их. «Надеюсь, до этого не дойдет. Это крайняя мера», – закончил он.

***

Эдвард зашел в мой кабинет после заседания верховного суда, в величественной сине-красной королевской мантии. Вместо короны на груди висела массивная золотая цепь, так же являвшаяся символом королевской власти. Рубины и сапфиры, красные и синие, были уложены так, что узор повторял герб Ремов. Цепь и корона по легенде были вручены королевскому роду самими богами, когда те в последний раз спускались к людям. Но я думаю, что Рем первый приказал их создать одному из моих предков.

Место верховного судьи пока было вакантным, до его избрания обязанности исполнял арий Краус, но Эдвард не доверял ему и на серьезных делах появлялся сам.

Как я была не зла на его величество за сокрытие истинного положения дел на фронте, я заставила себя сдержаться и вежливо его поприветствовать, словно и не сидела на иголках два дня. Положение могло быть таковым, что государственные тайны не раскрывали даже близким друзья, и я не могла требовать от короля чего-либо подобного. После нескольких кратких ничего не значащих вопросов я протянула Эдварду позавчерашнюю газету. Он, не глядя, отбросил ее в сторону. В кресло не сел, остался стоять посреди кабинета.

– «Королевский вестник» напечатал опровержение, – произнес он хмуро. – Да, мы отступаем, но не хотел тебя волновать. Приказал держать все в тайне.

– И как долго? – я едва сдержалась от резкости. – Пока войска Фракрии не объявятся перед дворцом?

– До этого не дойдет, – ответил король, – то, что произошло при Атирасе, случайность. Там сложилось воедино много факторов. Долго объяснять.

Я хмыкнула. Ну, конечно, куда мне до высокой политики?

– Опровержение не поможет, нужны реальные победы. Поэтому, я отправляюсь на фронт, – Эдвард вскинул голову, – я уже написала Дарию, он встретит меня у нового тоннеля, и мы вместе...

– Нет! – прервал меня он категорично и грубо, – ты никуда не поедешь!

Вздыхнув, приготовилась к долгой осаде. Я и не планировала, что друг так быстро сдастся. Его маниакальное стремление держать меня при себе никуда не делось.

– Зорг не справится, – начала уговаривать я, – что может сделать один маг с многотысячной армией?

– Нет!

– Пойми, мы отступаем, – продолжила мягко, склонив голову набок, – я обещаю, что буду осторожна и не полезу на передовую. Впереди каникулы, оружия я сделала столько, что работы сборочным цехам на недели. Вдвоем с Дарием мы сможем переломить ход сражения. По одному мы слабы, но вместе...

Эдвард был неумолим. Он странно выглядел, парадная королевская мантия, словно броня, окутывала его с ног до головы, делая незнакомцем. Лицо было непроницаемым и холодным.

Как же мне не нравилось это его состояние отрешенности и неуступчивости.

– Ты редкостный упрямец! – бросила в сердцах. – Простите, ваше величество, слегка погорячилась, – тут же исправилась с улыбкой, приглашая в шутивную перепалку.

Эдвард не купился. Он смотрел прямо мрачным немигающим взглядом, и я ничего не могла прочесть в его пустых глазах.

– Сегодня утром я разговаривал с матерью, – произнес он ровным невыразительным тоном. Я напряглась – уж очень я не любила подобный тон, это всегда значило, что он что-то задумал, – она согласилась со мной, что лучшей королевы для страны, чем ты, нам не найти.

Я ошеломленно моргнула, покачнувшись. Ноги ослабли, я прислонилась бедром к столу в ужасе глядя на короля.

– Мне срочно нужно жениться, так как рождение наследника является сейчас приоритетной задачей. Если со мной что-нибудь случится, страна останется без короля.

– Нет, – произнесла севшим голосом, – нет-нет. Эдвард, это невозможно. А как же принцесса Лея? Договоренности с Горегорами?

– Я король, – Эдвард смотрел на меня сверху вниз, в его глазах я видела озвученный и вынесенный приговор, – я могу изменить правила. Это признала даже мать. Пора отменить древние устои. Ты умная, воспитанная, безукоризненная во всем. В твоих жилах течет древняя благородная кровь. Тебя любит народ, ты героиня в их сердцах. Завтра в газетах объявят о помолвке. Простые люди примут тебя с радостью. Заодно и изменим их упадническое настроение.

Король был бы не король, если бы одним махом не решал сразу несколько проблем. И личных, и государственных. Я мгновенно вспыхнула.

– То есть, ты уже все решил?! – оттолкнулась от столешницы и нервно забегала по кабинету, – ставишь перед фактом? А как же любовь? Чувства?

– Короли не женятся по любви. И да, я люблю тебя, – глухо отозвался Эдвард.

– Но я не люблю! Точнее, не так, как мужчину.

– Моей любви хватит на двоих.

Я сдавленно застонала, впечатав кулак о стену, не обращая внимания на боль в костяшках. Хотелось крушить и ломать все вокруг. Глупо, да и не поможет. Эдвард казался неприступным, далеким и чужим. Между нами словно выросла стена. А, может, она возникла давно, а я ее не заметила в этой вечной кутерьме? Тягостное молчание длилось и длилось. Я не находила слов. Что сказать? Как достучаться?

– Я мог бы тебя заставить... – по комнате словно пронёсся холодный пронизывающий ветер. Кожа покрылась мурашками.

Я ошеломленно обернулась. И это мой друг? Мальчишка, с которым мы делали уроки, танцевали и смеялись, делились сокровенным? Что же с ним случилось? Неужели, это корона так на него повлияла?

– Ваше величество, – произнесла сдавленно, – я готова отдать тебе все... Свои знания, магию и способности. Я буду поддерживать во всем. Я всегда буду верна королевскому роду и тебе... Но не проси меня стать твоей женой. – Воздуха не хватало, я рвано вздохнула, всматриваясь в такие знакомые и такие далекие карие глаза, смотря и не находя в них понимания. – Я люблю тебя, очень люблю, но только как друга! Позволь мне выйти замуж по своему выбору. Я никогда его не имела, позволь мне хоть это...

И тут я разрыдалась. Громко, жалобно, содрогаясь всем телом от разрывающей душу боли. Слезы брызнули из глаз, горло сдавило тисками, не давая сделать вдох. Я в изнеможении опустилась на пол, сжимаясь в комочек, некрасиво всхлипывая, размазывая косметику по лицу, отчаянно шепча «позволь мне хоть это... позволь». Эдвард бросился ко мне, подхватил на руки, испуганно вглядываясь в лицо.

Наверное, это была обычная истерика. От усталости, от бесконечного напряжения, бессилия, страха, что король поступит по-своему, что не станет прислушиваться к моим словам. Я давилась слезами и не могла никак успокоиться.

– Тише, Дени, тише, – Эдвард перенес меня на кушетку, а сам уселся рядом на пол. Он гладил мое зареванное лицо, а в глазах стояла настоящая паника. Что ж, мне удалось испугать самого короля.

– Я не думал, что на тебя так повлияют мои слова, – пробормотал растерянно, – думал, что все девушки мечтают стать королевой. Давай

отложим этот разговор.

– И ты не объявишь завтра о помолвке, – прошептала умоляюще.

– Пока нет.

Я не стала акцентировать внимание на слове «пока».

– И позволишь мне уехать к Дарию, – Эдвард молчал. – Мне необходимо там быть, – произнесла тихо. – Называй это как угодно: предчувствием, интуицией, но я нужна там.

– Хорошо, – выдохнул король, – возьмешь с собой роту королевских гвардейцев. И не вздумай лезть под пули.

– Нет, конечно, – сердце взволнованно заколотилось, я готова была пообещать звезду с неба, лишь бы уехать из дворца. Куда угодно, пусть даже на войну.

Эдвард грустно усмехнулся, заметив мою радость. Потом тяжело встал, как столетний старик и отошел к окну. Я села ровнее, вытащила платок, вытерла слезы, провела рукой по волосам, проверяя прическу.

– Прости за истерику, – пробормотала смущенно.

– И ты прости, – бросил он, не оборачиваясь, – иногда я забываюсь. Ты права – я еще тот эгоист.

– Нет, – мой голос был похож на скрип старой телеги. Как-то сразу навалились усталость, безразличие и апатия, – ты король. Ты думаешь прежде всего о стране. Это я эгоистка, думающая о себе, о собственном счастье.

Эдвард обернулся и с неверием уставился на меня.

– Я обещаю подумать над твоим предложением, – произнесла ровно, вставая, – когда вернусь в столицу, мы поговорим еще раз.

Глаза короля вспыхнули радостью. Он шагнул ко мне и порывисто обнял. Я на секунду прижалась щекой к холодному колючему золоту королевской мантии и отстранилась.

– Выезжаю завтра, на поезде, который повезет оружие к границе.

– Возьмешь королевский вагон. Я распоряжусь, чтобы его прицепили на станции, – в этот раз я не стала спорить и просто кивнула.

***

С каждой поездкой на поезде мой комфорт вырос. В третий раз он достиг невообразимых высот. Я и не знала, что бывает такая роскошь. В вагоне, кроме личных трехкомнатных апартаментов, спальни, гостиной и будуара, была полноценная ванная комната с

горячей водой, комнаты для прислуги, кухня, столовая, небольшая библиотека и обзорная площадка наверху со стеклянной крышей. С собой я взяла лишь герру Динару, которая совместила в себе обязанности горничной и секретаря.

Неделю я отдыхала, наслаждаясь поездкой, рассматривая чудесные виды за окном. Пусть мы ехали на северо-восток, в засушливые холодные края, пейзаж радовал. Что нельзя было сказать о неотступных тяжелых мыслях, теснившихся в голове. Я постоянно прокручивала последний разговор с Эдвардом. До сих пор в ушах стояли его жесткие властные слова: «Я могу заставить».

Не поддавалась воображению наша с ним совместная жизнь. Поцелуи, объятия, дети... и то, что предвещало их появление. А, может, наш брак будет похож на брак его родителей? Ни объятий, ни поцелуев, ни чувств. Отдельные апартаменты в разных концах огромного дворца, встречи по договоренности, фаворитки, холод, равнодушие, безразличие?

Как же хочется любви! Яркой, пылкой, настоящей. Такой, какая была у мамы и папы. Пусть у них она не продлилась долго, но и отпущенные им двенадцать лет прошли незабываемо. Каждая их встреча после разлуки была праздником, каждое объятие – страстным, каждый поцелуй – жадным и самозабвенным.

Но и Эдвард прав. Долг прежде всего. Не знаю, буду я лучшей королевой для Альтеи или нет, но я обязана подчиняться его величеству, как бы не противилось все у меня внутри. Лучше уж родной, до самой крошечной черточки знакомый Эдвард, чем безликий, выбранный из толпы лучших кандидатов незнакомец, которому я так же буду чужой.

Горный хребет медленно выросал из-за горизонта как темное тяжелое грозное облако. До него был еще день пути, а размеры уже потрясали. Как могли Зорги пробить тоннель в такой громадине? И сколько на это понадобилось сил, если до сих пор старших Зорг не встает с постели?

Дарий ждал меня на станции в роскошном четырехместном паромобиле последней модели.

– Вещи и охрана поедут за нами вместе с обозом, – пояснил он, помогая мне и герре Динаре забраться внутрь. – Не переживай, мы не сильно их обгоним. Максимум на пару часов.

Я и не переживала. С собой у меня был небольшой чемоданчик со всем необходимым, а без нарядов и украшений, которые зачем-то уложила Динара, я прекрасно обойдусь.

– Куда направляемся? – поинтересовалась, когда паромобиль, громко фыркнув, тронулся.

– К вечеру должны доехать до второго рубежа, – ответил Дарий, уверенно ведя машину, – там стоит полк под командованием моего знакомого, герра Канде. Я сообщил ему, что мы прибудем. Часть оружия поедет на передовую, часть предназначена ему. Далее по обстоятельствам.

– К вечеру? – переспросила я, удивившись, что фронт так близко.

Ранее от гор до границы с Фракрией нужно было ехать больше недели. Дарий лишь грустно улыбнулся, сосредоточившись на дороге. Мы въехали в тоннель. Даже зная, что он расположен в самой узкой части хребта, его длина составляла несколько миль. На стене по правую сторону висели редкие светильники, дающие слабый рассеянный свет, так, что дорога терялась во мраке.

Сзади негромко пискнула герра Динара. Да и я непроизвольно сжалась от страха, представив толщу гранита над нами. И только когда гнетущий мрак прорезал вспыхнувший впереди яркий луч дневного света, смогла расслабиться.

– Почему все едут через новый тоннель? – поинтересовалась я, когда мы остановились, пропуская обоз с боеприпасами. – Есть же еще один тоннель, старый. Твой отец и дед построили его еще пятьдесят лет назад.

– Он закрыт, – ответил Дарий, вновь разгоняя паромобиль, – после землетрясения скала пошла трещинами, и мы боимся обвала.

Несколько раз мы останавливались на постоянных дворах в небольших поселках, разбросанных по дороге. Я успевала лишь освежиться в обшарпанных дамских комнатах и быстро перекусить бутербродами. Нескончаемым потоком в сторону фронта шли обозы, пешие ополченцы, ехали всадники. Мы обгоняли груженные пушками и оружием телеги, длинные вереницы навьюченных продуктами мулов. Обрато же тоненькой струйкой тек ручеек раненых. Самые тяжелые ехали на телегах, остальные шли пешком. После того, как я случайно встретила глазами с одноногим солдатом, хромящим на костылях, для которого не нашлось места в повозке, я решила больше не

смотреть по сторонам – столько презрения и боли было в его взгляде. Наверное, со стороны мы казались расфуфыренными вельможами, которым стало скучно в столице, и они решили поиграть в войну.

Солнце давно зашло, когда я увидела впереди длинную, растянувшуюся на многие мили, ленту огней. Второй фронт. Наконец. Признаться, я страшно устала от пыли, тряски и грохота паромобиля, единственным желанием было упасть на что-то горизонтальное и отключиться.

Машину Дария здесь знали. Солдаты, стоящие в карауле, пропустили ее беспрепятственно, даже не проверив, кто в ней сидит. Мы въехали в лагерь, немного проехали по центральной дороге и остановились на площади перед длинной деревянной казармой.

Услышав шум от паромобиля, из двери вышел мужчина в форме. Я сама открыла дверцу, не дожидаясь, пока Дарий обойдет и поможет мне.

– Герр Канде, – произнес друг с улыбкой, – позвольте вам представить арию Денизу Крей, королевского мага и мою близкую подругу.

– Ария, – поклонился вояка, крепко пожимая мне руку, – вы очень вовремя.

– Почему? – я подошла ближе.

Лицо полковника было обветренным и усталым. Уголки глаз рассекали глубокие морщины. Но взгляд был пристальным и цепким, словно он уже примерялся, прикидывая, чем может быть полезна мелкая пигалица в роскошном платье.

– Потому что мы сегодня из второго фронта превратились в первый.

– Что? – не поняла сразу я, но через мгновение до меня дошло.

– Вчера первый фронт смело огненным дождем, – сквозь зубы процедил полковник, – случилось то же, что и две недели назад у деревни Атирас. Рано утром сверху в нашу сторону поплыла плоская телега, с которой посыпались бомбы. Сражение закончилось, не успев начаться. До нас добралась всего пару сотен бойцов, остальные...

Я пораженно ахнула.

– У фракрийцев есть дирижабли? Но ведь даже мы еще тестируем пробные образцы, а они уже создали действующую модель?

– Не знаю, выжившие рассказывали, что не заметили ничего, чтобы могло поднять такую махину в воздух. Ни пузыря, ни чего-то другого.

– Странно, – растерянно произнесла я, задумчиво покусывая губы.

– Как бы там ни было, обсудим завтра, как вы сможете или не сможете помочь, – подвел итог полковник, – а сейчас нужно отдохнуть. Для вас, ария Крей, я освободил свою палатку, – мужчина кивнул вправо на большой темный купол из плотной ткани, – сам буду ночевать в казармах. Дарий разместится со мной. Сейчас после того, как к нам присоединились бойцы первого фронта, мест не хватает. Солдаты спят под открытым небом.

Я рассеянно кивнула. У меня сложилось стойкое впечатление, что полковник не слишком верит в нашу магическую помощь. Особенно от меня.

Вдруг сзади до нас донесся радостный возглас Зорга.

– Тор! Какими судьбами?!

Знакомое имя ударило в лоб, словно таран, оглушая и почти сбивая с ног. Задержав дыхание и стараясь унять вдруг заколотившееся сердце, я недоверчиво обернулась. Хорн жал руку Зоргу, но смотрел на меня, пристально, сузив глаза, так, что мне стало не по себе. Я не видела его почти год, с того самого момента, как пьяного, брыкающегося и бранящегося ария утаскивали прочь телохранители Эдварда. Он стал выглядеть старше. Может быть, из-за трехдневной щетины на подбородке или отросших волос, собранных сзади в хвост, а не уложенных в салоне. Или из-за простой солдатской формы темно-серого цвета. А, может, потому что в его теперешнем взгляде не было того сытого холеного самодовольства, самоуверенности и наглости, которые он источал раньше?

– Ваш знакомый? – заинтересованно произнес полковник, я очнулась от размышлений.

– Да, мы учились в Королевской школе, – ответила не подумав.

– С герром Торином Хорноком?!

Я непонимающе похлопала глазами. С кем?

– Ну да, – кивнула еще раз, – там учатся не только арии, но и простые герры. Надеюсь, полковник точно не знает, сколько стоит обучение. – Он солдат?

– Герр Хорнок присматривает за живностью, – пояснил мужчина, – он приехал два месяца назад вместе с большой партией лошадей и остался в составе ополчения. Он прекрасно умеет дрессировать животных.

– Не удивительно, – пробормотала я под нос.

Его мать из семьи Фархов, а те, говорят, даже способны с ними разговаривать. Значит, вот он где. На передовой. Что заставило отпрыска древнейшего рода, тщеславного надменного аристократа отправиться на войну работать конюхом?

– Так, значит, Хорнок закончил Королевскую школу? – полковник никак не мог поверить, что у простого ополченца такое образование. – Я мог бы дать ему сержанта или даже капитана...

Я не стала отвечать на его бормотание, развернулась и медленно направилась в сторону Дария.

– Добрый вечер, давно не виделись, – коротко кивнула Хорну.

– Ты что здесь делаешь?! Убирайся обратно в Шалир, под крылышко королю, – не знаю, на что я рассчитывала, только не на этот злой выпад вместо приветствия.

– У вас забыла спросить, куда мне убираться, – буркнула раздраженно, тут же ощетиниваясь колючками.

– Сколько можно выкаты?! Специально отгораживаешься стеной презрения?

– Ну хватит, – Дарий шагнул между нами, – только встретились, а уже цапаются. Ничего не меняется, – хохотнул он и добавил шутливо: – Дениза не будет участвовать ни в каких авантюрах. Я пообещал Эдварду, что присмотрю за его любимой девушкой.

Наверное, кроме самого Зорга, никто шутку не оценил. Хорн брезгливо скривился, я угрюмо промолчала. Дарий не знал, что я не фаворитка Эдварду. Я не раскрывала наш с королем договор, да и не в таких мы были с Зоргом отношениях, чтобы делиться подробностями личной жизни.

К нам подошел полковник.

– Отбой давно прозвучал. Почему не в казарме?

В ответ на командирский тон Хорн резко выпрямился и вскинул подбородок. Это было так не похоже на него – выполнять чьи-либо приказы, что я едва сдержала улыбку.

– К полночи обещали пригнать две сотни лошадей из Верганы, – ответил четко, – нужно их разместить и распределить по взводам. В последнем бою было много потерь.

– Да, мы обогнали какой-то табун, когда подъезжали, – подтвердил Дарий, – он вскоре будет здесь.

– Ария Крей, – полковник превратился в галантного кавалера, протянул мне локоть и вежливо поклонился, – я провожу вас к палатке. Вам пора отдохнуть. Завтра трудный день. Подъем на фронте в пять утра.

– Да, конечно, – кивнула Дарию и Хорну, – увидимся утром.

Дарий улыбнулся, прощаясь, а Хорн мрачно пробормотал что-то вроде: «Даже не сомневайся».

До самой палатки спину жег пристальный сердитый взгляд. Я передернула плечами. Внутри поселилась странная иррациональная досада – Торус совершенно не испытал радости от встречи со мной. Страсть прошла? Я уже не нравлюсь ему? Что ж, за год он мог забыть меня, найти новое увлечение.

– Пойдем, Тор, – услышала я голос Дария, входя в палатку, – расскажешь мне все. Как ты здесь оказался и что делаешь.

Хорн что-то ответил, я не разобрала. Их голоса удалялись, затихали вдалеке, а я все никак не могла прийти в себя. Хорн – конюх. Солдат. На передовой. А ведь мы сейчас с Хорном равны по титулу. И я вполне могу называть его на ты. И он уже не посмеет предложить мне что-либо постыдное. Я тихонько фыркнула. А ведь я совсем не против его предложения! Конечно, я бы все-равно отказалась, но так иногда хочется почувствовать себя объектом безудержной страсти. Ах, да! Она же прошла... Жаль.

Палатка полковника представляла собой две комнаты. Одна, побольше, со столом и складными стульями служила кабинетом и столовой, другая была крошечной спальней. Динара возилась с поздним ужином.

– Постель я постелила, – произнесла она недовольно, раскладывая бутерброды, наливая чай, – вода для умывания в ведре.

Не трудно было догадаться, что герра Динара не слишком горела желанием ехать со мной на фронт, но выбора я ей не оставила, она была самой молодой из компаньенок. Не брать же герру Вилару, той уже было под шестьдесят. Кто-то должен был заниматься моими

нуждами – еда, одежда, место для ночлега и прочее. Без макияжа, прически, маникюра я могу обойтись, а вот без толкового хозяйственника вряд ли.

– Да уж, не царские хоромы, – пробормотала я, рассматривая узкую походную кровать, застеленную серым жестким бельем, и добавила громче, – ужинать не буду. Ты нашла себе местечко?

– Да, ария, – ответила Динара, – здесь есть раскладушка.

– Хорошо. Тогда спокойной ночи.

***

Утром, Динара подготовила мне походный брючный костюм из плотной ткани. Помогла заплести простую косу и закрепить ее узлом на затылке. Вещи привезли поздно ночью, тогда же приехал и отряд элитной королевской гвардии, мои, так сказать, телохранители.

– Их разместили под навесом, рядом с палаткой, – пояснила Динара, – мест в казарме нет.

Завтракали мы втроем. Я, Дарий и полковник. Вояка принес с собой большую цветную карту, которую мы расстелили на столе, как только Динара убрала посуду.

– Шпионы докладывают, что Фракрия готовит масштабный прорыв. Как раз напротив тоннелей. Основные силы сосредоточены здесь и здесь. Так что мы сейчас на главном фронте, – герр ткнул пальцем в зеленые точки на карте, окруженные черными штрихами. Я сузила глаза, стараясь вычленить важные объекты.

– Чего они ждут? Почему не нападают? – поинтересовался Дарий.

– Точно не знаем, – ответил полковник, – возможно, еще не подвезли бомбы для воздушной атаки? Все крупные победы, на моей памяти, Фракрия получала именно за счет дирижаблей.

– Странно, – принялась размышлять я вслух, – дирижабли сбрасывали бомбы не чаще одного раза в месяц. Только между Атирасом и позавчерашней атакой был разрыв в две недели. Как думаете, из-за чего?

Дарий задумчиво пожал плечами.

– Мало дирижаблей? Бомб? Долго перемещать их из одного конца фронта на другой?

– А разве они не должны перемещаться по воздуху?

– По вашей логике, ария, – встрял полковник, – наступления нам можно не бояться еще более десяти дней?

Я неуверенно кивнула.

– За это время мы с Дарием пройдемся вдоль линии фронта и распыллим все железо, какое есть. Добавим сложностей противнику. Без оружия, пушек и бомб сильно не повоюешь.

– А как? – полковник азартно склонился над столом.

– Мы с Дарием уже проворачивали подобную авантюру. Правда? – обратилась я к Зоргу. Тот понимающе хмыкнул, вспомнив поход с Эдвардом во дворец. – Ты проведешь меня под землей на вражескую территорию, и там я уничтожу их оружие. Сегодня ночью у вас, завтра поедем к полковнику Фергюсону, он стоит в пятидесяти милях к югу. И так далее. Не знаю, справимся ли за десять дней, но постараемся.

– На сколько хватает твоей силы? – поинтересовался Дарий.

– Примерно на милю, если качественно, в пыль или гранулы, – ответила я, – если просто испортить до глубокой ржавчины, то, думаю, на две-три мили смогу.

На самом деле, я никогда точно не проверяла. Но когда тренировалась в королевской кузне, то легко дотягивалась от входа до противоположной стены. А длина кузницы составляла ровно милю.

– Их передовая примерно в пяти милях от нас, – произнес полковник, тыкая пальцем в карту, – отсюда не достать.

– Значит, нужно идти под землей, – Дарий порывисто встал, – пять миль до границы и еще немного вглубь, чтобы уж наверняка.

– Когда выходим?

– Давай ближе к ночи, – ответил он задумчиво, что-то мысленно просчитывая, – потребуется много сил, предлагаю хорошенько отдохнуть и тебе и мне.

На этом мужчины вышли. Я немного полежала на застеленной кровати, стараясь следовать совету Дария и поспать. Но расслабиться не получалось. В голове путались мысли о встрече с Хорном, предстоящей вылазке, предложении Эдварда, дирижаблях. Сквозь тряпичные стены было прекрасно слышно, как переговариваются солдаты, обсуждая наше бедственное положение, как вдалеке отдает приказы полковник, как ржут лошади в стойлах. В итоге я встала и решила пройтись, подышать свежим воздухом и осмотреться.

Как только вышла из палатки, двое королевских гвардейцев встали за спиной. Я недовольно скривилась, но промолчала. А

обернувшись, заметила, как еще пятеро прохаживаются вокруг на небольшом удалении.

Я направилась к роще, виднеющейся в конце главной дороги. «Нужно было приехать на войну, чтобы позволить себе прогуляться», – весело подумала, вспоминая, что последний раз я гуляла вдоль моря, еще когда бегала в кузницу к Кассану. Во дворце был роскошный сад, но времени посетить его ни разу не нашлось. А школьные верховые прогулки я игнорировала, экономя время для других дел.

Как я не хотела, но все же пришлось стать объектом пристального внимания всех вокруг. Не потому, что я женщина. Слабый пол служил на фронте, я заметила нескольких кухарок и прачек. Одни чистили овощи на улице у обоза, другие снимали постиранное белье. Медсестры в белых халатах бегали от полевого госпиталя через дорогу к колодцу. Но арии, да еще и маги, были редкими гостями на передовой. Меня провожали испытующими взглядами, настороженными, недоверчивыми. «Крей, та самая Крей. Неужели маг? Разве они остались?» Ничего нового, еще герр Лукаран говорил, что люди давно перестали верить в существование магов. «Скоро мы и вовсе превратимся в легенду», – мысленно усмехнулась я, подумав, что реально магических семей осталось уже четыре, так как единственный сын Горна погиб несколько лет назад.

Там вообще была мутная история. И как журналисты ни копали, ничего сверх официальной версии – убийство при ограблении, выведать не смогли. Как арий, наследник магической семьи, богатейший аристократ оказался в трущобах? Зачем ввязался в драку, если мог просто отдать деньги, драгоценности и остаться жив? Я тогда еще жила у Марты и новости к нам доходили с большим опозданием. Единственного сына Горна лечили лучшие лекари Шалира, но ничего сделать не смогли. После смерти наследника Горн перестал появляться в столице, а после и вовсе превратился в затворника.

До вожделенной рощи оставалось совсем чуть-чуть, когда я услышала громкое ржание и топот множества копыт. За деревянной оградой, в загоне, толпились кони. Те самые две сотни голов, прибывших вчера. Как-то сами собой ноги понесли меня к ним.

Хорн, серьезный, сосредоточенный переходил от одной лошади к другой, рассматривал зубы, ноги, трогал живот. Немного постоял рядом с норовистым жеребцом, которому не нравилось происходящее.

Что-то тому втолковал. Конь, прислушиваясь, кивал головой, периодически бодая Хорна в грудь. Если бы я не знала, что у Тора нет способностей к магии, я бы подумала, что они общаются.

Мимо воли я загляделась на молодого мужчину, столь непохожего на себя прежнего. Он так органично смотрелся рядом с лошадьми, словно сам был чистокровным скакуном. Как же полковник мог не заметить явно аристократические черты лица конюха? Волевой подбородок, высокий лоб, ровный породистый нос, подтянутую худощавую фигуру, элегантную даже в простой солдатской форме.

И тут я обнаружила, что не одна наблюдаю за Хорном. Справа у ограды стояли две молоденькие медсестры. У обоих на лицах цвели лучезарные призывные улыбки. Девушки смущенно хихикали, игриво толкали друг друга локтями, пытаясь привлечь внимание красавчика. И пусть Хорн никак не показывал своего интереса в ответ на их заигрывания, настроение испортилось.

«Конечно, он всегда в центре внимания женского пола. Хоть арием, хоть конюхом». Пора уходить. Не хочу выглядеть очередной поклонницей.

Вдруг Хорн обернулся. Наши глаза встретились и словно прикипели друг к другу. Теперь бы, если я и захотела, не смогла бы незаметно уйти. Тор оставил коня на помощника и решительно направился в мою сторону.

Сердце заколотилось, я испуганно сглотнула, одновременно и желая, и не желая встречи. Да, поговорить нужно, расстались мы далеко не на дружественной ноте. Много всего за год произошло. Скандал с отцом, его неожиданный подарок, исчезновение.

– Значит, прячетесь здесь, герр Хорнок? На фронте? – я была рада, что мой голос прозвучал насмешливо и легкомысленно, так, как я обычно веду пустую светскую беседу. – Достойнее места не нашлось для применения ваших многочисленных талантов?

– Я не прячусь, – ответил Хорн, останавливаясь у ограды, бросая недовольный взгляд на стоящих за моей спиной гвардейцев.

– Конечно, проще ухаживать за лошадьми, чем разгребать ту кучу проблем, которые вы и ваш отец после себя оставили.

Торус невесело усмехнулся и одним слитным сильным движением перемахнул через забор, оказываясь на моей стороне. За спиной

девушки восхищенно ахнули. Хорн элегантно протянул локоть, на который я опустила ладонь, и повел в сторону рощи.

– Так, значит, ты приехала на фронт, чтобы разыскивать уклоняющихся от службы королю выпускников школы? – от мягкой иронии в его голосе мне захотелось улыбаться. Он явно был рад меня видеть, и от этого внутри стало тепло.

Обернувшись, я отрицательно махнула рукой телохранителям. Те немного отстали, но все равно упрямо шли за нами.

– Ты прекрасно знаешь, что мы встретились случайно, – пробормотала смущенно, мысленно решив, что Хорн прав, давно пора перейти на «ты». Я сама ставлю себя в неловкое положение, продолжая «выкатать». По титулу мы равны, даже если Велир лишил сына наследства, приставки арий он лишить его не может.

Хорн выразительно приподнял бровь, оценив мою уступчивость.

– Предательством является игнорировать нужды королевства, – продолжила я менторским тоном, – заниматься высокородному арию тем, чем мог бы заниматься простой крестьянин. Забыть то прекрасное образование, которое дала тебе школа.

– Я словно слышу голос нашего правильного ответственного Эдварда, – фыркнул Тор, – вы так сблизились, что ты стала его точной копией?

Иногда я действительно ловила себя на мысли, что выражаюсь, как Эдвард, нравоучительно и бесцветно, точнее, как будто мне под пятьдесят, и я устала от жизни. На самом деле я была смущена. Пыталась вести себя как настоящая ария, умудренная опытом женщина, но получалось плохо.

– Да, я близка с Эдвардом, – подтвердила сухо, – он самый благородный и добрый человек, который...

– Может, хватит его хвалить?! – прервал Хорн резко. Маска добродушия слетела с него в мгновение ока. – Я читал твою пафосную статью в утреннем Шалире. Жалкая попытка поднять рейтинг королевской семьи.

Да, его слова продиктованы ревностью, но все равно неприятны. Я замкнулась и молча пошла вперед, стараясь обрести то безучастное ледяное равнодушие, которым я окружала себя во дворце.

Мы, наконец, добрались до рощи. Она оказалась маленькой, не более двух десятков тоненьких молодых деревьев. Но для пустынной

засушливой земли и эта крошка была богатством.

– И это твоя цель? – я с ироничной усмешкой кивнула на оставшийся за нашими спинами загон. – Твое призвание? Глупо прятать талант и работать обычным конюхом. Когда как мог бы...

– Я буду заниматься тем, чем хочу, и ты мне не указ, вместе со своим любовником, – раздражение Хорна не угасло, наоборот, набирало обороты.

– Ты как был эгоистом, так им и остался, – досадливо произнесла я, останавливаясь у юной березки, – а ведь из-за твоего «нет» в храме заварилась вся эта каша, которую нам с Эдвардом пришлось разгребать. Как, совесть не проснулась?

– Совесть? – взвился мгновенно Хорн. – Ты мне говоришь о совести?

Вдруг он схватил меня за плечи и прижал к деревцу. Пальцы впились в кожу. Лицо приблизилось к моему так близко, что я увидела темно-синий кружок на глазной радужке.

– Уж кто бы говорил, – жаркий шепот обжег губы, – ты ведь тоже работаешь не по профилю? Получила назад и титул, и поместья через постель короля.

От гнева потемнело в глазах. Я неосознанно рванула вперед, и мы почти столкнулись носами.

– Ты мне сам предлагал богатство и тоже через постель, – прошипела зло, не контролируя себя, – разница лишь в том, что Эдвард смог отбелить имя моего отца, а что ты мог предложить, кроме жалкого провинциального поместья?

Тор угрюмо молчал. Я уничтожительно фыркнула, отшатываясь назад и отводя взгляд.

– Да у меня сейчас десяток, таких как оно, даже лучше, – желая уязвить Хорна, я откровенно лукавила. Фабрия мне очень понравилась, она действительно стоила всех поместий вместе взятых, но Торусу об этом знать не обязательно.

Лицо мужчины болезненно скривилось.

– Значит, все-таки товарно-денежные отношения? А говорила, что выше этого.

– Мне не нужно твое поместье, забирай обратно! – почему я шиплю, как раздраженная кошка, и все волоски дыбом? Ведь с другими я могу сдерживать злость и возмущение, не позволяя

переходить границы. Было всякое, и в школе, и во дворце. Только с Хорном не могу держать себя в руках. И не хочу.

– Оно останется у тебя! Я своих решений не меняю! – проскрежетал он гневно, тяжело дыша. Глаза опустились на мои губы и застыли там намертво, не мигая. Кадык нервно дернулся, кожа на скулах натянулась.

Я замерла, боясь пошевелиться и дать ему хоть какой-то знак, дать повод наброситься, потому что видела, что он на грани. От Хорна шел такой жар, что у меня выступила испарина и пересохли губы. Очень хотелось их облизать, но я интуитивно понимала, что делать этого нельзя. Злость испарилась, дав место другим чувствам. Станным, абсолютно новым для меня. Мы было и страшно, и любопытно. В мыслях – хаос, смятение, паника. И в то же время я чувствовала необъяснимую правильность происходящего, непонятную жажду продолжения, восторг от близости именно этого конкретного мужчины.

Наверное, этого я ждала, этого мне хотелось. Когда ночами просиживала над бухгалтерскими книгами, когда монотонно делала заготовки ружей, когда устраивала приемы и чаепития с дипломатами. Этого – живого, настоящего. Чувств, эмоций, переживаний. Почему я их испытываю только с ним? Почему ни с кем другим так не грохочет сердце, и не перехватывает дыхание? Я стиснула руки за спиной, цепляясь за ствол деревца, одновременно и желая шагнуть вперед, и сбежать отсюда так далеко, как только смогу.

Тор шумно сглотнул и качнулся в мою сторону. Зрачки расширились и затопили голубую радужку, превратив глаза в темные провалы. Я вдохнула запах пота, пыли, лошадей. Его настоящий запах. Голова закружилась, ослабели ноги.

– Дени... – прошептал он хрипло. Я оцепенела, все мысли вылетели из головы. От его проникновенного «Дени» кожа покрылась мурашками.

– Ты когда-то спросила, люблю ли я тебя... Я сказал, что не верю в любовь. В моем окружении никто о ней не говорил, и никто ее не испытывал.

Сердце суматошно заколотилось. Я смущенно опустила голову, не в силах смотреть ему в глаза, потому что видела в них бушующее море

эмоций, и боялась, что оно меня подхватит, закружит, унесет бурным потоком, и я больше никогда не смогу самостоятельно выплыть.

– Если то, что я чувствую к тебе, это любовь, то мрак ее раздери, – я удивленно моргнула, недоумеваю. Первой мыслью было – послышалось. Слишком режущим был диссонанс между проникновенными словами о любви и злым ругательством. Я ждала обычного традиционного признания, но Хорн в очередной раз меня поразил. – В бездну! – еще раз с силой повторил он, хмурясь, – Это постоянное выматывающее беспокойство, дикая ревность, жуткий голод, который невозможно унять ни с кем другим. Нельзя жить в таком состоянии постоянно. Это... – он запнулся, – ...больно. Нестерпимо. Зверски.

Я молчала, ошарашенная признанием. Это совсем не то признание в любви, которое мне бы хотелось получить. От него щемит сердце, и на душе горько.

– Я удивляюсь, как не сошел с ума, когда ты стала фавориткой Эдварда. Знаешь, что со мной было после того бала? – Хорн желчно усмехнулся. – Я реально попал в ад, почувствовал на своей шкуре, что значит это слово. И мне пришлось выбирать... Сохранить рассудок, изменив свою жизнь, или свихнуться.

– И что ты выбрал?

– Рассудок.

Я отлепилась от деревца, принялась ходить по полянке, бездумно срывая листики с веток. Успокаивая внутри себя бурю, поднявшуюся после его слов. Хотела сказать, что любовь болезненна, если только она не разделенная, и совсем другая, если взаимная. Но не сказала. Потому, что сама все это знала лишь в теории. Потому, что не хотела давать Хорну даже призрачную надежду. Потому, что в столице меня ждал Эдвард с ответом, а он был гораздо ближе и роднее, чем Хорн.

– Я не сразу уехал, – продолжил он мрачно, – после храма и неудавшейся женитьбы я некоторое время жил скрываясь, то в Фабрии, то в столице. Не знаю, чего ждал. Все было и так предельно ясно, но увы, сердцу не прикажешь, оно всегда на что-то надеется, даже после сотого отказа. Ходил на выставки, открытия памятников, школ, наблюдал за тобой, за королем, желая увидеть хоть что-то, что могло сойти за ссору или охлаждение. Но нет. Эдвард смотрел на тебя так,

что было ясно каждому – он никогда тебя не отпустит по своей воле. Я видел в его глазах то же, что и в зеркале – постоянный голод и тоску.

Его слова отзывались внутри меня печалью и странным, необъяснимым сожалением. Но это была его боль, его грусть, почему же мне так плохо?

– Война оказалась как нельзя кстати, – в голосе появились насмешливые нотки, – она такая странная штука, заставляет забывать обо всем. Лучшее лекарство от уныния.

– Ты давно на фронте? – поинтересовалась тихо, переводя неприятный разговор в иное русло, – полковник сказал, что ты прибыл два месяца назад.

– Сначала я служил на юге, – ответил Хорн, – там было скучновато. А после того, как основная часть фракрийской армии двинулась к тоннелям, стало ясно, где именно вскоре станет интереснее. Генерал Бранн переправил сюда солдат с остальных фронтов. Я вызвался добровольцем.

– Значит, скучно... – повторила я за ним рассеянно, не зная, что думать. Он искал то ли он забытья, то ли смерти. И то и другое было ужасным.

– И пока ты не приехала, я думал, что избавился о мыслях о тебе, – улыбнулся одними губами Хорн. В глазах не было ни грамма веселья. – Но ты как заноза сидишь внутри. Стоило только увидеть и...

Хорн раздраженно взмахнул рукой и впечатал кулак в березку за моей спиной. Я опасливо покосилась на нервного ария, не зная, что сказать. Опять ссориться не хотелось, как и напоминать о том, что происходило между нами раньше. Тор отвернулся и некоторое время молчал, что-то высматривая вдалеке.

– Я знаю, что ты не любишь меня, – тихо произнес он, сделал небольшую паузу, словно ожидая от меня каких-то слов и не дождавшись, продолжил, – я сам в этом виноват. Сделал все, чтобы ты меня возненавидела. Я шел по знакомому пути, использовал те способы, которые никогда не подводили – наглость, напор, деньги, внешность, положение. С тобой не сработало, пришлось придумывать другие. На самое странное, что с тобой не работало ничего. Когда опустились руки, я ступил на обычный путь человека, который не знает, что предпринять, не знает, как жить дальше – начал пить.

– Не надо, – смогла выдать из себя, – не говори ничего. Хватит.

Хватит боли и горечи. Душа уже изорвана в клочья. Еще одно слово и у меня брызнут слезы. Хотелось закрыть уши руками и забыть все, что было произнесено. Лучше я бы осталась в палатке, а не искала встречи с ним. Пора себе признаться – я скучала по нему, хотела увидаться, хотела поговорить. Ну что – поговорила? Стало легче? Нет. Стало еще хуже.

– Я просто хочу попросить прощения, – Хорн остановился напротив меня и просто смотрел.

Серьезно, внимательно, выжидающе. И тут я поняла, чем отличается его теперешний взгляд от того, прежнего Хорна. Иногда подобный взгляд я видела в зеркале. Это взгляд человека, испытывавшего сильную боль. Не думаю, что моя боль от потери родителей шла в сравнение с его болью от лишения наследства или разбитого сердца. Но кто я такая, чтобы судить, чья боль сильнее?

– Прощение? – повторила бездумно. – За что?

– За то, что был трусом. За то, что первым не вступился за твою честь, как это сделал Зорг. За то, что не протянул руку, когда тебя толкнули, как это сделал Эдвард. За то, что не понял сразу...

– Достаточно, – прервала я его взмахом руки и добавила насмешливо, – Хорн извиняется? Видимо солнце уже упало на землю, а я даже не заметила.

На лице мужчины отразилось недоумение. Через мгновение он вспомнил свои же слова, сказанные в библиотеке три года назад.

– Мне не стыдно признать свои ошибки, – произнес он напряженно, – я изменился, а вот ты так и не можешь забыть и простить. Ты заостенела в своей ненависти к Хорнам.

– Да, я помню, – фыркнула саркастически, – ледяная статуя, бездушная и холодная...

Я специально накручивала себя, потому что испугалась. Давно не осталось никакой ненависти. Сейчас я испытываю совсем другие чувства, но пока сама в них не разобралась. Пусть лучше думает, что я ненавижу его. Такая смелая в других моментах, в чувствах я оказалась жуткой трусихой.

– Так ты хотел получить мое прощение? – высокомерно произнесла, беря себя в руки. Голос зазвучал в лучших традициях королевского двора – с легкими презрительными интонациями, холодно и надменно. Хорн неуверенно кивнул.

– Тогда ты прощен, – моя улыбка была похожа на улыбку королевы. Ей было под силу заморозить даже солнце, – можешь возвращаться в столицу, я попрошу Эдварда подобрать тебе место, соизмеримое с твоими знаниями и умениями. Он не откажет мне.

Хорн дернулся, словно получил кулаком в живот, лицо болезненно исказилось. Точно не в силах смотреть на меня, он резко отвернулся и шагнул прочь.

– Ария Крей! Вот вы где! – нашу сторону шел полковник. – Обед давно накрыт. Ждем только вас. Еще надо обсудить вашу с Дарием авантюру. Добавились кое-какие аспекты.

– Какую авантюру? Ты никуда не пойдешь! – рявкнул Хорн, оборачиваясь.

– Рядовой Хорнок, соблюдайте субординацию!

Торус сжал челюсть так, что скрипнули зубы, желваки проступили на скулах. Он бросил на меня разъяренный взгляд, но подчинился и отступил.

Полковник подставил локоть, и я уцепилась за него, как утопающая за спасительный канат. Как вовремя он нас нашел, как удачно прервал. Иначе неизвестно, как бы этот разговор закончился. Я так не уставала, даже организовывая бал на тысячу персон.

***

Как только солнце зашло за горизонт, и показались звезды, мы с Дарием незаметно вышли из палатки, оба одинаково одетые в черные плотные комбинезоны. Лишь у меня на голове была косынка, под которую убрала волосы. Я еще раньше сказала гвардейцам, чтобы не беспокоились – со мной ничего не случится, мы будем идти под землей.

Мы должны были пройти немного на юг, вперед, по нейтральной территории, там Дарий пробьет тоннель. Вылазку держали втайне ото всех, чтобы фракрийцы не приняли меры и не вывезли оружие, так как не только на вражеской территории были шпионы.

Я вошла в черную глубокую нору, созданную Дарием, словно в могилу, по крайней мере, с теми же чувствами. Лампа, захваченная мной, должна была освещать путь, только вот от ее света было мало толку. Идя по бесконечному сырому коридору с затхлым кислым воздухом, я видела лишь широкую спину Зорга и черные рыхлые

стены, подступавшие к нам вплотную. Путь был бесконечным, мне казалось, мы шли многие часы, когда Дарий, наконец, сказал – стоп.

– Мы углубились внутрь их фронта не больше, чем на полмили. Сейчас мы на территории противника, в центре укреплений. Значит, так. На севере наши, ты проецируй на запад, юг и восток. Девяносто градусов, выброс две-три мили. Здесь сосредоточено самое большое количество войск, значит, и оружия, техники, – произнес глухо Дарий и добавил серьезно, – начинай. Я встану за твоей спиной, чтобы не задело.

Я попыталась сделать радиус даже больше, чем планировала. После второго заклинания на юг покачнулась, а после востока вообще упала на колени. Дарий бросился ко мне и схватил под руку.

– Ты как?

Вместо ответа меня вырвало ужином.

– Прости, – прошептала тихо, борясь с головокружением, – мы можем немного отдохнуть? Дай мне минутку.

– Хорошо, – ответил Дарий, отдыхай, – только отойдем назад.

Зорг подхватил меня под руку и потащил. Я едва передвигала ноги. Сильно тошнило, в виски впились два раскаленных прута, в глазах вспыхивали разноцветные пятна. По-моему, я перестаралась. Достаточно было испортить оружие, а не уничтожать его в пыль. Ничего, в следующий раз буду умнее.

Мы остановились. Я села, привалилась спиной к прохладной земле и откинула голову, мгновенно отключаясь. Пришла в себя из-за странного хрипа. Лицо Дария побледнело, на лбу выступила испарина. В тусклом свете лампы Дарий был похож на мертвеца. Беспокоясь о себе, я и забыла, что и у него может быть истощение.

– Дени, пойдем, я долго не смогу держать свод, – прохрипел он, увидев, что я очнулась.

Я быстро кивнула и, стараясь не показывать слабости, встала на ноги. Мы медленно брели по темному сырому коридору, держась друг за друга. Качало нас одинаково сильно. Но если я с каждым шагом чувствовала себя на каплю легче, то Дарию было все хуже и хуже.

– Может, выйдем здесь? – тихо спросила я.

Зорг на мгновение задумался, что-то мысленно подсчитывая.

– Над нами еще нейтральная территория, можем нарваться на патруль. Еще немного.

Мы двинулись дальше. Ноги заплетались, Будь коридор шире, то если бы мы упали, подняться сил бы уже не хватило. А так мы просто натыкались на грязные влажные стены, выпрямлялись и шли дальше.

Дарий опирался на меня все сильнее и сильнее. Я не считала себя физически слабой, но когда он полностью повис на мне всем весом, я не выдержала и рухнула на землю вместе с ним. У Зорга безвольно закатились глаза. Из рта вытекла струйка слюны. Мне стало страшно до жути.

– Очнись, ну же, пожалуйста! – заорала я, схватившись его за комбинезон и тормоза изо всех сил, дико боясь остаться похороненной под толщей земли вместе с Дарием. Потолок резко приблизился, комья земли посыпались на голову.

Как на меня обрушивается земля и засыпает заживо, я видела лишь в своих кошмарах. Они мне снились несколько ночей подряд после нашей вылазки во дворец. А сейчас это со мной происходило наяву.

Зорг слабо застонал, открывая мутные больные глаза. Потом из последних сил вытянул руку и что-то прошептал, сразу же теряя сознание.

В то же миг потолок над нами словно взорвался, пробивая широкую дыру.

На мгновение я увидела звезды, и тут же земля посыпалась сверху, забивая глаза, нос, рот. В панике, ничего не соображая, почти не дыша, я принялась карабкаться наверх, туда, где видела ночное небо, по осыпающемуся склону. Когда моя голова оказалась над поверхностью, то смогла вспомнить о друге. Откуда только силы взялись? Я руками разгребала рыхлую землю, расширяя яму, пока не увидела белое лицо Дария. Слава богам, он был жив. Откопав руку, я попыталась вытащить бессознательное тело. Куда там! Он был огромным и неподъемным, еще и полностью засыпанным землей.

Поняв, что ничего сама сделать не смогу, начала утрамбовывать почву вокруг головы Дария, чтобы ему было чем дышать. Кругом стояла непроглядная темень, как я не прислушивалась, ни шагов патруля, ни разговоров солдат не слышала. Оставлять Зорга было страшно, но другого выхода не было. В итоге, кое-как замаскировав ветками яму, я полезла на четвереньках в сторону своих, определив север по звездам. Не помню, сколько я ползла. В голове мутилось,

тошнило, я то теряла сознание, то опять выплывала из мглы, принималась упорно ползти вперед, цепляясь руками, ногтями за рыхлую землю.

– Какого черта? – прошипел знакомый голос сверху. – Что произошло? Что с тобой? Я же просил тебя не рисковать! Почему ты такая упрямая? Где Дарий?

Хорн подхватил меня под руки и поставил прямо. Точнее попытался поставить, ноги сразу же подогнулись, я покачнулась, и Тор крепко прижал к себе, поддерживая за талию. За его спиной я увидела гвардейцев.

– Вы нашли нас... – прошептала я куда-то в плечо. – Нужны лопаты, откопать Дария. Он там, застрял. Покажу.

И попыталась выпутаться из объятий.

– Ты едва стоишь на ногах, – произнес Хорн, подхватывая меня на руки, голос был одновременно и злым и обеспокоенным, – лопаты с нами. Я искал вас, боясь, что они могут понадобиться.

Если бы в голове так не мутилось, я бы, наверное, похвалила его за предусмотрительность. А так просто сипло прошептала:

– Идите строго на юг, по моим следам. Впереди будет яма, замаскированная ветками. Оставьте меня здесь, я подожду.

– Ну уж нет, – Хорн прижал меня еще крепче, впиваясь руками в ребра, впечатывая в свое тело, – одна ты не останешься.

Оказывается, я прошла, точнее, проползла, совсем немного, так как вскоре показалась плохо замаскированный овраг с белеющим внизу лицом Дария. Как же хорошо, что не было вражеского патруля. Возможно, лишившись всего оружия, у фракрийцев началась паника, и им было не до патрулирования.

Солдаты быстро откопали Зорга. Рывком вытащили из земляного плена. Он был без сознания, отдав последние силы, чтобы пробить для меня дыру. Нет, мысленно решила я, мне совершенно не по вкусу эта жуткая земляная магия. Металл куда лучше и понятнее.

Двое крепких гвардейцев подхватили Дария под руки и быстро потащили в сторону наших укреплений. Мы отправились за ними. Я завозилась и попыталась настоять, что сама могу идти, но Хорн только раздраженно шикнул.

– Идиоты, вы же могли погибнуть, – прорычал он глухо.

– Зато мы испортили весь фракрийский металл на многие мили вокруг, – как же приятно у него на руках, тепло и безопасно. Я непроизвольно зевнула, – мы молодцы.

Глаза неумолимо закрывались, прежде чем совсем отключиться, я услышала тихое:

– Еще какие...

***

Я медленно выныривала из сна. Слабость еще кружила голову, во рту до сих пор стоял кислый привкус земли. Желая проверить силы, я произнесла шепотом формулу поиска металла на короткое расстояние, и перед закрытыми глазами тут же проявились металлические колышки, на которых была натянута палатка, мелкие части кровати, столовые приборы на столе, шпоры, пуговицы, пряжки ремней и пару кинжалов с длинной изогнутой саблей. Это еще что?

В соседней комнате кто-то был. Привстав с кровати, я сосредоточилась.

– Где доктор, почему ты здесь один? – обеспокоенный голос полковника.

– Доктор ушел к тяжело раненым, герра Динара отправилась на кухню, добывать еду. Дениза просто спит, – тихий голос Хорна.

– Дениза? Ты так неформально называешь арию Крей по имени. Вы были знакомы?

– Были, – ответил Тор кратко.

– Близко? – каким бы не был полковник доблестным и несгибаемым воякой, любопытство все же пересилило.

Молчание затягивалось. Я с интересом прислушивалась, ожидая, что же ответит Хорн.

– Не так близко, как бы мне хотелось, – в итоге произнес он задумчиво.

Полковник негромко рассмеялся.

– Ну и наглец, ты, рядовой Хорнок. Кто ты, а кто она? Самая прекрасная девушка королевства, любимая короля, маг, ария. И ты, конюх.

Я непроизвольно заулыбалась, представляя лицо Хорна. Послышался шорох – полковник открыл полог палатки.

– Ладно, карауль, если хочешь, ты вчера отличился, нашел наших доблестных магов. Шпионы доложили, что у фракрийцев паника. Им

будет не до войны еще как минимум неделю, а то и больше.

Полковник вышел. Я встала с кровати, оглядела себя и принялась одеваться. Руки и лицо были чистые. Волосы распущены и расчесаны. «Надеюсь, это была герра Динара», – подумала со смешком. В ведре рядом с кроватью нашла воду и полотенце. Умывшись и почистив зубы, я вышла из спальни. Настроение было преотличным. Наша вылазка удалась, мои силы восстановились. Надеюсь, и Дарий хорошо себя чувствует.

В центре комнаты стоял Тор и напряженно на меня смотрел. Одежда была измята, кое-где темнели грязные пятна. Осунувшееся лицо, круги под глазами. Он что, не уходил отсюда всю ночь?

– Кто ты, а кто я? – повторила я слова полковника. Губы непроизвольно разъехались в улыбке, Хорн улыбнулся вслед за мной.

– Ты же говорила, что титулы и деньги для тебя не имеют значения.

– Не честно ловить меня на слове, особенно тогда, когда это тебе выгодно, – я присела на стул. Не знаю почему, но я была рада его видеть этим утром.

В палатку вошла герра Динара с подносом, заставленным едой. Она не удивилась, увидев Хорна рядом. И, конечно же, она не могла его не узнать. Очевидно, в столицу уже летит послание о том, что нашелся пропавший арий Хорн, и о том, что мы чуть не погибли с Дарием. Я догадывалась, что все мои компаньонки так или иначе шпионят за мной. Надеюсь только, что пройдет еще какое-то время, пока Эдвард не прикажет мне ехать назад в столицу, и мы успеем сделать задуманное.

– Позавтракаешь со мной? – я вспомнила о манерах. Тор торопливо кивнул, словно опасался, что я передумаю, и уселся напротив.

Динара поставила поднос на стол и разложила приборы.

– Ария, арий, – вежливо поклонилась нам и торопливо вышла.

Ветчина, колбаски, яйца, сыр, масло, хлеб, выпечка. Глаза разбегались от вкусного разнообразия. Интересно, на фронте всех так кормят, или только мне так повезло? Желудок настойчиво заурчал, требуя еды.

– Как Дарий? – поинтересовалась, намазывая маслом булочку.

– Пришел в себя, но еще слаб, – ответил Хорн, перекладывая себе на тарелку горку ветчины и два яйца, – доктор разместил его в лазарете, чтобы был под присмотром. Так что у тебя сегодня полноценный выходной.

– Отлично, пойдем в лазарет после завтрака, – Торус согласно кивнул с полным ртом.

Некоторое время мы молча ели. Я ощущала странную умиротворенность, словно вчера моя жизнь не висела на волоске. А, может быть, именно потому, что я чудом избежала смерти, мне сейчас так хочется жить? Было уютно, спокойно и комфортно. Хорн жадно уплетал завтрак, искоса на меня поглядывая, его глаза блестели, а в уголках губ затаилась улыбка. Мы одновременно протянули руки к щипцам, воткнутым в сахарницу, и столкнулись пальцами.

Я смущенно одернула руку и покраснела, злясь на свою непроизвольную реакцию. Что за ребячество! Где хладнокровие и невозмутимость? Где железная выдержка, которую я демонстрировала во дворце? Тор внимательно посмотрел мне в глаза.

– Дени... – он отложил приборы в сторону.

Испугавшись серьезного тона, я одним глотком допила чай и встала.

– Арий Торус, – подойдя к маленькому зеркальцу, висевшему у выхода, я принялась поправлять заломленный воротник, не желая встречаться глазами с пристально смотревшем на меня Хорном, – хотела сказать еще вчера утром, но нас прервали.

– Слушаю, – осторожно произнес он.

– Я действительно не держу на тебя зла, – обернулась и добавила дружелюбным голосом, – будем друзьями?

Тор молчал, но губы дрогнули в улыбке.

– Мы так или иначе после войны будем встречаться в столице. Ты арий с прекрасным образованием, сын двух влиятельнейших семей королевства. Не рассчитывай, что тебе разрешат и дальше работать конюхом.

Почему он улыбается? Неужели я говорю что-то смешное?

– Я не собираюсь становиться тебе другом, Дениза, – вкрадчиво произнес Тор, вставая. Я недоуменно нахмурилась. – Я собираюсь стать тебе возлюбленным, мужем, отцом твоих детей. Но никак не другом. Пусть Эдвард остается в друзьях.

– Кем? – пискнула ошеломленно. – Мужем?

Голос резко сел. Я растеряно хлопала глазами, поражаясь то ли безмерной наглости Хорна, то ли своей реакции на его слова.

– Ага, – кивнул он, широко улыбаясь. – Прошлую ночь я не спал. Думал о тебе. И знаешь, что решил? – я растерянно мотнула головой, – я до сих пор тебя хочу больше всего на свете.

– Хм, – только и смогла я произнести.

– Когда ты станешь моей женой, – я подавилась воздухом, даже не «если», а «когда!», – а ты ею станешь рано или поздно, вот тогда и поговорим о дружбе между нами и между другими мужчинами.

Он изменился. Словно шторм, недавно бушевавший в его сердце, утих, и он принял важное решение. Его слова звучали абсолютно твердо, будто я уже дала ему согласие. Но ведь даже не было предложения руки и сердца! Почему у Хорна всегда все не так, как у нормальных людей? Почему я никогда не могу предугадать, что он скажет и сделает?

– А меня ты спросить не хочешь, какие у меня планы на жизнь? Возможно, меня устраивает теперешнее положение, – разозлиться не получалось. Внутри дрожал смех, губы сами собой растягивались в идиотской улыбке.

– Оно не может тебя устраивать, – парировал Хорн, – пусть немного, но я знаю тебя. Рано или поздно тебе станет тесно во дворце. Тесно в шкуре королевской фаворитки.

«Уже стало», – подумала я.

– Тебе нужно будет выйти замуж и продолжить род Креев, – продолжал он, – это же главная задача для мага.

– Почему ты думаешь, что я выберу тебя?

Тор приосанился, выпятил грудь колесом, красуясь. На руках и плечах забугрились мышцы. Губы дрогнули, чувственно изогнувшись.

– Я лучший кандидат в мужья в королевстве. И я нравлюсь тебе...

– Какое самомнение! – фыркнула, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не рассмеяться.

– Не отпирайся. Нравлюсь. Я нравлюсь всем девушкам.

Если бы в его глазах я не видела острого напряженного ожидания, я, может быть, и поверила бы в то, что он самовлюбленный эгоист и нахал.

– Как бы ты не отталкивала меня, я знаю, что красавчик.

Растрепанный, не бритый, с грязными потемневшими волосами, в пыльных брюках, в стоптанных ботинках, он был... Да, он был лучшим. Теперь я понимаю, как из-за одной его улыбки сходили с ума девушки. Она очаровывает.

Внутри стало тепло и солнечно. Я весело рассмеялась, утирая невольно выступившие слезы. Хорн со странным выражением на лице шагнул в мою сторону, я предупредительно выставила руку, останавливая.

– Посмотрим, арий Хорн, – дрожащим голосом произнесла я, не в силах перестать хихикать, – сейчас ты бедняк, а я фаворитка короля, самая богатая невеста королевства. Я выберу в мужья достойнейшего. Возможно, это будешь ты, возможно, нет.

Неужели я, наконец, научилась кокетничать?

– Тогда начнем заново? – Хорн протянул руку ладонью вверх, – привет, меня зовут арий Торус Хорн, для близких просто Тор.

Я с улыбкой пожала руку.

– Ария Дениза Крей, – ответила, принимая его игру, – друзья зовут меня Дени.

– Очень приятно, Дени, – Хорн быстро притянул руку к губам и поцеловал тыльную сторону, – ария Крей, вы самая красивая девушка на свете и поразили меня с первого взгляда. После того, как я вас встретил, я не могу ни спать, ни есть. Все мысли только о вас. Позвольте ухаживать за вами?

«Интересно, – подумала я, не отвечая на его вопрос, лишь лукаво улыбаясь, – если бы он именно так начал наше общение, могло бы быть все по-другому?»

– Я стану достойным тебя, Дени, – Хорн стал серьезным. Что-то мелькнуло в его глазах, что-то такое, от чего улыбаться резко перехотелось и пересохло в горле. – Стану лучшим. Тебе придется смириться... и влюбиться в меня. А когда это произойдет, я предложу тебе поход в храм, и ты не отвертисься.

Я очнулась от наваждения, когда его лицо приблизилось к моему на расстояние вдоха. Еще немного, и губы коснутся губ. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание стало частым и прерывистым. Отступив назад и тряхнув головой, я напомнила себе, что у него огромный опыт в соблазнении таких, как я, наивных дурочек, а у

меня опыта в отношениях нет вообще, и я против него птенец неоперившийся.

– Я... – голос сорвался, кашлянув, начала снова. – Поговорим об этом после войны.

Хорн торжественно кивнул и протянул согнутую в локте руку. Я машинально оперлась на нее, и мы вышли из палатки.

****

Дарий встретил нас с улыбкой. Он был немного бледен, но глаза блестели азартом и возбуждением. Ему выделили отдельный закуток в госпитале, огороженный натянутыми простынями.

– У нас все получилось, Дени! – рассмеялся он, приподнимаясь с постели, и пожимая руку Хорну. – Шпионы доложили, что на вражеской передовой нет ни одной пушки или мушкета. Даже лошадиная упряжь, ножи и тарелки рассыпались в пыль.

– Плохо то, что мы только выиграли немного времени, – произнесла я, присаживаясь на краешек кровати, – вскоре им подвезут и оружие, и амуницию.

Дарий пренебрежительно махнул рукой, кривя губы.

– Сделаем вылазку еще раз.

– Тебе слишком тяжело даются эти вылазки, – вздохнула я грустно, – посмотри на себя, ты полностью обессилил. Через неделю противник подвезет оружие, а ты как раз к этому времени только восстановишься.

– Значит, нужно подкорректировать план, – фыркнул он и добавил восторженно, – Дени, если мы сможем разоружить армию, считай, мы победили, не потеряв ни единого солдата! И восстанавливаюсь я намного быстрее, не записывай меня в слабаки. Сегодня к вечеру буду в полном порядке.

– И мы сможем поехать дальше, на следующий фронт?

Тор резко обернулся в мою сторону, сузив глаза.

– Куда вы собрались ехать? – его голос был неестественно спокоен.

– Мы решили проехаться по линии передовой, – пояснил Дарий со смешком, – делая подобные набеги на территорию противника.

– А вы не подумали, что после вчерашнего, фракрийцы тоже поменяют тактику? Основная часть оружия будет находиться дальше,

например, в дне езды. А это двадцать миль вглубь. То есть, вам придется преодолеть под землей путь раза в три-четыре больше.

Хорн раздраженно выдохнул.

– Ты не дойдешь назад, погубишь и себя, и Денизу.

Дарий задумчиво постукивал пальцами по краю кровати. Я молча переводила взгляд с одного мужчины на другого. Хорн явно злился, Дарий тоже потерял радостный настрой.

– Я не могу спокойно сидеть и ничего не делать, – в итоге произнесла я, – если вылазки не увенчаются успехом, то буду распылать оружие во время атаки.

– То есть останешься в самой гуще кровавой бойни? – прошипел Хорн, уже не сдерживая злость.

Я не успела ничего ответить, к нам зашел полковник. Тор встал по стойке смирно, щелкнув каблуками.

– Вот вы где, – протянул он руку Дарию, – командование решило не упускать такой прекрасный шанс, и на сегодня запланировало наступление. Я уже отдал соответствующие приказы офицерам. Через час общий сбор. Тебе, – он кивнул Хорну, – тоже пора на свое место. Слишком часто я обнаруживаю тебя не там, где нужно.

Торус невозмутимо остался стоять за моей спиной. Полковник не стал настаивать, чтобы Хорн убрался. То ли решил не связываться с парнем, у которого такие влиятельные друзья, то ли ему вообще было плевать, и его занимали другие проблемы.

– А что делать нам? – поинтересовалась я, отвлекая внимание от конюха.

– Вам лучше убраться с передовой, вы слишком ценные пленники, – ответил полковник. – Садитесь в паромобиль и уезжайте вглубь территорий. Когда утихнет сражение и мы плотно закрепимся, можете возвращаться, если захотите. Или отправляйтесь на юг, к полковнику Фергюсону. Там пока спокойно.

– Хорошо, – Дарий привстал с кровати и потянулся за одеждой, – мы уезжаем немедленно. Дениза, собирайся.

Я кивнула и, ни на кого не глядя, выскочила из палаты, и тут же замерла от изумления. Снаружи все без исключения пришло в движение. Бряцающая оружием, мельтешили солдаты, бегая туда-сюда, тревожно ржали лошади, отовсюду доносились крики, лязг железа, скрип телег. Какофония звуков на мгновение оглушила. Я потерялась в

пространстве, не зная куда бежать. Меня сильно толкнули в спину, рывкнув: «Не стой на дороге». Я отлетела в сторону, зашипев от боли. И вдруг сзади выросла высокая фигура, заслоняя от дороги. Я подняла голову и встретила голубыми глазами.

– Провожу, – буркнул Хорн и потащил за собой, придерживая за плечи.

Мы пошли за бараками, там было спокойнее. Вскоре я увидела палатку полковника. У входа мялась герра Динара, заламывая руки. Увидев нас, она облегченно выдохнула и юркнула внутрь.

Хорн остановился, по-прежнему крепко держа меня за плечи, блуждая взглядом по лицу, задерживаясь на губах, волосах, скулах, словно стараясь запомнить каждую черточку.

Звуки отодвинулись. Мы будто оказались на необитаемом острове. Посреди всего этого моря бегущих людей, среди паники и суеты, грохота и криков, мы были одни. Хорн вдруг сильно прижал к себе и коснулся губами моего лба. На секунду я почувствовала упругое давление обветренной шершавой кожи, теплое дыхание, слегка царапающую щетину на его подбородке и скулах. Абсолютно невинный братский поцелуй. Почему же сердце колотится так, словно мы предались разнузданному разврату посреди толпы?

– Береги себя... – шевельнулись губы у моего виска.

Тор отодвинулся, лицо исказилось в кривой усмешке, но глаза оставались серьезными. – Тебе еще наследников мне рожать, – я моргнула от удивления. Хорн не был бы собой, если бы не шокировал какой-нибудь вульгарностью.

Мгновенье после он уже развернулся и изо всех бежал назад, в сторону загона для лошадей. Я смотрела на удаляющуюся спину, мелькавшую в проемах между телегами, и в голове не было ни единой мысли.

Не успела я войти в палатку, как на улице послышался приближающийся шум паромобилия.

– Я все собрала, ария, – Динара была явно испуганна. Подбородок дрожал, в глазах застыли слезы. Я подошла и коснулась ее руки.

– Не бойся, мы сейчас же уезжаем в тыл.

Дарий сразу взял быстрый темп, выжимая из паромобилия все, что можно. Королевские гвардейцы выехали верхом, но за нами не

поспевали. Мы договорились встретиться в первом же поселке на пути к тоннелю.

– Не переживай, – Дарий коснулся моей руки. Наверное, он видел, что я то и дело оборачиваюсь назад. – Хорн не солдат, он только присматривает за лошадьми. Не думаю, что он пойдет в атаку в авангарде.

Я молча пожала плечами, не желая разговаривать, боясь, что голос не послушается и сорвется, потому что внутри до сих пор не утихла мелкая противная дрожь. Словно должно случиться что-то ужасное, непоправимое... Не верю, что за два дня я успела влюбиться в Хорна. Почему же наш отъезд кажется ошибкой?

Мы отъехали достаточно далеко, как вдруг паромобиль дернулся и затрясся. У меня клацнули зубы. Я недоуменно повернулась к такому же ошарашенному Дарию. Сзади вскрикнула Динара. Что происходит? Вдруг мы начали отрываться от земли, быстро поднимаясь вверх. Я еще ничего не сообразила, а Дарий уже кричал:

– Распыляй, Дениза! Быстро!

Почти машинально я произнесла формулу, даже не глянув, на каком мы сейчас расстоянии от земли. Паромобиль рассыпался прямо в воздухе. Вниз полетели чемоданы, кожаные сиденья и вопящая от ужаса Динара, а мы с Дарием на мгновение зависли в воздухе, а потом начали медленно уплывать влево, в сторону вражеской территории. Нас словно кто-то тащил за веревку. Я с тревогой обернулась назад. Моя секретарь, потирая бок, поднялась на ноги. Значит, ничего не сломала.

– Горн, – процедил сквозь зубы Дарий. И я мысленно с ним согласилась. Только он смог бы сейчас проверить подобное. Сразу стали понятными оглушительные победы Фракрии. Мнимые дирижабли, бомбы с воздуха. Но как так получилось, что маг перемещений сейчас работает на врага? Ведь магам нельзя покидать Альтею.

– Мы что-то сможем сделать? – я внимательно рассматривала землю под нами, выискивая какую-нибудь зацепку.

Вдруг земля вспучилась острым холмом, пытаюсь до нас дотянуться, мы тотчас рванули вверх, еще выше.

– Вряд ли, – процедил сквозь зубы Дарий, – земля бессильна, а металла здесь нет в достаточном количестве.

Я поняла еще одну вещь – за нами следили. В армии были шпионы с обеих сторон. Потому как так вовремя сделать засаду и поймать двух магов фракрийцы не смогли бы без достоверной, а главное быстрой информации о наших перемещениях.

Мы пролетели над небольшой рощей, и я наконец увидела отряд всадников, прячущихся за плотной листвой. Один из них протягивая руки вверх, что-то шептал в небо. Лиц разглядеть не удалось, но я и так догадывалась, что это был Горн. Мы полетели дальше, а под нами, на небольшом удалении, передвигались фракрийцы с магом-предателем.

Больше всего раздражало полное бессилие. Я ничего не могла сделать со своей магией, ничем не могла помочь. Перебрала в памяти все формулы, которые знала, но для ни одна не подошла. Прошептала еще раз формулу распыления, направив ее на перемещающийся внизу отряд. Бесполезно. Даже если у врагов не осталось ни одного ружья или ножа, нам с Дарием это не поможет. Они просто задавят количеством, когда опустят нас на землю.

Мы летели около получаса, я даже немного замерзла в своем брючном кожаном костюме. Силен этот Горн, если может удерживать нас в воздухе так долго. Мне всегда хотелось увидеть землю с птичьего полета, полетать на новых дирижаблях, но увы, сейчас мой вынужденный полет не приносил ни малейшей радости, я с ужасом ждала, когда же мы спустимся на землю.

Внизу показались какие-то редкие постройки, окруженные телегами. То ли бывшая деревенька, то ли походный лагерь. Маловато для армии. Мы начали снижаться.

– Дениза, только без геройств, – сквозь зубы произнес Дарий, – главное – остаться в живых. Остальное – по обстоятельствам.

– Какие уж тут геройства, – пролепетала я, клацая зубами в ознобе. И уже дотронувшись ногами земли, еще раз прошептала формулу распыления, вкладывая в нее всю свою силу. Добавим неудобств врагу.

Нас сразу же окружили военные, у некоторых в руках были деревянные арбалеты. Я со злорадством отметила, что даже пуговиц на форме нет – вместо них веревочные завязки.

– Не вздумайте применить магию, стрела все равно быстрее, – произнес один из них, направляя арбалет Дарию в живот. Тот мрачно

кивнул, показывая открытые ладони, словно уверяя их в нашем полном подчинении.

Подошел Горн. Наконец, я увидела легендарного мага воочию, раньше я видела его только на портретах, висящих в школе.

– Добро пожаловать, – бросил он сиплым, словно простуженным, голосом и кивнул, приглашая идти за собой.

Нас с Дарием довольно ощутимо подтолкнули в спину. Мы пошли следом за Горном в сторону редких построек. Он брел, как древний старик, покачиваясь и шаркая ногами, я поняла, что сил для нашего переноса потребовалось ему немало.

Оборонительных сооружений не было: ни рвов, ни пушек, ни бастионов с заграждениями. Фронт был в стороне отсюда. Я увидела лишь несколько палаток, загон для лошадей и странное квадратное сооружение, сложенное из толстых бревен. Да и солдат, из тех, кого мы видели, было около полусотни. Неужели все это построили только для нас?

Оказалось, что ведут нас в тот непонятный барак. Горн вошел первым. Окон не было, внутри по периметру стояли несколько грубо сколоченных лавок. В центре, прямо на полу, горела лампа. Нас еще раз грубо толкнули в спину взведенными арбалетами, и мы влетели внутрь. За спинами хлопнула дверь, и упал засов. Мы оказались в деревянной клетке.

Старик упал на широкую лавку и с облегченным стоном вытянул ноги. Мы с Дарием осторожно сели справа, прижавшись друг к другу почти вплотную, не зная, чего ожидать. Время шло, Горн молчал. Казалось, он задремал, ему не до нас. Я рассматривала пол под ногами, выискивая хоть маленькую щелочку, но ее не было. Дерево было плохо обработано, даже не очищено до конца от коры, скорее всего сруб строили наспех, но плотно уложенные толстые бревна делали его не проницаемым ни для земли, ни для металла.

– Навели вы шороху, – в комнате раздался скрипучий ворчливый голос, – фракрийцы в панике. Мы надеялись, что фаворитка короля, прекрасная ария Дениза Крей, не захочет ехать на фронт портить маникюр. Да и что может девчонка, которая с детства ничему не училась?

Я подняла голову. Горн внимательно смотрел мне в лицо. Пусть он выглядел, как развалина, в глазах сверкали искорки неподдельного

любопытства.

– Значит, малышка Крей подросла... – он хрипло захихикал. Смех вскоре перешел в кашель.

– Все помогают, чем могут, арий Горн, даже фаворитки и арии, – ответил Дарий прохладно. – Это война и, по-видимому, вы в ней играете не последнюю роль... – он немного помолчал и добавил: – Не нашей стороне.

– Скоро и вы будете играть на одной со мной стороне, – произнес Горн многозначительно, – у короля Фракрии на вас большие планы.

Я инстинктивно поежилась.

– Вы не сможете нас заставить, – Дарий вскинул голову.

– Заставить? – пожевал губами Горн, – это как раз легче легкого. Шпионов достаточно и с той, и с этой стороны. У каждого есть те, кто им дорог. Очень просто и легко навредить маленькой новорожденной девочке. Не так ли?

Дарий резко побледнел.

– В моем случае долго будете искать, – я вклинилась в разговор, добавив насмешливо, – тех, кто дорог.

– Вообще не осталось?

– Совершенно, – подтвердила холодно.

– У меня тоже... совершенно, – дрогнул голос Горна.

Старик выглядел таким потеряннным и несчастным, что я замерла, зацепившись за абсурдную мысль. А вдруг получится уговорить Горна помочь нам? Он же маг, один из немногих, оставшихся в Альтее. Втроем мы с легкостью освободимся.

– Я сочувствую вашим утратам, – произнесла мягко, – тяжело потерять жену и единственного сына, но при чем здесь мы? Чем мы провинились перед вами?

Горн угрюмо молчал.

– Чем провинился Эдвард? – мои последние слова стали моей роковой ошибкой. Горн сразу же подобрался, словно перед броском, глаза полыхнули злостью.

– Вот как раз проклятые Ремы и виноваты во всем! – рявкнул он громко. Откуда только силы взялись. – Королевский род прогнал насквозь! Нужно было давно их выкорчевать, как сорняки, и убрать из Альтеи!

Мы с Дарием непонимающе смотрели на разъяренного старика. Пустая лавка, стоящая напротив нас, вдруг резко поднялась в воздух и шарахнулась о стену. Услышав грохот, в комнату вбежали охранники. Оглядели помещение, посмотрели на разломанную скамью и вышли, пробормотав сквозь зубы: «Проклятые маги». И добавили еще какое-то ругательство. Я не поняла. Фракрийский язык шел обязательным к изучению в школе, все-таки страна была нашим ближайшим соседом и сильным развитым государством. Но как бы я его хорошо не знала, ругательства нам не преподавали.

– Они лишили меня всего, – произнес Горн уже спокойно, – магии, единственного сына, жены. Всего, что мне дорого. И я лишу их всего. Одного сына я у Гарольда уже забрал, вскоре он потеряет и второго. А потом и королевство. Жаль, конечно, что ему сейчас все равно...

Я ошеломленно хлопала глазами, пытаюсь осмыслить услышанное.

– Вы убили Ромула?! – мой голос сорвался на истеричный визг.

– Конечно, я, – самодовольно ответил старик, – Рем на охоте схватил подарок Крея и размахивал саблей как идиот. Один небольшой импульс с моей стороны, корректировка траектории движения, и оружие проткнуло живот принцу. Я стоял невидимый за деревьями.

– Но мой отец... – голос сорвался.

– Крей был досадным просчетом, его просто зацепило. Я не хотел...

Дарий быстро нашел мою руку и крепко сжал, успокаивая, не давая сорваться в истерику. Меня заколотило, на глазах выступили слезы.

Нет, не буду плакать, решила я, сглотнув болезненный комочек. Не покажу слабости перед этим ужасным человеком. Я давно оплакала родителей и смирилась с несправедливостью. Виновных накажут боги. Уже наказывают.

Но как же обидно и горько! Нагромождение нелепых трагических случайностей – давняя застарелая месть Рему, ревнивая зависть Велира, сумасшествие короля, трусость и алчность Нурвов. Виновны все, кроме моего отца. Он единственный, кто действительно не причем в этом трагическом хаосе ошибок, промахов и недоразумений. Это ли не злая судьба?

– Вы сказали, что потеряли магию. Но магия же осталась при вас... – произнес напряженным голосом Дарий. – Или я чего-то не понимаю?

– Вы глупцы! – воскликнул раздраженно Горн. – Именно Рем заставил убить меня моей же магией. Даже до ваших тупых голов уже должно дойти, что магия пропадает там, где ее использовали во вред человеку! И пропадает она в детях и внуках.

Старик явно знал больше, чем мы все, если он с такой уверенностью говорил о том, что я лишь несмело предполагала.

Дарий мрачно сжал губы, не желая вступать в спор или отвечать на грубость. Я вообще изо всех сил старалась держать себя в руках и не броситься на Горна с кулаками. «Досадный просчет», – так он назвал моего отца. Всего лишь просчет. И с ним вся моя жизнь полетела в бездну.

Угрюмое молчание наполнило комнату. Бревна были такими толстыми, что до нас с улицы не доносилось ни единого звука. Лампа давала мало света, стены и потолок терялись в темноте. Не знаю, как выглядели мы, но Горн казался выходцем из могилы. Бледный до синевы, морщинистый, с презрительной кривой ухмылкой на тонких губах. Он выглядел гораздо старше своего возраста. А ведь ему столько же, сколько и королю – пятьдесят пять.

– И как именно Рем пятнадцатый вас заставил? – в конце концов, произнес спокойно Дарий, решив, что злость и гнев могут подождать, а вот информация не помешает.

Я была согласна с ним, просто не могла принудить себя смотреть на Горна добродушно и не предвзято. Сейчас даже так пугавший меня раньше Велир по сравнению с ним казался безобидным заурядным выскочкой.

– Так и быть, расскажу, – хмыкнул тот насмешливо, – есть немного времени, пока мы ждем.

– Кого? – вырвалось у меня непроизвольно

– А я не сказал? – Горн потер руки, словно они мерзли. – Генерала Фазхана. За ним послали, как только вы оказались у нас в руках.

Я порылась в памяти. Знаменитому фракрийскому генералу было около сорока. Он был младшим братом нынешнего короля Фракрии и подвержен всевозможным порокам. Слава шла не только о его великих победах, но о его зверствах и неумных оргиях. Даже его брат страдал

из-за поведения младшего. Сейчас его отправили подальше от дворца, поручили возглавить наступление на Альтею. Неприятный тип. Зато вернется в столицу как герой – захватил двух магов!

Я постаралась загнать внутрь поднявшую голову панику, которая охватила меня после известия о приезде генерала, и приготовилась слушать Горна.

– Я только закончил королевскую школу, когда Гарольд, тогда еще принц, загорелся идеей перемещений по воздуху, – начал говорить маг, уставившись пустым взглядом в деревянные бревна стены, – я и раньше частенько его поднимал в небо, ему нравилось летать.

А кому бы не понравилось? Если бы не мое теперешнее положение пленницы, я бы с радостью вспоминала свой недолгий полет.

– Мы с принцем ровесники и, само собой, стали друзьями, Крей и Зорг были еще подростками, их родители, ваши бабушки и дедушки, – он кивнул в нашу сторону, – слишком консервативны и не принимали участия в наших проделках. Так вот. Гарольд поручил мне разработку дирижабля, гондолы или другой конструкции, способной перевозить людей, – продолжал Горн. – Я усиленно трудился в королевской мастерской и через пару лет смог предоставить опытный образец. Он поднимался вверх с помощью горячего воздуха, я бы не смог поднять подобную махину. А вот перемещать вперед, назад, вправо, влево должен был я. Тестовые испытания прошли успешно. В первый полет должны были полететь сам Гарольд, его слуги и ближайшие друзья. Мы собирались пролететь над морем и добраться до Верганы, чтобы с пафосом появиться перед глазами родителей его молодой жены.

Маг глухо закашлялся. Мы с Дарием терпеливо ждали продолжения.

– С самого начала все пошло не так, как планировалось. Я плохо себя чувствовал, накануне не спал всю ночь, сидел с врачом у постели жены. Люсинда тяжело переносила беременность нашим первенцем. Плюс от погодников пришли плохие прогнозы. Как я не просил Рема отложить полет, тот был неумолим. Ему просто необходимо было похвастаться перед королем Верганы и заодно утереть нос отцу, который не слишком верил в наше предприятие. Когда мы пролетели чуть меньше половины, в море нас настигла гроза... – Горн надолго замолчал, погружившись в воспоминания. Что за ужасы мелькали

перед его глазами? На миг я представила бушующий шторм с бьющими наугад молниями, мотающийся под порывами ветра крошечный безвольный шарик, и поежилась от внезапного озноба.

– Так вот, – прокашлялся Горн, – как вы уже поняли, дирижабль развалился на части. Он не был приспособлен к таким перегрузкам или решающую роль сыграла молния, ударившая в корпус – не знаю. На борту творился ад. В меня вцепился принц и кричал, как сумасшедший: «Защити меня!» Наверное, это его и спасло, ведь когда дирижабль окончательно разрушился, и все полетели вниз, Гарольд был со мной. Я старался удержать в воздухе еще хоть кого-то, кроме нас. Меня хватило на пятерых друзей. Но силы быстро слабели, и его высочество приказал остальных сбросить в море, оставив только нас двоих. И то последние пару сотен метров до берега мы добирались вплавь.

Горн опять замолчал.

– Отец мне рассказывал о какой-то трагедии при первом тестовом испытании дирижабля, – произнес задумчиво Дарий, – тогда погибли наследники самых родовитых семей королевства, огромная утрата для верхушки ариев. Обвинили во всем вас. Вы недоработали модель дирижабля, и разработку полетов прекратили надолго.

– Все вранье. Модель была рабочая, и полет был далеко не первым, – отозвался Горн, – если бы не упрямство принца... – он зло ругнулся и продолжил уже нормальным тоном. – ...Ремы скрыли участие Гарольда, все было преподнесено так, что это я сам пригласил друзей на пробный полет, не обеспечил должную безопасность, нарушил правила и так далее. Горны оказались в опале. Гарольд, конечно, написал мне, что когда станет королем, вернет почести, пригласит обратно во дворец, но мне тогда уже было все равно. Родился сын и у него не оказалось магии. Вот это было настоящее горе.

Горн со стоном склонился, обхватив голову руками, на морщинистых щеках блеснули слезы. Разве это горе? Я бы с радостью отдала всю свою магию, не задумываясь, только бы родители были живы.

– Много лет я искал причины потери магии и способы ее вернуть, – хрипло продолжил он, – всю жизнь положил на это. Перечитал гору разных книг, посетил все библиотеки во всех уголках

страны. Когда Гарольд стал королем и вернул меня в столицу, я попросил место директора королевской школы, чтобы иметь доступ к главной библиотеке. Он не отказал мне.

Да, я видела надпись под его портретом, висящим в библиотеке, – бывший директор. Горн действительно год или два руководил школой, после директором стал арий Китеп.

– Ничего не обнаружив толкового, я уволился. Затем, пользуясь виной Гарольда, пробрался в королевскую сокровищницу, пообещав ему найти формулу возврата магии и вернуть всем бывшим семействам магический дар. Мой наивный бывший друг никогда не интересовался книгами, они столетиями пылились на полках сокровищницы. А там было много всего интересного, – Горн мерзко захихикал и закончил победным тоном: – Теперь уже нет.

– Почему? – холодно поинтересовался Дарий.

– Потому что, я уничтожил все книги! И теперь формула возврата магии только здесь, – он пару раз стукнул пальцем по своему лбу.

Мы с Дарием ошарашенно смотрели на сумасшедшего старика.

– Магию можно вернуть?! – взвизгнула я ошеломленно.

– И вы нам не расскажите ее? – произнес Дарий одновременно со мной.

Горн громко засмеялся.

– Нет-нет! – заявил он самодовольно. – Я не дурак. Это знание умрет во мне. Вы никогда его не узнаете! Глупые, глупые детки! – его смех превратился в хрип, а потом в сухой лающий кашель. Через время он продолжил. – Неужели вы не заметили, что магия остается в крови, даже если человек перестает быть магом? Она как бы засыпает. Нурвы давно не умеют создавать иллюзии, но они наряжаются, как клоуны, в яркие блестящие тряпки и пускают пыль в глаза.

Я, подумав, согласилась с ним. Оттана всегда была увешана драгоценностями с ног до головы. Дом Нурвов в Шалире был самым высоким и помпезным, с позолоченной крышей, блестевшей так ярко, что по ней давно стали измерять расстояние, так как видно ее было со всех уголков Шалира – справа от дома Нурвов, за квартал на север от дома Нурвов и так далее.

Горн ехидно продолжал:

– Ремам всегда хочется подчиняться и выполнять все, что они не попросят. Ведь так? – я тяжело вздохнула, признавая правоту. – Берги

бессменно возглавляют королевские больницы. Хорны интуитивно понимают, кто прав, кто нет. Мой сын даже без магии мог поднять тяжелый комод или карету.

– Если вы знали способ вернуть магию, – Дарий лучше умел держать себя в руках, в отличие от меня. Я до сих пор не могла смотреть на старика без содрогания, – то почему же ваш сын погиб, так и не став магом?

Горн взвыл дурным голосом. Я испуганно отшатнулась. Он ревел, рвал на себе волосы, качался со стороны в сторону, проклиная магию, Ремов и нас, счастливых с магией, заодно. Он совсем ополоумел. Некоторое время мы с Дарием опасались, что в нас полетят куски разваленной им ранее лавки.

– Потому что способ очень сложный! – стонал он. – Невыполнимый. Мой сыночек согласился попробовать и погиб. Я не настаивал, он сам вызвался. Я не виноват! И совсем я его не уговаривал, моя любимая Люсинда не так поняла...

Он рыдал, как ребенок, заламывая руки и скуля. И чем больше я думала о его последних словах, тем яснее мне представлялась его вина. Именно он не давал жить спокойно своему сыну. Именно он давил на него. Вместо того, чтобы спокойно жить, растить ребенка, наслаждаться тем, что у него есть, Горн отдал все силы призрачной погоне за магией. А затем, после смерти сына и жены, обратил свой гнев на Ремов, задумав месть. Несложно найти виноватых. Не себя же обвинять, в самом деле?

Он погубил не только своих родных, он разрушил и мою жизнь! И жизнь тысяч семей Альтеи, развязав войну и помогая фракрийцам.

Мерзкий, мерзкий человек.

Дверь резко распахнулась. На пороге застыла высокая темная фигура. Яркий солнечный свет, льющийся из двери, обтекал ее, не давая увидеть лица. Но я и так поняла по внушительной выправке и тяжелой ауре, что это не простой солдат.

– Так вот кто испортил наше оружие, – генерал Фазхан шагнул в комнату, и я увидела взгляд, направленный на меня, полный ненависти. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не прибить меня на месте. Дарий поднялся и шагнул вперед, заслоняя.

– Нет-нет, – произнес генерал насмешливо, – убить вас было бы слишком просто. И недалеко видно. У меня на вас другие планы.

– Какие же? – холодно поинтересовался Дарий. Я тоже встала и застыла за спиной друга, не желая смотреть на генерала снизу вверх.

– После того, как захватим Альтею? – Фазхан шагнул в сторону так, чтобы видеть меня. После того, как он вошел в комнату, он ни на секунду не отрывал от меня темного пугающего взгляда, – мы сделаем из Фракрии непобедимое магическое королевство. Ведь все сильные маги у нас.

Он подошел ближе. Мои глаза привыкли к свету, и я четко увидела крупное широкоскулое мужественное лицо генерала. Если бы не явные признаки порока – одутловатость от неумеренного пьянства, нездоровый цвет, злая вертикальная складка на лбу, алчный похотливый блеск в глазах, его даже можно было бы назвать красивым.

– Вы будете день и ночь заниматься тем, чтобы произвести на свет как можно больше магически одаренных детей.

Я криво усмехнулась – что-то я уже подобное слышала от Велира Хорна. Только вот не факт, что они у нас рождаются, ведь, как известно, у магов традиционно рождается мало детей. Но все равно, перспективы не радостные.

– И я буду первым, кто сделает тебе ребенка, – закончил генерал издевательским тоном.

Внутри меня передернуло от омерзения, но лицо оставалось спокойным и бесстрастным. Единственное, что я могу сделать в этой ситуации – держать голову прямо, не показывать страха, хотя в душе все скулит и ежится от ужаса. Увы, здесь от меня ничего не зависит. Пусть оскорбляет и пугает, пусть насилует, я буду каждую секунду ожидать шанса выбраться, и когда он представится, не буду раздумывать – убить своей магией, чтобы выбраться, или смиренно склонить голову. Лучше жить простым человеком, чем подобное рабство.

– Как же мне повезло, что ты оказалась красавицей, – Фазхан принялся ходить вокруг нас, чуть ли не облизываясь, его глаза маслянисто блестели. – Тебе не стоит беспокоиться о сохранности своей жизни. Вот насчет ее качества... не обещаю, что всегда будет приятно.

Дарий скрипнул зубами и шагнул вправо, заслоняя меня.

– Не переживай, арий Зорг, – Фазхан перевел взгляд на Дария, – ты тоже не останешься одинок. Тебе понравятся наши женщины.

Много женщин...

«Какая пошлость, – тоскливо подумала я, – почему я оттолкнула Хорна, почему не согласилась на его предложение? Как же мне не хочется отдавать свою невинность этой мрази».

Вдруг на улице послышался шум. Дверь распахнулась, и в комнату влетели солдаты.

– Ваше высочество, на нас напал передовой отряд альтеринцев! – заорал один. – Нужно срочно убираться – вскоре здесь будет армия.

– Уходим, быстро! – генерал схватил меня за руку и потащил за собой. Дария с Горном вывели вслед за нами. Снаружи стояла роскошная карета, запряженная четверкой вороных, наверное, именно в ней приехал Фазхан, так как слишком уж помпезно она выглядела на фоне всеобщего запустения. Нас впихнули внутрь, и мы сразу же тронулись, набирая скорость. Вместе с нами отправилась лишь дюжина всадников, остальным генерал приказал остаться и задержать противника. То есть оставил на верную смерть.

Трясло нещадно, карета сильно качалась в разные стороны и подскакивала на кочках так высоко, что казалось, скоро взлетит. Я уже поставила себе пару синяков и шишек, но сцепив зубы, молчала, так как подозревала, что Дарий приложил свои умения, выращивая кочки и ямы на дороге. Горн, после недавней истерики безучастно таращился в окно, казалось, полностью отрешившись от происходящего. Фазхан сидел напротив нас с взведенным арбалетом на коленях, направленным мне в живот. Сначала я боялась, что от такой тряски он самопроизвольно разрядится, но потом подумала, что смерть все же предпочтительней той участи, что меня ждет в Фракрии.

Я боялась разочароваться, но все же втайне надеялась на спасение. За те пару часов, которые мы просидели в деревянной тюрьме, полковник Канде смог найти нас и организовать помощь. Большой ошибкой было решение фракрийцев ждать приезда генерала, а не отправить нас сразу же в тыл.

Вдруг раздался страшный треск, одно из колес не выдержало и отвалилось. Карета завалилась на бок. Я упала на Дария, его локоть больно уперся мне в грудь. На другой стороне копошились Горн и генерал, громко ругаясь на фракрийском.

Когда мы выбрались, то поняли, что карету не починить.

– Поднимай! – рявкнул Фазхан Горну. Тот развел руками.

– Не могу. Я потратил много сил на перемещение магов.

– Поднимай, я сказал! – на генерала было страшно смотреть.

Его голос дрожал от гнева, но в глазах я увидела панический страх. Не удивительно, сзади на горизонте поднималось облако пыли. Нас догоняли. Но неизвестно фракрийцы или свои.

Горн тяжело вздохнул, и мы втроем поднялись в воздух. Увы, не более, чем на метр. Потом резко упали вниз. Горн покачнулся от слабости.

– Бесплезная куча дерьма, а не маг! – выругался генерал. – Сойти с лошадей!

Четверо солдат быстро спешили, бросая уздечки нам. Генерал вскочил в седло.

– Живее! – рявкнул в нашу сторону, видя, как мы с Дарием неторопливо подходим и поправляем стремя.

Я старалась выглядеть особенно неуклюжей, понимая, что нам дорога каждая выигранная секунда. Горну забраться в седло помогли солдаты, он едва держался на ногах.

Пыльное облако неумолимо приближалось, разрастаясь ввысь и вширь. Если сильно присмотреться, то можно было различить в нем отдельных всадников, несшихся во весь опор.

Генералу надоело ждать, он стегнул кнутом вороного, на которого я едва успела забраться, тот взвился на дыбы и понесся галопом во весь опор. Если бы не мое умение держаться в седле, я бы точно свалилась и сломала себе шею. За мной поскакали остальные.

Мы не успели проехать и сотни ярдов как вдруг из ближайшей рощи нам наперерез выскочил отряд всадников. Натянув поводья и резко затормозив, я почти влетела в Хорна, несущегося на взмыленной лошади. Наши кони столкнулись на всем ходу, и я таки вылетела из седла, едва успев сгруппироваться. Нас сразу же окружили королевские гвардейцы. Я беззвучно выдохнула, потирая ушибленное бедро, рассматривая знакомые, почти родные лица своих телохранителей. На глазах от бесконечного облегчения выступили слезы.

Хорн спрыгнул и протянул руку, лихорадочно всматриваясь в мое лицо.

– Все в порядке, – одними губами прошептала я. Подошел Дарий и радостно хлопнул друга по плечу.

– Мы отвлекли противника основными силами, а сами бросились наперерез, – отчитался офицер. – Полковник разделил армию, часть перебросил сюда, часть осталась для отвода глаз. Но, – он весело хмыкнул, – там сейчас происходит избиение младенцев. Что они могут с луками и арбалетами против ружей и пушек?

И словно в противовес его словам, Фазхан вдруг резко вскинул руку, доставая арбалет из-под полы. Он до сих пор сидел в седле, окруженный гвардейцами, и никто не додумался его обыскать.

– Лучше уж совсем без тебя, чем ты будешь против нас, – прошипел генерал и выстрелил.

Я не успела ничего понять. Только то, что сейчас умру. Вряд ли генерал промажет с такого близкого расстояния. Вдруг меня сильно толкнули вбок, и я опять полетела на землю, ударившись многострадальным бедром. На моем месте оказался Хорн. Рвано выдохнув, он согнулся пополам. Генерала сразу же стащили с лошади, отобрали оружие, но увы, поздно. Короткая деревянная стрела полностью вошла в живот Тору. Наружу торчал лишь кончик с оперением

***

Мы ехали уже больше часа, но до госпиталя было еще далеко. Я прижимала руку со скрученным шейным платком к животу Хорна, пытаюсь сдержать кровь, которая выплескивалась из раны с каждым толчком кареты. Безуспешно. Платок был полностью мокрым. Мои руки, куртка, брюки, пол кареты – все было в крови. Дарий, сидящий рядом на диванчике, старался делать дорогу ровной, но иногда карета все же качалась, и я непроизвольно сжималась, словно это у меня из живота торчала стрела.

Карету починили быстро. Тору нельзя было ехать верхом, поэтому я за минуту выпрямила погнутую ось и прикрепила колесо, стянув треснутые спицы и обод металлическими заплатками. Получилось криво. Именно из-за них карета и покачивалась, но отремонтировать колесо тщательней не было времени.

Хорн то приходил в себя, то опять проваливался в забытие.

– Зачем? – прошептала я севшим голосом. – Зачем ты это сделал?

Он открыл мутные от боли глаза и криво улыбнулся.

– Не думай. Я не герой, – в голосе проскользнула ирония, – это просто тонкий расчет. Обычная математика.

«Какая еще математика?» – от страха голова почти не соображала.

– Ты гораздо важнее меня, – продолжил он деланно веселым тоном, – если умру я, то титул ария просто перейдет к моей младшей сестре. Род Хорнов не прервется. Я бесполезен и сам по себе ничего не стою. А вот если умрешь ты... – он немного помолчал. – Это будет катастрофой для всего королевства. И для нашего любимого короля.

– С какой стати ты вдруг проникся такой любовью к Эдварду? – пробормотала я в пустоту, – Хорн опять потерял сознание. Я ни на секунду не поверила в его озвученный мнимый расчет. Когда генерал выстрелил, у Хорна не было даже миллисекунды, чтобы что-то там рассчитать. Он действовал инстинктивно и неосознанно. И от этого знания почему-то болело сердце.

Я сидела на полу и мысленно умоляла лошадей поторопиться. Время превратилось в густой тягучий кисель. От бессилия хотелось плакать. Знания о первой помощи, которые нам преподавали в школе, ничем не могли помочь. Я лишь понимала, что нельзя вытаскивать стрелу, чтобы не спровоцировать еще большее кровотечение.

Дарий с сосредоточенным видом и закрытыми глазами все внимание отдавал дороге. Горна оставили на лошади, как и генерала, только крепко связали. Они ехали впереди, низко опустив головы, угрюмые и мрачные. Надеюсь, они сильно пожалеют о том, что совершили. Хотя, кажется, Горну все равно – он полностью отрешился от происходящего еще тогда, когда нас вывели из барака.

Хорн больше не приходил в себя. По приезду я едва успела прошептать полевому хирургу: «Сделайте все, что возможно. Это арий Торус Хорн...», когда его уносили на носилках в операционную.

– Вы думаете, это знание заставит меня лучше оперировать? – раздраженно бросил доктор через плечо, натягивая маску.

Я виновато пожала плечами. На самом деле, я не знала, что может помочь и хваталась за любую соломинку.

Дарий, потоптавшись рядом со мной, отправился переодеваться. Мне тоже следовало бы, так как костюм, пропитавшийся кровью, выглядел и пах отвратительно, но я не могла себя заставить сдвинуться с места, словно если я уйду, Тор умрет.

Я опустила на пол перед дверью в операционную, поджав под себя ноги и закрыв глаза. Сердце то замирало, то колотилось так

быстро, что рвало грудь на части. Что со мной? Я ведь даже не люблю Хорна. Жалость? Чувство вины?

Мне до боли знакомо это ощущение ужасающей потери, его я уже испытывала раньше. Когда лишилась родителей, когда узнала о смерти Марты. Но ведь Хорн мне не отец, не брат и не друг. Тогда почему?

Я очнулась от полусна, в котором пребывала, когда герра Динара тронула меня за плечо. Секретарь молча протянула сложенный листок бумаги. *«Немедленно возвращайся во дворец. Это ПРИКАЗ»*. И печать Его Величества, Эдварда Рема шестнадцатого.

Телеграмма была сухой, резкой и категоричной. Но она свое дело сделала – в голове прояснилось, словно пинок Эдварда задал нужное направление.

Я резко встала, сжав в руке послание короля. В комнату вошел Дарий с точно таким же листком. Он криво улыбнулся, когда мы обменялись телеграммами. Текст был идентичным.

– Выедем завтра утром, – произнес он. – Пленники уже отправлены в столицу с отрядом солдат.

Я согласно кивнула.

– Дениза, иди отдыхай, я подежурю.

С трудом заставив себя развернуться и выйти из госпиталя, я побрела в сторону бывшей палатки полковника. Лагерь опустел. Было странно идти вдоль брошенных повозок, необитаемых бараков, от некоторых остались одни деревянные остовы. Полковник, одержав легкую и быструю победу, закрепился в бывшем лагере фракрийцев и принялся обустриваться там, отодвинув главный фронт на десять миль вглубь. Здесь осталась лишь горстка солдат, в основном тяжелораненых, и госпиталь, который еще не успели перевезти.

Динара помогла помыться и переодеться. Накормила какими-то бутербродами. Где она их достала?

От нечеловеческой усталости внутри все дрожало, и подгибались ноги. Я тяжело упала на кровать, закрыла глаза, но тут же открыла их снова, испугавшись калейдоскопа замелькавших перед ними картинок. Услужливое воображение не давало забыть пережитые ужасы. Вынужденный полет, плен, откровения Горна, мерзкие угрозы генерала, его горящие злобой и похотью глаза. Обеспокоенный Хорн, стрела, кровь... Море крови...

Измучившись тщетными попытками уснуть, я решила пойти в госпиталь. Там мы и сидели с Дарием, прижавшись друг к другу, ожидая конца операции. Она закончилась глубокой ночью. Хирург вышел к нам, бледный от усталости.

– Я сделал все, что мог, – произнес он в ответ на наши вопрошающие взгляды, – теперь все зависит от него самого. От его желания жить.

– Можно его увидеть?

– Зачем? – врач странно на меня посмотрел. – Арий сейчас без сознания и вряд ли придет в себя в ближайшие сутки.

Мы с Дарием расступились, давая мужчине пройти.

– Ну что, пойдём? – обернулся ко мне Зорг. И, видя мое нежелание уходить, добавил: – Ты ни в чем не виновата, Дениза. Не кори себя. Это был выбор Тора. Его личный выбор. Ты ни при чем.

Он думает, что меня держит здесь только чувство вины? Ну да... Я же люблю Эдварда. Об этом знает все королевство.

– Во сколько мы выезжаем? – хрипло спросила я.

– На рассвете, – ответил Дарий, мельком взглянув на висящие часы. Стрелки показывали полночь.

– Иди спать. Я останусь. Все равно не смогу заснуть.

Дарий пожал плечами.

– Как хочешь, – и вышел из палаты.

В отделении для тяжелобольных стояло четыре койки. Все они были заняты. В углу на стуле дремала медсестра. Тяжелый запах крови, гноя, боли впился в меня, словно клещами, заставляя непроизвольно задерживать дыхание. Мужчина с обрубками вместо ног метался во сне, тихонечко постанывая. Я подошла ближе – Хорн в тусклом свете лампы был похож на мертвеца. Белоснежная простынь делала его лицо абсолютно бескровным. Заострившиеся черты, ввалившиеся глазницы, провалы ноздрей, синие губы. Нежилец. Я испуганно коснулась ледяной кожи – пульс едва прощупывался, но он был. Пока.

Опустившись на краешек кровати, я взяла руку Хорна, пытаюсь согреть ее в своих ладонях.

Нет. Я не плакала. Только что-то мокрое текло по щекам и капало на простынь. Я вдруг представила этот мир без него, и стало невыносимо горько. Самодовольный, эгоистичный, наглый,

заносчивый, дерзкий. Он наполнял и расцвечивал этот мир, нет – мой мир, яркими красками, заставляя мне злиться, ненавидеть... и восхищаться им. Без него мир уже не станет прежним.

Сколько же еще нужно потерять близких, друзей, родных, чтобы навсегда разочароваться? Чтобы мир превратился в черную выжженную пустыню? Или Тор и станет этой последней каплей?

Я вытерла мокрые щеки.

Он всегда меня спасал. Его не было, когда меня оскорбляли или унижали, зато, когда реально требовалась помощь и моей жизни угрожала опасность – он был рядом. Пусть с неизменными пошлыми намеками, пусть с похабными шуточками, но действия сами говорили за себя. А ведь это главное.

Как жаль, что я всю жизнь следовала правилам. Я не делала ничего безумного, сумасбродного, такого, о чем бы пожалела, но о чем бы потом вспоминала. С улыбкой или со слезами. Все равно.

Я совру, если скажу, что никогда не представляла, каким страстным он может быть. Особенно после того, как услышала восхваления арии Касси, когда та закатывала глаза перед девчонками и шептала с придыханием: «Он великолепен».

А может, зря? Зря я отталкивала, зря не поверила в серьезность, когда он предлагал сбежать после бала?

Я склонилась к лицу Хорна, прислушиваясь к поверхностному дыханию.

– Пожалуйста, не умирай, – прошептала тихо, почти беззвучно, судорожно стараясь найти правильные слова, те, которые заставят его бороться, заставят хотеть выжить.

– Помнишь, ты звал меня в свою спальню, предлагал стать любовницей. Так вот. Если ты еще раз меня пригласишь – я приду. Только позови.

– Нет, – вдруг прошептал Хорн, открыв потускневшие глаза.

Я вздрогнула от неожиданности. Оказывается, он все это время был в сознании? И слышал, что я говорила? Сердце заныло – какой позор, он отказался! Я сама предложила ему себя, а он не захотел!

– Женой...

– Что? – из-за грохота крови в ушах я не услышала.

– Не любовницей. Женой, – повторил он и добавил тихо, словно из последних сил, – обещай.

Я быстро кивнула, не задумываясь. Вот и первый безумный поступок.

– Кольцо, – он глазами показал вниз. Я перевела взгляд на его руку, – сам не смогу.

Сначала я хотела отказаться, а потом подумала, что для него это будет еще одной зацепкой, еще одним поводом бороться за жизнь. Стянула со среднего пальца тяжелый фамильный перстень Хорнов. Тот, который когда-то украл Бак. Интересно, сколько отвалил Торус, чтобы вернуть его?

– Надевай.

Я молча надела кольцо на безымянный палец, сложив в несколько раз телеграмму и просунув ее между пальцем и кольцом, чтобы село плотно. Подняла руку и показала Хорну. Его губы дрогнули в улыбке.

– Поцелуй.

Колебалась я лишь мгновенье. Склонилась и коснулась губами холодных, почти ледяных губ. Что происходит? Что я творю? Будто мой разум перестал слушаться, словно я безвольная кукла, которую дергают за веревочки. Я испуганно отшатнулась, вглядываясь в темно-серые от боли глаза.

– Теперь не отвертись, – выдохнул Хорн и обессилено прикрыл веки.

Рука безвольно выскользнула из моих рук. Он опять потерял сознание. Я перевела взгляд на вычурный массивный перстень на своей руке, не в силах поверить в то, что сейчас произошло. Я помолвлена. С Хорном. Он сыграл на моем чувстве вины, или я сама этого подсознательно хотела?

Помотала головой, стараясь привести мысли в порядок, но ничего умного не придумала.

– Ты что, сидела в госпитале всю ночь? – сделал Дарий правильный вывод, увидев рано утром мой потрепанный вид. Я вздохом кивнула. Хорн так и не пришел в сознание, а нам пора было уезжать – приказ короля был однозначен, игнорировать не получится. Командир гвардейцев несколько раз заглядывал внутрь палатки, проверяя мою готовность.

– Карету так и не починили, придется ехать верхом, – произнес Дарий, подавая мне руку, – выдержишь?

– А есть другие варианты? – хрипло пробормотала я, выходя. – Нам не дадут отложить выезд еще на день.

– Это точно.

– Выплюсь в поезде, еще неделю до столицы добираться, – я вскочила в седло и натянула поводья, последний раз окидывая взглядом брошенный лагерь, в котором оставляла внезапно обретенного высокородного жениха, не зная выживет он или умрет. Произошедшее ночью казалось странным нереальным сном, словно все произошло не со мной. Только лежащее в кармане кольцо не давало забыть о том, что я помолвлена.

***

Дорога прошла в раздумьях. В конце концов, я решила – будь что будет. Помолвка еще не свадьба. Например, у Хорна уже две подряд закончились ничем. А может, я подсознательно искала способ отказать Эдварду, поэтому так легко согласилась?

Ехать во дворец решила с утра, переночевав в столичной доме Креев. После того, как в нем закончили ремонт, он стал самым красивым на Цветочной улице. Золота у меня было предостаточно, я его не жалела – наняла самых лучших декораторов, мебелировщиков, дизайнеров, садовников. Втайне представляла, как бы папа с мамой увидели его и не узнали, такой он богатый и уютный.

Как я не бахвалилась, все же немного опасалась разговора с Эдвардом. Ясно, что он будет недоволен нашим самоуправством. Но ведь все закончилось хорошо? Мы живы, свободны, даже захватили ценных пленников. Теперь победа у нас в кармане. Я шла по коридору, мысленно выстраивая стратегию разговора, подбирая правильные реплики, объясняя наши с Дарием поступки, но после того, как я вошла в кабинет к королю, моя стратегия дала сбой. Эдварда интересовала не война и не наше пленение.

– Ты подумала над моим предложением? – сразу же прозвучал вопрос, как только я встала из короткого реверанса.

Король вышел из-за стола, подошел и обнял за плечи, внимательно всматриваясь в мое лицо. Я успела отдохнуть за время поездки в поезде, а вот он, похоже, не отдыхал вовсе. Усталые с красными прожилками глаза лихорадочно горели на худощавом осунувшемся лице.

Сердце испуганно дернулось, в горле пересохло. Дрожащими пальцами нащупала в кармане кольцо и надела на палец.

– Я помолвлена, – прошептала вдруг осипшим голосом и протянула руку.

Эдвард бросил быстрый взгляд на кольцо и отшатнулся, словно я его ударила. По лицу прошла судорога.

– С кем? – выдохнул он, и сразу же добавил насмешливо. – Нет, нет, не говори, сам догадаюсь.

Он отвернулся и прошелся по кабинету, сжав руки за спиной. Остановился у окна, бездумно уставившись на дворцовый сад. Я молча кусала губы, чувствуя себя предательницей.

– Не думал, что ты такая дура, – через достаточно долгое время холодно произнес король, я удивленно дернулась от грубости. Он никогда раньше не позволял себе так со мной говорить. – Когда ты получила назад титул, земли, богатства, ты стала привлекательной даже для Хорна. А раньше? Максимум на что ты могла рассчитывать – роль любовницы.

Эдвард неподвижно стоял, всматриваясь в зелень деревьев. Что он там видел? О чем думал? Его застывший профиль стал как никогда похож на профиль отца, вычеканенный на монетах. Он весь был как натянутая струна, напряженные плечи окаменели, побелевшие пальцы сжимали подоконник.

– Я был о тебе лучшего мнения, – продолжил он равнодушным тоном, – ты такая же, как эти пустоголовые дуры, очарованные его красотой и лживыми речами. Первый красавчик королевства, неисправимый бабник, великолепный мерзавец арий Торус Хорн.

Жестокие слова вонзались в тело, словно кинжалы, нанося глубокие раны. Сердце дергалось после каждой фразы. Я смутно понимала, что после этих слов наша дружба уже не будет прежней. Их просто так не вытравишь из памяти.

– Ты могла бы стать королевой, – Эдвард обернулся, я с ужасом увидела его пустые мертвые глаза, – ты могла бы так много сделать для страны и народа. Я... – он запнулся на секунду... – я бы любил тебя всегда, до самой смерти. Но тебе не нужна моя любовь, мое королевство. Ты променяла все это на смазливового бабника, который наиграется тобой и бросит, как и всех до тебя.

Боги, как же больно! Казалось, что с меня медленно сдирают кожу тупым ножом. Но Эдвард не мог знать всего. Он не видел, как Хорн инстинктивно оттолкнул меня с траектории стрелы, не мог знать, как он спасал меня раньше, в школе. Эдвард не слышал, как Хорн говорил о любви, и не видел искренности в его глазах. А может, это я ошибаюсь? Может, я наивная доверчивая, не понимающая, где правда, а где ложь? И из-за глупых мечтаний... я поссорилась со своим лучшим другом? Даже если и так...

– Прости, – твердо сказала я, с трудом возвращая себе невозмутимость, – я не хочу становиться твоей женой. Просто не могу. Ты достоин большего, чем жена, не любящая тебя.

Эдвард сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы. Глаза затопило чернотой. Я испуганно вздрогнула, увидев в них приговор. Сейчас он скажет: «Ты станешь моей женой. Это приказ», и я обязана буду подчиниться. Король колебался лишь секунду. И это была самая долгая секунда в моей жизни.

– Уходи! – крикнул он так страшно, что я отшатнулась. – Уходи прочь! И не показывайся мне на глаза!

Я пулей вылетела из кабинета и побежала по коридору в сторону гостевого крыла. Все, кто мне встречались на пути, ошарашенно отскакивали к стене и провожали удивленными взглядами.

– Ничего, – шептала я беззвучно, – пусть лучше так... Сейчас больно, но вскоре станет легче.

Впереди пятый курс школы, меня не будет во дворце. Да и работу в кузнице никто не отменял. Все пройдет, Эдвард умный и рассудительный, никакая любовь не длится вечно, тем более безответная.

Я уже почти спокойно зашла в свой кабинет, с облегчением увидела на столе гору не разобранных писем. Вот сейчас ими и займусь. Герра Вилара принесла чай, помогла отделить самые неотложные дела от тех, которые могут подождать. Заметив перстень на пальце, который я забыла снять, она только приподняла брови и ничего не сказала. Но я точно знала, что о помолвке к вечеру будут знать все.

А на следующий день на столе появился конверт из королевской канцелярии. Там лежал договор, разорванный в одностороннем порядке. Меня известили, что согласно пункту десять части второй я

не имела права заключать помолвку, являясь фавориткой его величества. В связи с этим меня лишают звания фаворитки и просят освободить занимаемые апартаменты во дворце. Однако оставляют на моем попечении две больницы и три школы, поэтому кабинет и один секретарь в лице герры Вилалы остаются в моем распоряжении. Так же я обязана работать в королевской кузнице не менее двух раз в неделю по восемь часов.

«Что ж, легко отделалась», – подумала с улыбкой. Выбралась из кабалы с наименьшими потерями. Остался лишь один вопрос – лишилась я лучшего друга или нет? Надеюсь, что Эдвард все же больше король, чем обиженный возлюбленный.

Дарий спокойно воспринял помолвку. После краткого недельного отдыха он появился во дворце и сразу же зашел ко мне.

– Я подозревал, что этим кончится, – с улыбкой произнес он, усаживаясь в кресло напротив, – слишком уж Тор к тебе был неравнодушен. Это было видно всем, у кого есть глаза.

– Кстати, ты не знаешь, как он? – мимоходом поинтересовалась я, стараясь не выдать жадного любопытства. – Прошло больше двух недель. За это время он мог уже определиться – оставаться на этом свете или нет.

Дарий пожал плечами.

– Я оставил свои контакты хирургу. Писем и телеграмм не было. А самый главный показатель, – он вдруг заулыбался, – если в газетах нет сообщений о том, что титул переходит к младшей сестре Торуса, значит, точно жив.

Я криво улыбнулась в ответ. Действительно, газетчики первыми разузнают обо всем на свете. Как они это делают? Даже без официального объявления помолвки между арией Крей и арием Хорном, нам перемыли все косточки, выдумывая все более невероятные обстоятельства вспыхнувшей между нами неземной любви среди свиста пуль и взрывов гранат. Просто какая-то военная сказка.

Работы для герры Вилары прибавилось. Ей пришлось отвечать на сотни писем и поздравительных открыток от знатных и не очень семей королевства. Даже Велир Хорн прислал несколько слов, сводящихся к одной идее – если я не смог возродить магическое семейство, то мой сын сможет. Я тогда лишь подумала, что если у нашего

гипотетического ребенка проявится магия, то он будет носить имя не Хорна, а Крея, так как магия будет моя.

Но все это лишь фантазии и предположения. Скорее всего, никакой свадьбы не будет. Чем больше я об этом думаю, тем глупее выглядит мой ночной порыв у постели Хорна.

– Кстати, Эдвард меня вызвал для разговора с Горном, – стал вдруг серьезным Дарий, – маг в тюрьме и отказывается говорить. Так что все, что у нас есть – это его откровения в том деревянном гробу, в котором нас держали.

– А как проходят переговоры по поводу обмена ценным пленником?

– Здесь все в порядке, – усмехнулся Дарий, – война почти закончилась. Без Горна и генерала фракрийцы быстро сдулись. А может, они боятся снова остаться с луками и стрелами? – хохотнул маг земли. – Как бы там ни было, их король согласен на мирные переговоры. Он уже прислал дипломатов.

– И что мы потребуем взамен?

– Не думаю, что Эдвард захочет что-то сверх того, что у нас было. Сейчас наша армия уверенно наступает, противник ничего не может ей противопоставить. Еще немного, и мы перейдем границу.

Герра Вилара принесла чай.

– Еще одна отличная новость, – вдруг заулыбался Дарий, – у моей малышки Розамунды проявилась магия. Вчера она, сидя в песочнице, одним касанием построила башню.

– Поздравляю! – искренне обрадовалась я. – Это чудесно! И как бы было замечательно, если бы узнали способ возврата магии.

– Именно из-за этого меня и пригласил Эдвард, – произнес Дарий, – Горн молчит с того самого момента, как приехал в Шалир. Сегодня мы спустимся к нему вдвоем.

– Это не опасно?

– Он сидит в дворцовой тюрьме, – мотнул головой Дарий, – там все сделано из цельного камня, он даже стол не сможет сдвинуть с места. Мои предки строили дворец и тюрьму в том числе.

Я задумчиво провела глазами спину выходящего из кабинета Зорга. Уверена, что и для него есть камера в этой тюрьме, только она полностью металлическая или деревянная. Как была камера для моего отца. Ремы очень предусмотрительны и подготовились на все случаи.

Да, сейчас приоритеты сдвинулись, война отступила на второй план, и первоочередной задачей для короля стала проблема возврата магии. Если бы удалось ее вернуть, жизнь в королевстве кардинально бы изменилась. Где Горн откопал эту формулу? Почему раньше никто до нее не добрался? Ведь это золотое дно. Безграничные возможности. Берги, Нурвы, Хорны и прочие семьи. Они отдали бы все на свете за возможность снова стать магами.

***

Следующим утром у меня на столе лежал запечатанный конверт из королевской канцелярии. Я опасливо вытащила плотный листок с личным вензелем Эдварда шестнадцатого.

«Его величество ожидает вас в кабинете в десять утра».

Бросив взгляд на часы, я торопливо подошла к зеркалу. Есть полчаса, чтобы морально подготовиться. Лицо было бледным от волнения. Гладкая безукоризненная прическа, темно синее ровное платье со скромным полукруглым вырезом. Только вот руки немного дрожат, в глазах паника. А сердце колотится так, словно меня пригласили не на аудиенцию, а сразу на плаху.

– Манеры, этикет, традиции, – прошептала я своему отражению, медленно выдыхая, с радостью отмечая, как расслабляются мышцы, и замедляется биение сердце. Похлопав себя по щекам и нацепив легкую вежливую улыбку, я вышла из кабинета.

– Ваше величество, – Эдвард коротко кивнул, отвечая на приветствие, и махнул на одно из кресел, стоящих напротив его стола. Раньше я бы подошла к нему, обняла, попеняла на измученный вид, даже, возможно, шутливо чмокнула в щеку. Но не сейчас. Сейчас в его глазах стояло предупреждение – не тронь!

– Горн согласен говорить только с тобой, – хрипло произнес Эдвард, когда я уселась. – Дарий предположил, что он чувствует свою вину за то, что ты лишилась родителей из-за его мести.

– Когда мне идти? – четко и по-деловому.

– Как можно скорее, – ровно ответил король, – Горн очень плох. Врачи говорят, что ему недолго осталось. В последние месяцы он совершенно не щадил организм, работая на износ.

– Что ты хочешь, чтобы я у него узнала?

Эдвард болезненно скривился и на мгновение прикрыл воспаленные глаза, словно две сказанные им фразы забрали все силы.

Он далеко не был так равнодушен, как старался показать. Я видела, как ему плохо, гораздо хуже, чем мне. Ведь я просто потеряла друга, а он еще и любимую. Мне было его безмерно, бесконечно жаль, но я была слишком эгоистичной, чтобы положить свою жизнь на алтарь королевства.

– Самое главное – узнать формулу возврата магии, – в конце концов, произнес он, смотря в сторону, – если сможешь его разговорить, то и еще что-нибудь. Сейчас его голова – полная тайн сокровищница. Нам важны любые сведения.

– Как же так получилось, что в королевской библиотеке находились такие важные книги и о них никто не знал?

– Не в библиотеке, в личной сокровищнице короля, – поправил меня Эдвард, – может быть мои предки и читали их, но или знания таковы, что не для всеобщего пользования, или они были слишком жадные, чтобы ими делиться. А может, и не читали вовсе.

Он немного помолчал.

– В сокровищнице полный бардак. Я потратил два дня на то, чтобы хоть немного систематизировать ценности. Но, увы, книг там больше не осталось.

Я неуверенно поднялась с кресла. Внимательно посмотрела на Эдварда. Он, чувствуя мой взгляд, еще ниже опустил голову, пряча глаза. Нет, мой любимый король, пора заканчивать эти недомолвки.

– Мы еще друзья? – подошла ближе и протянула руку ладонью вверх. Он бросил на нее испуганный взгляд, но сразу же выпрямился, стыдясь невольной слабости. Пару секунд ушло на то, чтобы лицо приобрело бесстрастный вид.

– Конечно, друзья, – справившись с собой, ответил он и пожал руку, а потом добавил с хитрой улыбкой, – ты же знаешь, что магам нельзя жениться друг на друге, чтобы не пересекалась магия?

– Знаю, – парировала в тон я, – но ведь мы еще не узнали формулу. Да и Горн сказал, что она очень сложная, почти невозможная.

А о том, что Рем тоже из магического семейства и по аналогии с Хорном также не может быть моим мужем, если вернет магию, Эдвард, конечно умолчал. Все равно, наш разговор чуть приподнял гранитную плиту, лежащую на сердце. Уже было видно, что его злость прошла, осталась просто обида. Но и она рано или поздно пройдет.

– Возьми телохранителей! – крикнул Эдвард, когда я была уже в дверях.

– Непременно, – обернулась с улыбкой.

Мой дорогой друг, как же хорошо ты меня изучил. Знаешь, что я не буду откладывать посещение тюрьмы и сразу же направлюсь к Горну.

***

Затолкав вглубь мысли о том, что в одной из этих особенных камер сидел и мой отец, я шла по широкому подземному коридору, к единственной занятой камере с двумя личными телохранителями короля за спиной. Оставив их у двери, вошла к магу. Я не боялась. На мне было достаточно металла, чтобы защититься, да и, по словам Эдварда, Горн полностью смирился со своей участью.

– А... это ты, малышка Крей, – приподнялся он с кровати, – я ждал тебя.

Камера была роскошно обставлена. Кровать, стол, два кресла были вмурованы в пол, зато мягких бархатных подушек, гобеленов, пушистых шкур было более чем достаточно, чтобы создавать уют и комфорт. Все-таки он арий, маг. Пусть и предатель.

– Я пришла по просьбе короля, – произнесла прохладно, осматриваясь.

Горн выглядел так же, как и раньше, словно не сегодня-завтра отправится к праотцам. Только его глаза, прежде горевшие мстостью и злобой, потухли. Эдвард еще не решил, казнить его за измену королевству или дать умереть в тюрьме. В любом случае, пока он не расскажет все, что знает, казни не будет.

– Мальчик хочет возродить магическое королевство? – хрипло захихикал Горн, откинувшись на подушки. – Вряд ли у него выйдет.

– Почему? – мой тон был сух и безразличен.

– Как я уже сказал, способ опасный.

– Может, уже скажете этот способ? – добавила капельку раздражения в свой голос. – Пусть Эдвард сам решает, что с ним делать.

Горн пожевал губами.

– Заберешь жизнь – потеряешь, отдашь жизнь – вернешь, – пропел он сипло.

– Что? – не поняла я.

– Что слышала, – Горн скривился, – дурацкое наследие от милостивых богов, если они боги, конечно.

Я озадаченно нахмурилась, переваривая услышанное. Первая часть понятна, я и сама догадалась, что магия пропадает, если с ее помощью убить человека. А вот вторая...

– Как можно вернуть магию, отдав жизнь? – пробормотала растерянно.

– Вот и я не знаю! – рявкнул Горн. – Мой сын решил, что если он защитит какого-нибудь неудачника в драке, возьмет на себя его смертельную рану, то обретет магию. Он ничего мне не сказал и отправился ночью в порт искать смерть, взяв с собой лишь карету с кучером, – Горн тяжело вздохнул, – и нашел. Он спас какого-то пьяницу, закрыв собой. Тот даже не понял, что произошло. Зато мой Альберт, получив ножом в живот, умер, так и не придя в сознание, хотя его лечил сам Берг.

Да, способ действительно, опасный. Вряд ли кто-нибудь из ариев, бывших магов, захочет попробовать. Лучше жить без магии, чем играть со смертью.

– Не знаю, как боги это провернули, – продолжил Горн угрюмо, – читал, что можно так убедить человека, что установки продолжают работать даже в потомках. Наши психологи манипулировали сознанием испытуемых во сне, внушали новые мысли...

– Да, я читала об этом, – отозвалась, наконец, я, – но у них не слишком удачно получалось, люди сходили с ума, в итоге король Рем тринадцатый запретил эксперименты. Но ведь, – пришла мне в голову новая мысль, – боги сами дали нам магию. Зачем же ее забирать?

– Наверное, им нужно было поставить ограничитель для людей, – задумчиво произнес Горн тихим, почти неслышным голосом, – некий запрет на убийства. Да и не думаю я, что они нам ее дали.

– Что? – наклонилась я вперед, стараясь не пропустить ни единого слова.

Горн хрипло рассмеялся.

– Чем больше я думал о них, тем больше убеждался, что никакие это были не боги.

Я испуганно сглотнула. Не то, чтобы я верила... Религии, как таковой, в нашем королевстве не было, но ведь магия... Откуда она взялась, если обычные люди рождаются без нее? Нигде во всем мире,

кроме нашего королевства, магов нет и никогда не было. Тут действительно поверишь в дары спустившихся на землю богов.

– Расскажите, – прошептала я благоговейно, – пожалуйста.

Горн медленно кивнул, словно нехотя.

– Расскажу, – он налил воды в стакан и опил пару глотков. – Я виноват перед тобой, малышка Крей. Пусть мой рассказ хоть как-то компенсирует тот вред, что я нанес тебе.

Я подумала, что любой рассказ не компенсирует гибели родителей, но ничего не сказала. С паршивой овцы... Эдварду нужны эти сведения, и я их добуду.

– В королевской сокровищнице были старые, истрепанные листы с древними письменами, – торжественно начал говорить Горн, – им было более тысячи лет. Я долго их расшифровывал и вот что узнал, – Горн скривился. – Не знаю, писал очевидец, или записи появились гораздо позже, но однажды с неба на землю упала огромная огненная колесница. Она поглотила под собой целую гору, разрушив ее до основания. Люди, жившие в окрестных деревеньках, подумали, что наступил конец света. Когда колесница открылась оттуда вышли существа с двумя руками и двумя ногами, очень похожие на людей. Их нарекли богами и стали им поклоняться. Богов было много, и они были могущественны. Могли двигать горы и поворачивать вспять реки, плавить железо голыми руками и за день выращивать урожай на полях. Боги сказали, что не могут отправиться обратно на небо, так как их колесница сломалась и им потребуется время, чтобы ее починить.

«Пока все совпадает с той легендой, которую я читала в школьной библиотеке, – подумала я, – горная деревушка, спустившиеся с небес боги».

– Шли годы, – продолжал Горн, – ремонт колесницы затягивался. Для него требовались какие-то ценные компоненты. То ли металлы, то ли сплавы, я не понял, на древнем языке таких слов не было. Боги, тоскуя по своему миру, начали брать в постель человеческих женщин. Иногда у них рождались дети.

«Значит, маги – это потомки богов? Я – потомок? С ума сойти!» – дрожь прошла по моему телу с макушки до пят.

– Через какое-то время, рассказчик не указал период, боги, починив колесницу, улетели на небо, оставив своих детей здесь. Нас, – закончил Горн с кривой ухмылкой, – только вот они напоследок

внушили некоторые установки. Убьешь – потеряешь, умрешь – обретешь. Мрази.

– Интересно, – задумчиво произнесла я, не обращая внимания на его последний злобный выпад, – откуда они прилетели и как смогли ассимилироваться с нами? Это были просто люди или все-таки высшие существа? Бессмертные и могущественные.

– Мне плевать, – Горн опять заводился, – их больше никто никогда не видел, зато их последний подарочек портит нам жизнь.

Здесь я была не совсем согласна с магом. Наше королевство стало самым огромным в мире с помощью магов, мы бесконтрольно и агрессивно расширяли границы, захватывая все новые и новые территории. Если бы не резкое сокращение магов несколько сотен лет назад, то неизвестно к чему бы это привело. Мы бы захватили весь мир?

– Дед Гарольда, скорее всего, знал о формуле, – произнес Горн успокоившись, – именно он пытался с помощью гипноза убрать ее из головы. Я точно знаю, что несколько ариев сошли с ума, после одобренных им ментальных манипуляций.

– Сравнили, – усмехнулась я грустно, – знания богов и наши примитивные знания. Может быть, через тысячу лет у нас получится. А может, и никогда...

Я задумчиво покусывала губы, размышляя. Столько предположений. Одно другого фантастичнее. Изначально мы были совместимы, или боги вмещались в тела, чтобы женщины забеременели? Тогда понятно, почему так мало детей рождается у магов. Каждый из них умел все, или они, так же, как и их потомки, владели одним видом магии? Как они могли оставить своих детей, не зная, что с ним будет? Или они были здесь так долго, что дети выросли и породили своих детей? Мне нужно все хорошенько обдумать. Старик сидел на кровати, устало закрыв глаза. Он выполнил обещание – рассказал, все, что знал. Другой вопрос, как применить эти знания...

– Спасибо, – искренне поблагодарила я его. Горн отмахнулся.

– Кстати, в сокровищнице еще лежат вещи, оставшиеся после этих самых богов.

– Какие? – воскликнула я пораженно.

– Какие-то странные инструменты из белого металла, одежда, которая до сих пор выглядит как новая, не мнется и не пачкается. Я

пробовал ее сжечь, она даже не потемнела.

Я нахмурилась – что за вандализм! Почему он хочет все уничтожить!

– Уходи, я устал, – выдохнул Горн, – мне все равно, что со мной будет, казнят меня или нет. У меня не осталось ни одного близкого человека на свете. Мне лишь жаль, что по моей вине пострадал твой отец. Крей был мне симпатичен.

Я молча кивнула, встала с кресла и направилась к выходу.

– Будь прокляты эти боги, одарившие нас магией. Лучше бы они никогда не прилетали, – донеслось мне в спину.

В тот же вечер я дословно передала наш разговор Эдварду.

– Действительно, бесполезная формула, – задумчиво произнес он, внимательно выслушав мой рассказ. – Ни один из ариев не согласится рисковать своей жизнью. Даже не знаю, обнародовать ее или нет.

– Не нужно, – посоветовала я, – ты же не хочешь, чтобы королевство лишилось наследников верхушки аристократии? Вдруг все, как Альберт, бросятся под нож?

– Знаю! – вдруг воскликнул Эдвард, энергично потирая ладони. – Хорн закрыл тебя собой, он попадает под условие! Отдал за тебя жизнь.

– Верно, – настороженно произнесла я, сердце болезненно заныло, как всегда, когда вспоминала тот случай.

– Вот и проверим, работает она или нет. Если Хорн выживет и вернет магию, то и сообщим формулу всем, если нет, то не будем и пытаться. А уж личное дело каждого ария, возвращать магию таким опасным способом или не возвращать.

– Он еще должен выздороветь, – буркнула недовольно.

– Куда он денется, – отмахнулся Эдвард, вставая с кресла, – генерал Канде лично пишет мне донесения, – я удивленно моргнула, отметив мимоходом, что уже не полковник – генерал. – Его полковой врач уверяет, что еще пара недель, и Хорн встанет на ноги.

Внутри почему-то стало тепло. Я постаралась не слишком широко улыбаться.

– Кстати, – обернулся Эдвард ко мне, – если у Хорна появится магия, то тебе придется найти другого жениха.

Я равнодушно пожала плечами. Придется. Хорошо уже то, что друг больше не предлагает свою кандидатуру.

***

Начались занятия в школе. Сначала я думала жить постоянно в общежитии, но скоро отказалась от этой идеи. Даже две выделенные мне комнаты были тесны. Негде было разместить документы, книги, металлические заготовки, над которыми я работала. Пришлось уезжать после лекций в городской дом.

Фракрия подписала мирный договор. Они отдали нам огромную контрибуцию золотом, металлами, углем, навечно закрепив за нами захваченные семьдесят лет назад территории. Брата короля с почестями передали из рук в руки фракрийской делегации.

Газеты трубили о великолепном начале правления Рема шестнадцатого. Я только улыбалась, читая хвалебные статьи.

Горн тихо и спокойно умер в тюрьме, его земли отошли короне. Эдвард решил не обнародовать предательство мага перемещений. И так народ относился настороженно к магии, если все узнают, что из-за мага развязалась война, унесшая десятки тысяч людей, неизвестно чем это кончится.

– Ты мог бы обелить имя своего отца, – удивилась я его решению, – ведь Гарольд Рем не убивал Ромула.

– Это изменит то, что он сумасшедший? – ответил Эдвард. Я покачала головой. – Если рассказать о Горне, то придется рассказывать обо всем. О смерти его сына, формуле и так далее. А эти сведения точно не для всеобщей огласки.

Мы с Эдвардом вернулись к тесным, дружеским отношениям, какие у нас были раньше. Конечно, встречаться мы стали реже, зато шуточные записки и послания получала регулярно и сама писала Эдварду.

«Профессор Лейбник очень сожалеет, что Его величество не удостоил своим высокородным вниманием лекцию по аналитической геометрии. Он очень надеется, что при управлении страной тебе не понадобится вычисление проекций на плоскости».

«И я надеюсь, – писал Эдвард, – но лучше бы тебе приехать вечером и объяснить непутевому королю, как же их вычислять».

Иногда я принимала приглашение, иногда писала, что не смогу, много дел. Мои знания росли, вместе с ними и количество обязанностей. Катастрофически не хватало времени все успевать. Следить за бухгалтерией больниц, школы, проверять управляющих

своих многочисленных поместий, работать в кузнице, ходить на лекции, писать сочинения, сдавать курсовые и многое другое.

Я не позволяла себе слабостей, не поддавалась соблазну расслабиться и хоть день отдохнуть, даже выходные проходили за работой. Я опять превращалась в ледяную безэмоциональную статую, механически выполняя движения – проснуться, одеться, позавтракать. Потом в школу, лекции, практики, домашнее задание. Кузница, зубрежка формул, создание новых. Вечером отчеты управляющих, письма, ужин, сон. На следующий день все по новой.

Мне двадцать один, а я даже ни разу не ходила на свидания, ни разу не целовалась, если не считать тот яростный поцелуй Хорна. В моем возрасте большинство девушек замужем и уже имеют детей.

Прошло уже два месяца после окончания войны, Хорн так и не приехал в столицу. Не то, чтобы я ждала... Но вчера вечером, за ужином, Эдвард с насмешливой улыбкой сказал, что Хорн скорее всего нашел себе новое увлечение и передумал жениться, в чем он и не сомневался. Что он с большим удовольствием по моей просьбе разорвет помолвку, он, как король, имеет право это сделать. И что присмотрел для меня нескольких приличных кандидатов в мужья. Мне же пора продолжать род Креев. Я парировала тем, что традиционно верхушка ариев, а особенно маги, женятся и выходят замуж после окончания школы. А до этого события мне еще полгода. Времени полно. Эдвард только презрительно хмыкнул. Он страстно не хотел, чтобы я выходила именно за Хорна. Чем тот ему насолил? Уверена, что и женихов он подобрал по своему вкусу – заурядных, преданных короне, ничем не примечательных.

Мрачные мысли не покидали меня весь день. Я послушно отсидела три лекции и даже явилась на практику по биологии, чтобы хоть немного развеяться среди микроскопов и питательных растворов. Ничего срочного вечером не предусматривалось. Курсовые сданы, положенные шестнадцать часов в королевской кузнице я отработала даже с лихвой. Бухгалтерия и дом в идеальном порядке. Может, поужинать в ресторации? Но не буду ли я выглядеть жалко, одиноко сидя за столиком?

Не успела я выехать за ворота школы, как вдруг карета дернулась и остановилась. Сзади с подножки спрыгнули телохранители. Не думаю, что нас остановили грабители. Пять миль от школы до южных

ворот Шалира – самые безопасные пять миль в королевстве. Я выглянула из окна. Перед каретой стоял какой-то худой высокий темноволосый парень в потрепанной одежде. Что-то в нем было до боли знакомое. Парень широко улыбнулся и направился ко мне. Мрак! Как я могла не узнать Хорна! Неудивительно, от него осталась ровно половина. Только улыбка была прежней. Такой же обаятельной и лукавой. Заставляющей любое женское сердце биться чаще.

Он остановился напротив окна.

– Привет, – хрипло произнес, не пытаясь приблизиться.

– Привет, – сердце заколотилось, как сумасшедшее.

Он сильно, можно сказать нечеловечески похудел, острые скулы натянули кожу, тонкий аристократический нос стал еще более выдающимся, кадык некрасиво выпирал на тощей шее. Пыльная одежда висела мешком.

– Я только что с поезда, шел пешком, – губы мелко подрагивали, словно он не знал, то ли улыбаться, то ли расплакаться, – хотел сначала увидеть тебя.

– Почему пешком?

Он развел руками.

– Теперь я бедняк, – произнес почти торжественно, – паромобиль продал до войны, на работу еще не устроился. Пока остановлюсь в доме Фархов, потом подыщу жильё.

Я отворила дверцу кареты.

– Залезай, я отвезу тебя.

– Нет, – он шагнул назад, – я омерзительно грязный. Сам дойду.

– Как хочешь, – почему же он не уходит, а стоит и смотрит, словно вечность не видел? Всего-то три месяца прошло.

– Нам нужно будет поговорить... Потом, как отдохнешь... – произнесла я смущенно, кладя руки на дверцу.

Хорн недобро сузил глаза, интуитивно понимая, о чем я хотела поговорить.

– Ты глубоко ошибаешься, если думаешь, что я освобожу тебя от помолвки, заключенной, когда ты изнывала от чувства вины, подловив на жалости, – отрезал он высокомерно, – мне все равно как ты согласилась, – он бросил быстрый взгляд на мою руку и обвинительно добавил, – вижу, ты даже кольцо не носишь.

Ну хоть в чем-то Хорн остался верен себе, от его надменного тона мурашки по коже. Никто не посмеет усомниться в его аристократическом происхождении, даже если он будет стоять в грязном рубище на паперти.

– Оно большое, – буркнула виновато. Почему оправдываюсь?

– Конечно, ты не смогла его уменьшить, – он добавил язвительности в голос, – ты же совершенно не умеешь обращаться с металлом.

Я сдавленно фыркнула, скрывая улыбку.

– Как бы там ни было, – Хорн горделиво выпрямился, – ты станешь моей женой. Не важно, носишь кольцо или нет. Это решено.

Не желая продолжать перепалку, я решила сделать тактическое отступление. Нас же в школе учили дипломатии?

– Вижу, ты остался таким же самоуверенным, как и был, – конечно, хотелось бы, чтобы в моем голосе звучало больше досады, чем радости. Но получилось, как получилось.

Глаза Хорна потеплели.

– Не отбирай у меня надежду, – губы дрогнули в улыбке, – я три месяца только и жил одной мыслью...

– Какой?

Вот зря я спросила. Взгляд Хорна стал жадным, горячим, кадык нервно дернулся, скулы напряглись. Он сглотнул и отвел глаза в сторону.

– Вообразал, как буду водить тебя на свидания, – произнес хрипло.

– Свидания?

– Ага, – кивнул он, и я интуитивно поняла, что совсем не свидания он имел в виду, – в идеале хотелось бы уже сегодня, но слишком много дел нужно сделать.

Он все стоял и стоял, а я не могла приказать кучеру трогаться. Слева нас объезжали другие кареты, у ворот образовался небольшой затор, так как каждый считал своим долгом, остановиться и посмотреть, кто же это стоит на дороге. Не знаю, узнали они Хорна или нет, но в любом случае о приезде скандального ария вскоре будут знать все в Шалире.

– Езжай. Не буду тебя задерживать, – в конце концов, произнес Тор. Качнулся, словно хотел дотронуться до моей руки, но передумал.

Хлопнул ладонью по стенке кареты, давая кучеру знак. Лошади тронулись. Я откинулась на подушки, изо всех сил сдерживаясь от желания высунуться из окна и посмотреть на фигуру, оставшуюся на пыльной дороге.

Нет, Эдвард совершенно не прав. Никого Хорн не нашел и не передумал. Не бывает у передумавших такого голодного взгляда, словно он умрет, если не коснется меня. Не спешат передумавшие первым делом увидеть невесту после долгой утомительной дороги. Не торопятся закрепить помолвку и еще раз напомнить об обещании.

Я усмехнулась, сейчас Тор был похож на облезлого помойного кота. Тощий, грязный, оголодавший. Но не осунувшееся лицо, ни худая фигура не делала его ни на грамм менее привлекательным. Даже наоборот – интуитивно хотелось накормить и обогреть.

Я громко фыркнула, вспомнив вереницы поклонниц, вешающихся ему на шею, не прекративших предлагать себя даже после заключения помолвки с Оттаной.

Нет! Не буду даже думать об этом!

Вытащила тетрадь с лекцией по праву и еще раз перечитала задание. Потом еще раз, и еще.

***

На следующий день Эдвард вызвал меня во дворец, чтобы я вместе с ним посетила королевскую сокровищницу, надеясь, что случайно смогу заметить что-либо ценное из оставшихся после «богов» вещей. Сейчас я рассматривала тонкий белый цилиндр, похожий на карандаш, из неизвестного мне сплава. В том, что это точно был металл, я не сомневалась.

– Знаешь, кого приняли на работу в верховный суд? – голос короля был подозрительно хитроватый.

– Кого? – поинтересовалась равнодушно, применяя формулу истинного зрения. Внутри цилиндра была какая-то отличная от металла субстанция. Жидкость? Газ?

– Нашего хорошего знакомого, позапрошлого выпускника, – Эдвард выдержал многозначительную паузу, я напряглась, оборачиваясь, – ария Торуса Хорна.

– И на какую должность? – я продолжила ощупывать цилиндр.

– Младший помощник судьи. Ему не смогли отказать, он все-таки окончил королевскую школу с пятью грамотами. И пусть последняя

была дана скорее отцом, чем директором, все равно он вправе выбирать место работы самостоятельно. Нам нужны образованные люди. Арии вообще редко работают. А тут такая удача.

Я видела, как Эдварда распирает от возбуждения.

– Ладно, – обернулась к другу, – Хорн приезжал ко мне вчера. Мы поговорили. И нет, я не спрашивала, появилась у него магия или нет. Думаю, скорее нет, так как этой новостью он бы со мной точно поделился.

– И когда свадьба? – фыркнул король, не в силах сдержать язвительность. Я скривилась.

– Мы вроде прошли этот этап...

– Прости, – болезненно выдохнул он, коснувшись моего плеча, – лучше мне не знать об этом.

«Да я и сама не знаю», – подумала рассеянно, посылая слабый импульс разогрева на цилиндр.

Вдруг из дальнего конца трубки вылетел тонкий светящийся луч. Он разрезал, словно нож масло, железный сейф, стоящий на пути, и впился в каменную стену. Я испуганно отбросила цилиндр, на ходу выкрикнув формулу охлаждения. Луч пропал, а в стене осталось круглое сквозное отверстие, сквозь которое проглядывал кусочек синего неба.

Мы с Эдвардом ошарашенно переглянулись.

– Наружные стены толщиной три метра, – пробормотал король.

– Если при слабом импульсе такое, что будет, если я разогрею сильнее?

Я осторожно подобрала цилиндр. Он был холоден и безжизненен.

– Неплохой ножичек, – хмыкнул Эдвард, – или, скорее, пила. Вряд ли оружие. На чем она работает? Ей же тысяча лет, как минимум.

– Явно не на угле, как наши паромобили, – я принялась рассматривать цилиндр более тщательно, но ни отверстий, ни резьбы не увидела. – Как они могли бросить такую опасную штуку?

– Ею может воспользоваться только маг, – Эдвард осторожно забрал у меня цилиндр и положил в отведенную для него ячейку, – причем только Крей. Предполагаю, что для остальных людей она безвредна, точнее бесполезна.

Я подошла ближе к полкам и взяла в руки странную коробочку с вырезанными на крышке буквами.

– Если в сокровищнице есть приспособления для других магов, то я просто не смогу их активировать, – повертела в руках и положила назад, – с цилиндром получилось случайно.

– Давай потом поэкспериментируем, – Эдвард подхватил меня под руку и направил на выход, – у меня чуть сердце не остановилось, когда я увидел этот луч.

Эдвард направился на заседание министров, я повернула в кузницу. Делать оружие меня уже не заставляли. Война закончилась, да и король отдал распоряжение начать строить несколько оружейных заводов на границах. Дирижабль прошел последнее испытание и отправлен в производство.

В королевстве наступила тишь и благодать. Следующее грандиозное событие ожидалось только через несколько месяцев. В начале лета должна приехать принцесса Лея из Горегоров, сосватанная невеста Эдварда. Девочке всего четырнадцать, а ее уже выпихивают замуж. Два года будет длиться помолвка, за это время она должна будет изучить язык, традиции и обычаи Альтеи, страны, в которой станет королевой.

Эдвард как-то пару дней назад поинтересовался у меня:

– Может быть, отправить ее в школу? Пусть пять лет не показывается мне на глаза.

– А не рано? Ей всего четырнадцать, – я понимала, что Эдварду не нравится вся эта ситуация с невестой, он не знает ее, не хочет, но ведь девушке гораздо тяжелее. Во-первых, она еще совсем ребенок, младше Эдварда на семь лет, во-вторых, ее оторвут от родных, друзей, выдернут из привычного окружения, она даже языка не знает.

– Я слышал, что на севере рано взрослеют. В четырнадцать у них уже бывают дети.

– У них может быть, но не у нас, – хмуро ответила я королю, – тебя не поймет твой же народ.

Эдвард рассмеялся.

– Ты о чем? Не собираюсь я делать ей детей! Я о том, что она достаточно взрослая для школы. Я мог бы попросить ария Бридор немного изменить правила...

Он задумчиво стучал карандашом по столу. Я встала, собираясь уходить. Советчиком в этих вопросах быть не желала.

– Как же мне жаль, что я так близко подпустил тебя к себе, – донеслось в спину.

Я пораженно обернулась, удивленно уставившись в лицо Эдварда. О чем это он?

– Ты стала лучшим другом, самым верным, самым надежным, – продолжил он задумчиво, словно разговаривая сам с собой. Я заинтересованно вернулась к столу короля, до сих пор не понимая, к чему он ведет. – Если бы ты была обычной девушкой, то я бы просто отдал приказ и на этом все. Ты не посмела бы послушаться.

То есть, он жалеет о нашей дружбе? Так понимать?

– И что же тебе мешает отдать его сейчас? – приводили в недоумение вот такие его высказывания. Иногда я и сама не знала, шутит он или говорит то, что думает.

– Не могу, – со смешком пожал плечами король и развел руками, – я же говорю, ты стала слишком близкой. Почти сестрой. Меня будет мучить совесть.

– А она есть у королей?

– Оказывается, есть, – Эдвард хитро прищурился, – а может, ну ее, совесть-то?

Я ошеломленно моргнула.

– Не-не, – помотала головой, – совесть чрезвычайно важна для королей. Можно сказать, жизненно необходима.

– Ну, если ты так думаешь...

Я облегченно выдохнула. И что это было? После нашей ссоры прошло более трех месяцев, неужели он еще на что-то надеется? Или просто пугает?

– Почему ты еще здесь, ария Крей? – Эдвард навис над столом. – А ну марш работать в кузницу.

Сейчас, вспоминая этот разговор, я улыбалась. А тогда мне было совсем не весело. Эдвард периодически прощупывал почву, словно надеялся, что я передумаю. Значит ли это, что он еще любит меня и не оставил надежду сделать королевой?

Я отложила в сторону полураскрытую розу. Стебель был из серебра, бутон из золота. Выращивать цветы из слитков, как папа, я еще не умела, поэтому просто слепила ее как из глины. Получалось красиво, потому что каждая была уникальна, а по формуле они получались одинаковые. Хорошо, что у меня есть тяга к искусству, наш

учитель рисования на уроках шуточно пророчил мне известность, если я стану художником или скульптором, прекрасно зная, что маги не могут выбирать, чем заниматься после школы. Да и не хочу я рисовать картины, металл – вот моя любовь и моя жизнь.

Роза была частью большой композиции, заказанной дворцом для украшения тронного зала по случаю помолвки.

По традиции король должен был чем-то поразить родных своей невесты. Да и ее заодно. Скульптура отправится на родину принцессы, к Горегорам. Надеюсь, этот труд зачтут мне как предвыпускную практику, потому что делать я ее буду долго. Эскиз нарисовал герр Реншар, придворный художник.

На часах восемь. Роза была последней на сегодня. Я вымыла руки и положила ее в один из контейнеров на стеллаже. Там уже были три такие, два полностью раскрывшихся бутона, один закрытый. Еще десяток и можно будет из них собрать куст. Таких кустов должно быть пять и все с разными цветами. Мраморный фонтан в форме лебедя с распахнутыми крыльями сделает Дарий, а резную беседку Тург. Еще будут поющие гимн Альтеи птички, сидящие на ветках, это уже проблема Фархов.

У выхода из кузницы поджидал Хорн. Видимо стоял давно, так как успел замерзнуть. Пусть зима в Шалире была мягкой, но вечером, после захода солнца, сырость от моря пробирала до костей.

Он был такой же болезненно худой, но уже не такой оборванный, одет в строгий темный сюртук, в каких ходит большинство мелких служащих дворца. «Да уж, золотое шитье и серебряные пуговицы отошли в прошлое», – весело подумала я. В руках он держал оранжерейную розу, я ее сразу узнала, такие розы регулярно появлялись у меня на столе в кабинете.

Заметив мой взгляд на цветок, Хорн обаятельно улыбнулся.

– У меня же нет денег на шикарные букеты, – протянул розу, я автоматически ее взяла, – поэтому пришлось лезть в оранжерею.

– Значит, ты устроился на работу во дворец только для того, чтобы сэкономить на цветах? – тронула губами лепестки, вдыхая нежный восхитительный запах.

– Конечно, – его глаза странно блестели, голос наполнился томными ласкающими нотками, – а разве есть какие-то другие предположения?

Я невольно улыбнулась в ответ. Хорн поражал очарованием, легкостью в общении и непомерным самодовольством. Неважно во что он был одет или сколько у него денег. Ворованная роза в руке или роскошный букет, купленный в лучшем цветочном магазине Шалира. Он твердо знал, что его подарок самый лучший.

– Я провожу тебя домой.

– Но карета... – я неуверенно обернулась на стоящих телохранителей.

– Поедет за нами. Если замерзнем, сядем погреться.

– Ладно. Почему бы и нет, – подняла воротник шерстяного платья и положила ладонь на протянутый локоть.

– Знаешь, в последнее время я полюбил ходить пешком, – мы вышли из ворот дворца и медленно пошли по широкому тротуару в сторону цветочной улицы, – оказывается, я многое потерял, когда ездил на паромобиле и не смотрел по сторонам.

Он естественно и непринуждённо завязал шутливый ничего не значащий разговор о необременительной работе в верховном суде, о коллегах, которые странно на него косятся и боятся лишний раз к нему обратиться. Даже исполняющий обязанности верховного судьи герр Корнок робко постучал к нему в кабинет и спросил разрешения войти. Говорил о снятой комнате на окраине столицы, и что ему пришлось вставать в пять утра, чтобы вовремя успеть на работу. Это был грандиозный подвиг с его стороны, сравнимый со спасением двух магов на войне.

Я расслабилась, слушая Хорна, иногда улыбалась, иногда сама вспоминала что-то интересное. Разговор казался таким будничным, будто мы давным-давно знакомы, словно мы близкие друзья или, скорее всего, супруги, прожившие бездну лет вместе.

«А ведь он специально это делает», – подумала вдруг.

Умело приручает меня легкомысленной болтовней, чтобы я не вспомнила о том, что собиралась поговорить о помолвке. Какой хитрец!

Мы подошли к дому Креев. Он выгодно отличался от соседних домов красивой металлической оградой и ажурными коваными воротами. Даже фонтаны в саду были серебряными, их не утащили только потому, что они были очень массивными, а резать побоялись из-за охранников.

– Можно тебя поцеловать? – я удивленно уставилась на Хорна.

Он ли это? До этого момента он ни разу не спрашивал о подобном, да и раньше отличался беспредельной наглостью в отношениях с девушками. Увидев мой пораженный взгляд, Тор улыбнулся.

– Я слишком осторожничаю? Наверное, просто боюсь сделать что-то, что тебе не понравится.

– Раньше не боялся, – фыркнула я насмешливо.

– Отлично, – прошептал Хорн и склонился к моему лицу, коротко коснувшись губ губами.

И это поцелуй? Я даже не успела ничего почувствовать. Не знаю, чего я ждала, но уж точно не подобного почти дружеского прикосновения. Я отпустила голову, пряча глаза. Не хотелось бы, чтобы он увидел мое невольное разочарование.

– Я хочу узнать тебя лучше, – голос был серьезен и тих.

– Зачем? – он словно не заметил моего вопроса.

– Я хочу знать, что ты ешь на завтрак, какие украшения идут к твоим глазам. Хочу знать о твоём детстве, и кто о тебе заботился после смерти родителей. Хочу знать о твоей прекрасной магии, о том, что ты любишь читать и о чем мечтаешь, когда смотришь в окно. Я хочу знать о тебе все.

– На это потребуются годы, – отозвалась я ели слышно.

– Значит, ты со мной надолго.

***

В тот вечер мы так и не поговорили о помолвке. Не хотелось портить так романтично закончившуюся прогулку. Решив отложить разговор на потом, я окунулась в легкий непритязательный флирт, благо Хорн был специалистом в нём.

Он встречал меня каждый вечер с оранжерейной розой в руке. Или у ворот дворца, или у школы. Откуда он знал о моих передвижениях? Словно на крыше моей кареты стоял высокий маяк и указывал ему дорогу. У меня даже мелькнула мысль о шпионах, но откуда у Хорна деньги на них?

Мы часто гуляли, нередко в дворцовом парке, иногда по улицам Шалира, один раз решили устроить пикник у моря, но сбежали от пронизывающего ветра, все-таки была зима. Заходили в кондитерские, пили чай, ели пирожные, покупали шоколад.

И везде, куда бы мы ни пришли, возникало столпотворение. Безумно раздражали льстивые поздравления, восхваления нашей идеальной парой, неискренние пожелания счастья.

Хорну тоже это не нравилось, даже больше, чем мне. Он всегда первым обрывал разговор и уводил меня прочь. Так, как умел лишь он – высокомерно, холодно, на грани грубости. Почему-то на него никто не обижался. Или его высокий статус позволял быть даже мерзавцем?

Однажды к нам за столик в кондитерской подсел его бывший однокурник. Я помнила лишь его лицо, и то смутно. В школе тот меня не достаивал своим высокородным вниманием, а сейчас рассыпался в комплиментах, заглядывал в глаза, бесцеремонно тянулся с мокрыми поцелуями к руке. Я едва удержалась, чтобы не вытереть ее о подол платья. Стало противно.

– Тор, ты уже так долго в столице, а до сих пор я не получил ни одного приглашения на вечеринку! – арий хлопнул Хорна по плечу, на лице того промелькнула досада.

– И не получишь, – спокойно ответил он.

На лице бывшего приятеля проступило недоумение. Он обиженно поджал губы. Через мгновение лоб разгладился.

– Только не говори, что остепенился и решил хоть эту помолвку довести до конца? Не поверю, – захохотал он. Хорн гневно сжал челюсти так, что послышался скрип зубов.

– Может, тебе негде? Я слышал, что в твоём доме сейчас идет ремонт, – продолжал веселиться арий, невзирая на предостерегающий взгляд Торуса, – так давай устроим у меня. И невесту пригласи. Найдем что-нибудь веселое и для нее. Или кого-нибудь... Научим веселиться по-настоящему...

После этих слов Хорн слетел со стула, словно его снесло выстрелом. Схватил за плечо приятеля, грубо выдернул из-за стола, отвел в сторону и что-то тихо ему втолковал, недолго, всего минуту. Но после этой минуты побледневший арий быстро издалека попрощался со мной, коротко кивнул и убрался из кондитерской.

– Прости, – сел напротив Хорн, – бывшие друзья они такие... – я насмешливо приподняла бровь. – Бывшие... – закончил он со вздохом.

Я не любила гулять по центральным улицам Шалира именно из-за этого. Не хотела случайно встречаться с его школьными приятелями, одноклассниками, слушать об их веселом прошлом, шумных

роскошных вечеринках, студенческих проделках, которые все в основном были связаны с девицами.

В итоге мы принялись гулять в порту или на окраине столицы. Там мы заходили в маленькие полупустые кафе, где нас никто не знал и никому не было дела до каких-то там ариев. Они были не статусные, с облезлыми поцарапанными столами и убогим убранством, но зато мы точно знали, что останемся одни на весь вечер.

Мне было легко и весело с Хорном. Он постоянно шутил, остроумно и беззаботно. Он совершенно не стеснялся своего безденежья или простой одежды. Как же мне хотелось иметь такую же незамутненную самоуверенность, как у него. Не страдать из-за надуманных проблем, не стесняться потрепанного платья или отсутствия драгоценностей, как в первые дни в школе. Он был уверен в себе на сто процентов, он знал, что он самый лучший мужчина на свете, и никто не мог поколебать это знание. Меня восхищало и поражало это удивительное качество, а иногда я была просто в шоке от него.

Несколько раз мне даже пришлось заплатить за ужин в кафе. Хорн признался, что до зарплаты он на мели и почему-то казался очень счастливым из-за этого. Странно.

– Сейчас у меня нет денег, – признался он, весело провожая глазами уходящего с моими деньгами официанта, – работаю, как каторжный за жалование. Но для тебя ведь не важна вся эта мишура? – его глаза хитро блестели.

– Не важна, ты же знаешь, – произнесла я со смешком.

– Как же мне на руку твои альтруистские принципы, потому что, увы, водить тебя в шикарные рестораны, осыпать драгоценностями я пока не смогу.

Я невольно рассмеялась. Голова закружилась, словно мы сейчас пили не чай, а шампанское, и в зале стало светлее, и музыка зазвучала громче.

– Как удобно? Правда?! – отсмеявшись, произнесла я.

Хорн склонился над нашим столиком, пристально вглядываясь мне в лицо.

– Скажи, я молодец? Тебе несказанно повезло с женихом.

Он смотрел на меня прямо, открыто и видел меня одну. Словно вокруг не было никого, ни единой души. Это было так странно. Даже

Эдвард иногда смущенно отпуская взгляд, но не Хорн. Этот был до ужаса прямолинейным и самоуверенным.

– Как ты обходишься без всего? – поинтересовалась я весело. – Без паромобиля, породистых лошадей, салонов, вечеринок, дорогой одежды?

– Как оказалось, легко. Гораздо легче, чем без тебя.

Я смущенно опустила голову, как всегда, когда слышала нечто подобное. До сих пор не умела невозмутимо и легко воспринимать признания. Зато Хорн говорил их совершенно спокойно, даже как-то равнодушно, словно само собой разумеющееся. Иногда посреди шуточных перепалок он мог сказать что-то такое, от чего у меня замирало сердце и перехватывало дыхание. Вот и сейчас его слова вогнали в ступор.

– Я много думал. У меня было время, – продолжил он серьезно, – ты изменила меня.

– Я? – голос дрогнул. – Но я же ничего не делала.

– А тебе и не нужно было ничего делать, – на его губах блуждала странная улыбка, – я сам все сделал. Ты просто была... собой.

Он взял двумя руками мою ладонь и притянул к себе. Я уже привыкла к его постоянным касаниям и легким поцелуям, поэтому не придавала значения такому естественному жесту.

– Понимаешь, самое трудное было осознать и принять свой выбор. Решить для себя, что мне жизненно необходимо, а без чего смогу обойтись. Я всегда был эгоистом, – он улыбнулся и грустно, и иронично одновременно, – делал только те вещи, которые хотел, которые мне нравились. Однажды я испытал сильную боль, мне это чувство не понравилось. Я сел и подумал. Без поста судьбы – обойдусь легко, без Оттаны – еще более, без богатства, – он скорчил хитрую гримасу, – с трудом, но смогу, а вот без тебя – увы, нет. Дальше, все было просто.

Я смотрела на Хорна. Смотрела, как он нежно перебирает мои пальцы, наклоняется, целует один за другим, и думала. Может ли человек изменить другого? Нет, конечно, не может. Хорн сам изменился. И это, безусловно, только его личная заслуга. Почему же его отец не смог? Может быть, ему в жизни не встретился человек, подобный мне. Катализатор, так сказать. А может, и встретился, но поздно? И это была моя мать. Может быть, она смогла бы изменить

Велира, но не захотела стать любовницей, а он не смог пойти против мнения света, не решился на развод?

– И как же наш любимый король отреагировал на помолвку? – я очнулась от задумчивости. Хорн улыбался. Долго он не умел или не хотел быть серьезным.

– Ты же видишь, – я беспечно пожала плечами, – я не в тюрьме, не на плахе. Жива, здорова и даже осталась работать во дворце.

– Это хорошо, – произнес он, – иначе пришлось бы мне тебя выкрасть. С другой стороны, – он задумчиво прищурился, – отличная идея. Закутать в покрывало, усадить на коня и сразу же в храм, венчаться. А потом брачная ночь...

Он мечтательно прикрыл глаза, а я скептически фыркнула, Хорн не был бы собой, если бы не свел все к постели.

– Мрак! Надо было раньше это сделать, тогда, когда я тебя спас после похищения отцом. Вот я тугодум! Два года потерял!

Я смотрела на дурачившегося парня и была почти счастлива. Все-таки правильно сделала, что не рассказала ему о формуле возврата магии. Зачем ему эти переживания, если и так ясно, что она не появилась у него. Значит ли это, что мы не так ее поняли? Или Горн неверно прочитал тексты? Или нужно действительно умереть? Какая-то мысль крутилась в голове, но я была слишком отвлечена другим, чтобы обдумывать эту проблему. Я бы не хотела, чтобы Хорн умер. Пусть лучше живет простым человеком без магии, чем возвращает ее в семью, погибнув.

***

С Эдвардом творилось что-то непонятное. Он перестал вызывать меня к себе, не писал посланий, не отвечал на мои, словно, чем больше я общалась с Хорном, тем более истончалась наша дружба.

Но, если честно, мне было все равно. Скачущее настроение короля меня не трогало, оно и раньше прыгало из меланхолии в нездоровую веселость. Я же полностью погрузилась в романтику, забыв обо всем. В ежедневные встречи, шуточные и серьезные признания, невинные поцелуи. Даже учеба отошла на второй план. Выкраивать на свидания время оказалось тяжело, но я уже не могла без них. Каждое утро просыпалась с мыслью о встрече с Хорном вечером.

Любовь. Осторожная, неуверенная, робкая расцветала в моем сердце. Я чувствовала, как меняюсь, медленно и неумолимо. Я думала о нем в школе, дома, во дворце. Думала, сама не желая. Это пугало. Хорн почти добился своего, а я еще не поговорила о помолвке. Каждый раз что-то мешало. Неужели за эти месяцы я ни разу не нашла повод? Конечно же, нет. Нужно честно себе признаться – я просто не хотела лишиться этих свиданий. Я словно попала в сказку, где прекрасный принц целует руки, дарит цветы, постоянно смешит, удивляет и смотрит так, что сердце замирает в груди.

Вечером, прощаясь, он так же невинно целует сомкнутыми губами в щеку. Мне уже мало этих дружеских объятий, я хочу большего, готова на большее, но не знаю, как сказать.

Конечно, Хорн замечает мое разочарование, он все подмечает, его взгляд всегда внимательный и цепкий. Ну да, у него же огромный опыт. Иногда этот опыт нервирует меня до невозможности. Но в то же время, я понимаю, что он полезен в некоторых моментах. Например, как в этом.

Чмокнув меня и сразу же отклонившись, Хорн произнес весело:

– Боюсь, если я тебя поцелую, так как хочу, не смогу сдержаться. А ты еще не готова к более близким отношениям.

– Почему? – искренне возмутилась я, и лишь спустя секунду поняла, что сказала.

– Я хочу, чтобы ты влюбилась в меня так сильно, как и я. Хочу, чтобы ты думала обо мне постоянно, как и я. Хочу, чтобы тебе снились такие сны, как и мне. Чтобы все твои мысли, желания, устремления и потребности были связаны со мной. В общем, много чего хочу...

Я тогда опять не подняла вопрос о помолвке, трусливо спрятавшись за смущение.

Весна была в самом разгаре, когда я закончила свою часть композиции. Получилось необычно. На металлической подложке в виде поляны из травы цвели цветы, сделанные из разных видов металла. Серебро, золото, медь, бронза, было даже обычное железо. Некоторые из них были с вкраплениями драгоценных и полудрагоценных камней. Арий Бридор отметил зачет практики, оставались лишь несколько экзаменов, и школа будет окончена.

Даже не верилось, что это вскоре произойдет. За пять лет я прожила целую жизнь. Кем я была, приехав в Шалир с тощей

холщовой котомкой? Запуганной жалкой девчонкой, которую травили все, кому не лень. Тогда моей единственной мечтой было немного научиться своей магии, а потом спрятаться где-нибудь в провинции и работать в кузнице.

Сейчас же передо мной лежит весь мир. Я ощущаю свою силу, не только как мага, но как человека, которого ничем не сломать.

Пять лет я училась не только математике и философии, географии и танцам, я училась не давать себя в обиду, гордо сносить несправедливость. Сейчас я уже не обижалась, ни на Гехарда, который больше всех доставал меня. После скандала с горничной, быстро ставшим достоянием общественности, аристократы отвернулись от него. В высшем свете не приветствовалось насилие, и отцу пришлось дать ему какой-то мелкий чин и отправить служить на границу.

Не обижалась ни на Оттану, публично унижавшую меня, ни на ее подружек, злословивших за спиной. Это были вехи, вехи становления моего характера. Я закаляла его, и как сказал Эдвард, гранила как алмаз. Каждый раз, выбирая как поступить, униженно склонить голову или ответить, я выращивала в себе стальной стержень, и сейчас, спустя пять лет, твердо стою на ногах.

Я уже сейчас могла сдать экзамены экстерном, но хотела еще немного потянуть время, возвращаясь в древние, до боли знакомые коридоры и аудитории.

Когда я показала композицию Хорну, он на целую минуту потерял дар речи. Я польщено усмехнулась.

– Это самое прекрасное зрелище, которое я видел в жизни, – благоговейно прошептал он и сразу же добавил с улыбкой, – кроме тебя, конечно. Как же мне повезло, что у моей будущей жены такой прибыльный талант. Мы никогда не будем голодать.

За эти несколько месяцев он почти пришел в норму. Исчезла болезненная худоба, волосы стали такими же блестящими и шелковистыми, как раньше, мышцы приобрели рельеф. Он опять стал самым красивым мужчиной в королевстве. Но ведь он никогда и не переставал им быть. Каждый раз, гуляя по городу или в порту, я ловила восхищенные взгляды проходящий мимо женщин, и молодых, и старых, и настроение почему-то портилось. Неужели, это была ревность? Сердце неприятно защемило, уж очень непривычное было чувство. Коварное и гнетущее.

Вот и сейчас, едва смогла оторвать восторженный взгляд с идеального профиля. Нет, так не пойдет. Пора брать себя в руки.

– Я давно хотела с тобой поговорить, – твердо произнесла, отворачиваясь от композиции.

С лица Хорна тут же слетела мягкая улыбка. Он нахмурился и помрачнел.

– Наша помолвка была заключена так странно... Я не успела даже подумать, как ответила да. А сейчас не уверена...

– В себе? – движения Хорна стали резкими, голос отрывистым. – Ты не уверена, что полюбишь меня?

Я отрицательно мотнула головой. Скорее всего, я уже люблю его так, что болит сердце и ноет в груди. Но об этом ему лучше не знать.

– Во мне?

Я замялась.

– Видишь ли, два года я наблюдала твои многочисленные любовные победы. Словно ты поставил себе цель переспать со всеми студентками школы.

– Ага, – мрачно буркнул он в сторону, – после того, как я встретил одну конкретную студентку, все мои цели сосредоточились на ней, – и сразу же серьезнее. – Хорошо, тогда скажи мне честно – ты обещаешь любить меня вечно, до самой смерти?

– Как я могу это обещать? – искренне возмутилась я. – Я не знаю, что произойдет в будущем.

– Вот и ответ на твой вопрос. Я тоже не знаю, сколько буду тебя любить. Год, десять лет или всю жизнь. Но могу точно сказать, что сейчас ты для меня самый важный человек на свете. И ты слишком тяжело мне досталась, чтобы на следующий день после свадьбы найти любовницу.

Я не стала его поправлять, ведь уже досталась, это ясно и мне, и ему.

– Я могу честно пообещать тебе лишь одно, – произнес Хорн, беря меня за руку, – пока ты со мной, других не будет. Но если ты меня бросишь... – он притворно сощурился.

– Ладно, – несмело улыбнулась в ответ, – этого достаточно.

Мелькнула мысль, что я очень быстро согласилась с его доводами, словно хотела согласиться. Но мне уже было все равно. Осторожность и недоверчивость испарились под влиянием его мягкой улыбки.

– Завтра идем в храм?

Я испуганно отшатнулась, пряча глаза. Когда свадьба где-то далеко на горизонте, я была спокойна и собрана. Но вдруг завтра... Нет, это слишком быстро.

– Ясно, – Хорн прочитал по моему лицу ответ, – не получится вскоре разбогатеть. А я уже присмотрел себе новенький паромобиль. Надеюсь куплю с твоего приданого после свадьбы.

Я вымучено улыбнулась шутке. То, что это была именно шутка, я уже не сомневалась.

***

Два важных экзамена позади. Геометрия и право. Впереди еще география, биология и иностранные языки. Домоводство, верховую езду и литературу, как всегда, сдавали зачетами. На последнем курсе одногруппников осталась ровно половина, и да, как и предполагала, я была единственной девушкой среди них. После двух лекций, на которых я находилась в аудитории одна, профессор Нарана сказала:

– Ты и так все знаешь, учить тебя нечему. Вот список книг, – она протянула мне листок, – будет время прочти, не будет – и ладно, и так поставлю тебе зачет.

Я обрадованно поблагодарила женщину, заверив, что обязательно прочту. Герре Наране последовали и остальные женщины преподаватели. У меня освободился огромный кусок свободного времени, которое можно было потратить на что-то другое.

Другого было более чем достаточно. Эдвард так и не заключил нового договора с фавориткой, и мне приходилось по-прежнему тянуть обязанности ведения бухгалтерского учета и помогать в организации балов.

Пусть король и перестал общаться со мной, но оставил ниточку, которая связывала меня с дворцом.

В этот раз Хорн встретил меня после школы. Я отправила карету домой, а сама вышла пешком за ворота. С улыбкой взяла неизменную розу.

– Интересно, у короля хоть что-то еще осталось в оранжерее? – со смешком поинтересовалась я.

– Осталось, – отмахнулся Хорн, – ему эти цветы не к чему, а вот мне жизненно необходимы.

Я догадывалась, что герра Валентина, смотрительница оранжереи, просто не может устоять перед обаятельной улыбкой Хорна, если позволяет ему каждый день «воровать» цветы.

– Как дела на работе? – я оперлась о протянутый локоть, и мы пошли в сторону моря.

– Мне прочат место второго судьи, – ответил рассеянно Хорн, – как только сдам квалификационный экзамен.

– Ты же его сдашь?

– Конечно, куда я денусь? – хмыкнул он. – Твой будущий муж поднимается по карьерной лестнице, и вскоре тебе не нужно будет за меня платить в ресторациях.

Я шутливо толкнула его в бок.

– Мне не сложно платить за нас. Но когда станешь верховным судьей, вернешь мне до медяка.

– Верховным? – Хорн округлил глаза. – Тебе придется долго ждать. Это место меня страшит.

– Не знаю никого, кто был бы достойнее тебя. В тебе же кровь Хорнов. Вы умеете видеть истину.

Правда, Велир если и мог ее видеть, то использовал эти знания эгоистично, лишь себе во благо.

– Раньше умели, – поправил меня Тор спокойно.

Я задумчиво смотрела на море и кусала губы, раздумывая рассказать или нет.

– В королевской сокровищнице было много древних книг на магическую тематику, – решила все-таки приоткрыть завесу тайны, но только чуть-чуть, – и я узнала, что магия не исчезает полностью. Она как-бы засыпает. Неужели ты ни разу не замечал, что можешь интуитивно понимать, говорит человек правду или нет?

Хорн пораженно развернулся ко мне и схватил за плечи.

– То-то мне было так плохо, когда я слышал твои слова. Тогда в комнате и в библиотеке... – он сердито нахмурился. – Значит, ты тогда говорила правду? О том, что я самый мерзкий человек?!

Я кивнула, пряча улыбку.

– Я поражен в самое сердце, – он покачнулся, притворно хватаясь за грудь, – мне казалось, я всем нравлюсь...

Как бы он ни дурачился, я видела, что он реально растерян и потрясен. Сейчас он был похож на ребенка, у которого забрали

любимую игрушку. Красивое лицо скривилось в обиженной гримасе. Я подняла руку и провела по морщинке на лбу. Он ухватился за нее и поднес к губам.

– Но сейчас же все по-другому? – хитро улыбнулся, целуя пальцы. – Сейчас я нравлюсь тебе, правда?

– Правда, – прошептала я чуть слышно.

Хорн широко улыбнулся, в глазах заплясали озорные искорки.

– Завтра идем в храм?

Я отвернулась к морю, насмешливо фыркнув. Этот вопрос он задавал чуть ли не каждый вечер в конце свидания. Неужели не надоело? Хорн встал сзади меня и крепко обнял, положив голову на плечо, прижавшись щекой к щеке. Летнее солнце уже не слепило, а мягко отсвечивало красноватыми бликами, медленно опускаясь в море. Длинная ровная дорожка уходила за горизонт. Мы часто приходили сюда смотреть на закат. Особенно после того, как установилась теплая сухая погода. И эти минуты молчания были самыми драгоценными. Казалось, мы становимся единым целым, даже наши сердца стучали одинаково, и не одной мрачной или беспокойной мысли в голове.

– А что еще там было, в книгах? – тихо спросил Хорн, щекоча кожу теплым дыханием.

Солнце последний раз блеснуло красным и спряталось в море. Нас окутали бархатные сумерки.

Я тяжело вздохнула.

– Прости, это государственная тайна, я обещала Эдварду никому не говорить.

– Ясно. Спасибо хоть за то, что сказала. Теперь буду идти по карьерной лестнице с высоко поднятой головой. И никто не сможет мне помешать стать верховным судьей.

Хихикнув, я выбралась из его объятий.

– Поужинаем у Бака? – на первом этаже постоянного двора Бак открыл вполне приличный ресторанчик, и мне, как старой знакомой, всегда доставался лучший столик.

– Пойдем, – Хорн протянул руку, – только ты платишь.

– Само собой, – легко отозвалась я и взяла его за руку. Мы направились в сторону порта.

***

Позади последний экзамен. Как бы мне ни хотелось сделать себе выходной, но работу во дворце никто не отменял. Нужно было закончить приготовления к балу. Завтра приезжает принцесса Лея с большой делегацией от Горегоров. Бал назначен на следующий день после приезда. Приглашениями занимался секретариат королевы, но я и так знала, что съедутся вельможи со всех уголков королевства и не только нашего.

Гостиницы и постоялые дворы уже были переполнены. Все газеты подали прошения для своих журналистов. Я отобрала только тех, в ком была сто процентов уверена. И, конечно, молодой Лукаран его получил первым. Я следила за его карьерой и старалась всегда читать статьи в «Утреннем Шалире». Умные, ироничные, злободневные. Именно они мне давали больше полезной информации о том, что происходит в королевстве, о чем думает народ и где, в какой сфере, требуется помощь, чем королевский вестник или отчеты герры Вилары.

Сдав утром экзамен, я сразу же поехала во дворец и занялась бумажной волокитой. Мы договорились с Хорном встретиться после работы у ворот дворца и отметить грандиозное событие окончания школы где-нибудь в уютной, немногочленной ресторации, хотя найти ее сейчас в Шалире будет проблематично. Я улыбнулась – значит, нужно ехать опять к Баку. У него всегда тихо и пустынно, словно он держит столики не для того, чтобы подзаработать, а для чего-то другого.

В кабинет вошла секретарь.

– Вы не забыли? Сегодня в три пополудни назначено открытие интерната для девочек в Караносе, – я едва заметно поморщилась.

Совсем вылетело из головы.

– А можно не ехать? – тяжело вздохнула я. – Нет ни одной свободной минутки, а до Караноса час только в одну сторону.

Я понимала, что это необходимо, но как же не любила такие вот восхваления собственной значимости. Опять будут благодарить и кланяться. Как бы было хорошо, если бы просто отдала золото и забыла.

Герра Вилара осуждающе на меня посмотрела.

– Вы являетесь главным учредителем, – произнесла она сухо, – дети будут ждать. Если уж совсем вам не по силу эта поездка, то хотя бы ария Хорна попросите, он тоже инвестор.

– Велира? – удивленно переспросила я.

– Ария Торуса, вашего жениха, – герра Вилара выглядела удивленной, но не больше, чем я. – Вы не знали? Он не говорил вам?

– Нет, – я нахмурилась.

– Ой, – теперь и женщина растерялась, – наверное, это был секрет.

А я разболтала.

– Так-так, – я впиалась в герру Вилару испытующим взглядом, – ну-ка, рассказывайте.

Она замялась, пряча руки в складках платья.

– Помните, несколько месяцев назад, в королевском вестнике разместили объявление о том, что все желающие могут пожертвовать средства на строительство интерната? Основную часть дали вы с королем, но были еще инвесторы. Например, арий Хорн. Он инкогнито перевел деньги. Очень большую сумму.

– И почему вы решили, что это именно арий Торус?

– Так у меня муж работает в адвокатском доме «Котар и сыновья», они занимаются финансовыми делами всех богатейших ариев, – герра Вилара умоляюще сцепила руки. – Пожалуйста, не выдавайте меня. Я думала, что вы знаете, иначе бы никогда не раскрыла тайну. Моего мужа могут уволить за это. Он по секрету мне рассказал. Я как раз занималась интернатом и к слову пришлось.

– И как основательно богат мой жених? – холодно поинтересовалась я, не обращая внимания на страх в глазах герры Вилары. Она выглядела так, что вот-вот заплачет.

– Очень богат, – дрожащим голосом произнесла она, – ария Кассандра Фарх передала сыну управление всеми ее имениями, у него четыре дома в Шалире, гостиницы, рестораны... – она сглотнула. – Вам нужен весь список?

– Нет, – я резко встала, отложив в сторону бумаги, – достаточно и этого. Велите подготовить экипаж, я выезжаю в Каранос, – и уже у двери: – Не переживайте так, я никому не расскажу.

Меня переполняла злость. Переодевшись, взяв подготовленные геррой Виларой документы и проконтролировав загруженные в другую карету подарки, я уселась в личный экипаж и приказала трогать. Мысли, обуревавшие меня, были мрачные. Значит, обманул. Опять. Никакой он не бедняк. Могла бы и догадаться. Особенно после того, как Велир прислал поздравительное письмо. Он радовался, гордился,

что его сын женится на мне. Да и мать Тора была из Фархов, она бы точно не оставила сыночка без наследства.

Сейчас стали понятными и его нежелание ужинать в центральных ресторациях, гулять в дворцовом парке, и его нежелание общаться со знакомыми. Как только мы кого-то встречали, будь то друзья, бывшие учащиеся школы или коллеги, он быстро сворачивал разговор, буквально прогоняя их прочь.

Зачем Хорну было это нужно? Неужели опять давил на жалость? Он же должен был понимать, что рано или поздно все раскроется.

Я решила задержаться в интернате, чтобы не идти на свидание. Не хочу оправданий. Как же больно, когда тебя обманывают, даже в таких мелочах.

Сначала было торжественное открытие. Интернат состоял из двух зданий, соединенных широким крытым коридором – жилого корпуса и самой школы. Я поздравила персонал школы, сказала пару слов о доброте нашего короля Рема шестнадцатого, пожелала всем хорошо учиться и слушаться воспитателей, мысленно ужаснувшись как обыденно и пафосно звучат мои слова.

Затем подарила девочкам подарки. В основном игрушки. Куклы для девочек постарше, плюшевых зверят для малышни. Сироты были из разных концов королевства, их возраст варьировался от трех до десяти лет. Их одели в одинаковые бледно-розовые платица и повязали всем одинаковые банты. Грустно, но одевать сирот в уникальные вещи не было возможности. Одежду оптом привозили из дворцовых швейных мастерских. Я не стала задерживать девочек во дворе, многие были смущены, испуганы, у некоторых в глазах стояли слезы. Позволив воспитателям отвести каждую в свою комнату, я согласилась на уговоры директора провести для меня обзорную экскурсию.

«А мы хорошо постарались», – думала я, с гордостью рассматривая добротную мебель, толстые ковровые дорожки на полу, красочные картины начинающих художников на стенах, придающих коридорам нарядный праздничный вид.

– Мы разобьем девочек по группам, в зависимости от возраста, – герра Фернанда не умолкала ни на секунду, – в школу отправятся с шести лет. А до шести у нас созданы специальные кружки, что-то

вроде яслей, где малыши будут играть, рисовать, лепить из глины, учить буквы и цифры.

Я кивала, а сама думала, что зря не любила подобные мероприятия. Раньше я быстренько отбывала торжественную часть и торопилась уехать как можно скорее. Но ведь интересно же. Пусть в основном все было качественно продумано, но мой глаз иногда замечал недоработки и изъяны. Например, ступени сделаны слишком высокими, как для взрослых, детям трудно будет по ним подниматься. И потолки в классах. С одной стороны хорошо – много воздуха, но с другой... Люстры висят очень высоко, и вечерами будет не хватать света.

Придется еще раз пригласить строителей и переделать. Ступеньки уменьшить и люстры опустить пониже или поставить на каждой парте по лампе.

Дела с интернатом отвлекли меня от мыслей о Хорне, я даже забыла, что злилась на него. Когда мы въехали в Шалир, стоял глубокий вечер. Увидев знакомую одиноко стоящую фигуру у моих ворот в черном простом сюртуке с розой в руке, первое, что почувствовала – радость. Сердце забило быстрее, губы сами собой растянулись в улыбке.

Карета остановилась, Хорн обернулся, ища меня напряженным взглядом в полутемном окне, и я вспомнила о его обмане. Настроение испортилось.

– Ты не пришла, – произнёс он, протягивая руку и помогая выбраться из кареты, – герра Вилара сказала, что ты на открытии интерната и вернешься поздно, я решил подождать у дома.

– Почему не зашел внутрь? – не взяв протянутую розу, отвернувшись, я пошла вперед и открыла калитку. – Подождал бы в саду или в доме.

– Зачем? Там все равно не было тебя.

Я молча шла по алее, Хорн уныло плелся за мной.

– Что-то случилось? – его голос изменился, в тоне проскользнуло беспокойство.

– К чему этот спектакль? Как долго ты собирался водить меня за нос? – не удержалась я. Обернулась и обвинительно ткнула пальцем в грудь. – Бедный служащий, снимающий коморку на чердаке,

ворующий розы в королевской оранжерее, не имеющий денег заплатить за ужин в своем же ресторане. Три раза ха-ха-ха.

Хорн испуганно дернулся, словно защищаясь. В глазах мелькнул панический страх. Я с трудом подавила улыбку, стараясь выглядеть строго и непримиримо, так непривычно было видеть Хорна перепуганным до смерти.

– Я думал, что если один раз жалость сработала, то она сработает и во второй, – потерянно произнес он. – Ты из жалости согласилась на помолвку, значит, бедный жених более предпочтительней, чем богатый.

Я раздраженно развела руками. Как ребенок, честное слово!

– Ты же понимаешь, рано или поздно все бы открылось.

– В моем случае лучше поздно, – пробормотал он и громче: – Конечно, после свадьбы я бы все рассказал, но тогда бы ты никуда не делась. А вот сейчас я боюсь, как бы мне не пришлось начинать все сначала.

Я вопросительно подняла бровь.

– Боюсь, что еще полгода поцелуев в щеку я просто не выдержу, – он прямо на меня посмотрел. Глаза в глаза. Голодным жадным взглядом, словно отпускавая внутреннего зверя на свободу.

Сердце забило где-то в горле, от волнения ослабели ноги.

– Жалость ни при чем, – выдохнула я вдруг севшим голосом.

– Что? – он подался вперед, отшвыривая розу в сторону, мышцы напряглись как перед броском.

– Я бы никогда не согласилась на помолвку из жалости, – повторила я, не разрывая взгляд.

Хорн вдруг крепко схватил меня за руку и потащил обратно, к еще не отъехавшей карете. Открыл дверцу, почти грубо затолкал меня внутрь и что-то крикнул кучеру, от шума крови в ушах я не услышала. Быстро запрыгнул сам и карета тут же тронулась, загрохотав колесами по брусчатке.

– Куда мы едем? – поинтересовалась я через время, видя, что Хорн не собирается ничего объяснять, а сидит напротив, вцепившись обеими руками в сиденье, и неотрывно на меня смотрит.

– В храм. Венчаться. Мне надоело тебя каждый раз спрашивать, – он говорил короткими рубленными фразами, словно гвозди

заколачивал. – Ты любишь меня, я люблю тебя. Тянуть дальше бессмысленно.

– Но ведь сейчас уже поздно. Храм закрыт.

– Золото решает все. Теперь мне нечего скрывать. За десять золотых они не только храм откроют, но и будут всю ночь гимны петь за наше здравие.

– А, может, завтра? – мной вдруг овладела робость.

Такой Хорн пугал. Куда-то делись его мягкость, очарование, смешливость. Сейчас он был похож на натянутую струну. Тронешь и зазвенит.

– Ну уж нет, – хрипло рыкнул Хорн, – я, можно сказать, с того света вернулся только ради этого.

– А как же твои родители? – еще раз попыталась вразумить я парня.

– К матери поедем после свадьбы, она давно не покидает поместье, с отцом ты и так знакома. Сестру видела в школе, – он запнулся, – если не видела – ничего страшного, потом познакомитесь.

Карета остановилась. Хорн схватил меня за руку и потащил в сторону храма. Окна были темными, лишь у входа горел одинокий светильник, оставленный для страждущих. В храмах не только венчали и разводили, так же там давали ночлег и кормили бездомных. И пусть многие, и я в том числе, жертвовали храмам золото каждый месяц, им всегда не хватало средств.

На стук вышел молодой человек в рясе.

– Нам срочно нужно пожениться, – Хорн не стал ходить вокруг да около.

– Но ведь... – начал говорить парень.

Хорн вытащил из кармана тяжелый мешочек с золотом и насильно вложил тому в руку. У парня округлились глаза, когда он развязал шнурок. Он быстро распахнул дверь и торопливо залепетал, проходя внутрь и ведя нас за собой:

– Подождете немного? Сейчас разбужу настоятеля. Вы же совершеннолетние? Родители не против? Хотя неважно.

Парень что-то спрашивал, Хорн отвечал, а я терялась в таком стремительном развитии событий.

– Ты что, постоянно носил золото с собой? – прошипела, едва поспевая за женихом.

– Ага, – он заметно повеселел, словно близость алтаря поднимала ему настроение, – тешил себя надеждой.

Мы остановились перед выстроенными в ряд богами. В этом храме их было тридцать. В других я видела даже пятьдесят. Они стояли ровными рядами вдоль стен, одинаковые, с идеальными лицами, фигурами, совершенные во всем. Мужчины. Раньше я удивлялась, почему нет ни одной богини. Но теперь-то знаю, кто они были на самом деле. Мужчины-чужестранцы, принесшие в наш мир магию.

Благодетели или незваные гости, оставившие после себя ненужных им отпрысков?

– Романтично, правда? – склонился Хорн к моему уху. – Не переживай. Устроим грандиозный праздник после. Пригласим тьму народу.

Я никогда не задумывалась о том, какой будет моя свадьба, но то, что я буду венчаться в полночь, в закрытом храме, вдвоем с Хорном, в обычной повседневной одежде, в день окончания школы, не могла представить даже в самых немыслимых фантазиях.

– Нет, – качнула головой, – не нужно праздника. Мне некого приглашать. Только друзей. Эдвард, – я вздохнула, – вряд ли придет, а с Дарием можно встретиться и так, по-простому.

Хорн широко улыбнулся и качнулся в мою сторону, словно собираясь поцеловать, но тут вошел немного помятый священник, в немного криво натянутой белоснежной рясе и направился к алтарю.

– Дети мои, – начал он радостно, положив толстую книгу на возвышение, – я вижу по вашим лицам, что вы очень любите друг друга, если не захотели терпеть до утра.

– Любим, – подтвердил Хорн, сжимая мою руку.

Мужчина понимающе кивнул, переведя взгляд мне на живот. Я немного покраснела.

– Тогда ограничимся краткой церемонией, – кивнул он.

Молодой парень, встретивший нас, положил перед ним листок бумаги. Бросив на него взгляд, священник потрясенно ахнул.

– Вы... Вы... – заикался он, не в силах выговорить ни слова.

– Не бойся, – прошептал Хорн в мою сторону, – в тот раз я был в другом храме.

Значит, на листке были наши имена. Я хмыкнула и спрятала улыбку. Мужчина через минуту взял себя в руки и все-таки начал церемонию. Он напевно и нудно говорить о том, что боги наблюдают за нами с небес, что следят за каждым нашим поступком, наказывают за измену, вранье, – на этих словах я шутливо толкнула локтем Хорна в бок, – что именно боги дают нам детей и благословляют нас любовью, здоровьем, богатством, магией и так далее.

«Если это была краткая церемония, страшно представить, какой была бы длинная», – думала я, мысленно улыбаясь над словами священника о богах. Но, может быть, нужно чтобы люди кому-то поклонялись, чтобы пришли куда-то в трудный час, отчаявшись найти пристанище где-то еще? Попросили о здоровье и благополучии? Пусть тогда остаются эти боги, если они так полезны. Я так задумалась, что пропустила вопрос.

– Что? – обернулась и посмотрела на нахмурившегося Хорна, он яростно прошипел сквозь зубы:

– Говори, да. Быстро.

– Да, конечно, – улыбнулась я. И, переведя взгляд на ожидающего священника, еще раз твердо повторила: – Да.

– Согласен ли ты, арий Торус Юлий Хорн взять в жены арию Денизу Нативу Крей?

– Согласен, – в одном слове Хорну удалось выразить, и торжество, и облегчение, и ликование, и еще много всего.

– Теперь вы муж и жена, – закончил обряд священник и открыл талмуд на последней странице, – подойдите и распишитесь.

Вот и последний штрих. Я смотрела на наши имена в брачной книге, и в голове было пусто.

– Слишком быстро? – Хорн склонился вслед за мной, взял перо и расписался под своим именем. Я подняла голову.

– Странно как-то, – отозвалась тихо. – Не думала, что так закончится день.

– Он еще не закончился, – Хорн нежно, почти робко поцеловал меня в висок, и мои ноги вмиг ослабли от этой щемящей нежности. – Я мечтал о нем годы, так что не скажу, что для меня это было быстро.

Он словно успокоился. Внутренняя буря улеглась. Опять в его голосе появились мягкие ласкающие интонации, улыбка стала чарующей и неотразимой. Я смотрела в его глаза и понимала, что у

меня не было ни единого шанса не влюбиться в этого мужчину. Ни у кого бы не было.

– Поехали домой? – в его голосе появилась едва уловимая бархатная хрипотца.

– Поехали, – послушно повторила я, безоговорочно отдав инициативу Хорну.

Я отрешилась от всего, плыла в теплом море удовольствия, полностью расслабившись, позволив теперь уже мужу подхватить меня на руки и вынести из храма. И в карете он не дал слезть с колен. Было немного неудобно, но все искупали его руки, крепко обнимавшие меня, губы, постоянно касающиеся то волос, то шеи, то скул.

Мне показалось, что дорога домой заняла в два раза меньше времени, чем в храм. Хорн не выпустил меня из рук, когда нес по подъездной алее в дом, когда нас в гостиной встретили взволнованные моим долгим отсутствием слуги.

– Мы сегодня поженились, – на их удивленные ахи и охи ответила я.

Не выпустил, когда поднимался вместе со мной на второй этаж.

– Где твоя спальня?

– Вторая дверь справа, – голос почему-то охрип.

Хорн опустил меня только у расстеленной кровати, словно его руки вдруг резко ослабли. Как только взгляд остановился на белоснежных простынях, он превратился в соляной столб. Я даже немного обиделась за такое пристально внимание не ко мне.

Теоретически я знала, что сейчас должно произойти. Анатомию изучила от и до, да и герра Нарана не страдала излишней скромностью. Еще на третьем курсе она рассказала и показала студенткам все, что должна знать девушка, точнее женщина, чтобы брачная ночь не стала для нее неожиданностью. Для этого у нее были даже наглядные пособия. Не умолчала ни о родах, ни о прочих неприятностях. «Или приятностях, – добавила она, рассматривая наши ошарашенные лица, – как кому повезет».

Я просто жутко растерялась.

Стояла, мяла юбку во влажных ладонях и смотрела на застывшего статуей мужчину. Из нас двоих опыт был только у него, но мой муж почему-то не спешил брать то, из-за чего он, по его словам, победил смерть. Однажды, дурачась, он сказал, что так долго ждал меня, что у

него скорее всего остановится сердце, когда я позволю до себя дотронуться. Неужели так боится?

Я трянула головой – что за глупые мысли лезут в голову!

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – смущенно прокашлялась.

Хорн вздрогнул, очнувшись от оцепенения и развернулся ко мне. Выражение на лице было странным, пугающим. Сжатые в линию губы побелели от напряжения, глаза горели в полутемной комнате, как угли.

– Прости, я ничего не умею и не знаю... – я запнулась, растеряв последние крохи смелости, – наш договор с Эдвардом был фиктивным. Я никогда...

– Простить?! – потрясенно переспросил Хорн. Его голос сорвался, он вдруг тяжело упал передо мной на колени, обнял ноги и прижался лицом к животу. – Простить? – прошептал в ткань платья.

От горячего дыхания кожа покрылась мурашками.

Он поднял голову, и я увидела в глазах блеснувшие слезы. Сердце мучительно сжалось. Хорн смотрел на меня снизу вверх как на божество, и от этого смирения и преклонения в его глазах хотелось плакать. Ноги подогнулись, и я скользнула вниз, опустившись рядом с ним.

– Я безумно тебя люблю, Ария Дениза Крей. Безумно. – Хорна трясло от переполнявших эмоций. – Ты вся такая... – он обвел меня диким взглядом. – У меня нет слов. Ты словно для меня создана. От макушки до пяток. С ума сойти... Я только подумаю... И голова кругом...

Каждое его бессвязное слово отзывалось внутри сладостной дрожью. Он еще что-то шептал, а я потянулась к нему всем телом, заставляя умолкнуть, первая касаясь губами губ. Он вздрогнул и замер на миг, словно перед прыжком в пропасть. Робкий нерешительный Торус Хорн. Никто не поверит.

Поцелуй. Не первый, но на самом деле самый первый. Такой, от которого плывет голова. Мыслей нет, сердце замирает, а потом несется вскачь, и кровь начинает грохотать в ушах. Когда болью скручивает внутренности, и нестерпимая жажда сжигает изнутри. Одежда мешает дотронуться до кожи, хочется избавиться от нее, стать ближе настолько, чтобы почувствовать все тело, каждый миллиметр, притянуть к себе, вплавиться, как металл сплавляется с металлом.

Сжаться до судорог, до сладкой боли. Сильно, отчаянно, восхитительно.

***

Наутро нас встречали не только собравшиеся в гостиной слуги, но и толпа журналистов перед воротами.

– Я так и знал, что священник захочет еще заработать золота, первым оповестив газеты, – произнес Хорн, отодвигая край занавески.

Проснулись мы поздно и каждый раз нам что-то мешало встать с кровати, отодвигая выход из спальни еще дальше. То Хорн вспомнил, что сегодня еще не исполнял супружеский долг, то потом я ему что-то успела задолжать. Когда только?

– Надеюсь, на этом все, – пробормотал он, картинно раскидывая руки в стороны на смятых простынях, – совсем ты меня измотала.

– Я? – меня разбирал смех. – Это когда отбивалась от тебя полчаса назад?

– А вот не нужно было отбиваться, – Тор повернулся набок и уставился на меня подозрительно блестящими глазами, – супружеский долг, он такой коварный, чем чаще исполняешь, тем лучше получается. Может, вообще сегодня не будем вставать? Скоро полдень, а там и до вечера недалеко.

Я невольно залюбовалась мужем. Не знаю, как выглядела я после ночи любви, он выглядел великолепно. Растрепанные волосы, легкая щетина на щеках, скульптурно очерченные мышцы так и манили провести по гладкой золотистой коже рукой. Почему Марта говорила, что постель – это гадко, больно и неприятно? Ничего более приятного я не испытывала в своей жизни. Или так бывает только с тем, кого любишь?

– Увы, нет, – я решительно встала, стараясь не замечать каким взглядом меня проводил Хорн, – сегодня приезжает принцесса Лея, во дворце, наверное, с ног уже сбились в поисках меня.

– Мне тоже нужно показаться в суде, – горестно скривился муж, – надеюсь, меня не уволят за прогул. А если уволят, то и пусть. Уедем из столицы, будем тихо спокойно жить в какой-нибудь деревеньке, делать глупости, вино, детей.

Он хитро подмигнул. Я фыркнула и скрылась в ванной комнате. Просто так нам никто не позволит спокойно жить в деревеньке. А так бы хотелось...

У ворот дворца мы разошлись в разные стороны, договорившись встретиться после работы. Хорн пошел в правое крыло, где располагался верховный суд, я в левое, где находился мой кабинет.

Лицо не покидала мечтательная улыбка. Казалось, она приклеилась ко мне намертво. Только вспомню вчерашние события и губы расплывались сами собой. Я замужем. За Хорном. За этим самодовольным тщеславным эгоистом, которого я презирала всей душой. И он оказался даже лучше, чем я представляла в самых тайных мечтах. Когда ночью он перехватил у меня инициативу, мне оставалось только выгибаться в его руках и кусать губы, сдерживая рвущиеся из горла стоны.

До сих пор в ушах стоит жаркий шёпот.

– Будь покорной... Пожалуйста... Я так давно этого ждал... Я сделаю все сам... Позволь мне...

И он делал. Да так, что до сих пор при одном вспоминании у меня горят щеки и тяжелеет низ живота. Пальцы и губы в таких местах, о которых я даже не догадывалась. Он словно добрался до вожделенной добычи, и теперь, заполучив ее, с жадностью набрасывался вновь и вновь, упивался, поглощая без остатка. И никак не мог остановиться.

Не все нам рассказывала герра Нарана о семейной жизни, далеко не все...

Я торопилась поскорее скрыться в кабинете, представляя, как сейчас выгляжу. В коридорах дворца на меня оборачивались, странно поглядывали, провожали ошарашенными взглядами. Тот, кто был более расторопным и прочитал утренние газеты, спешил поздравить. Не все поздравления были искренними и добрыми. В глазах некоторых людей мелькала злоба и алчность, а некоторые старались побольнее уколоть, вплетая в поздравления фразы, более похожие на соболезнования: «Ах, бедняжка, вы же помните, что писали в газетах в позапрошлом году? О его вечеринках. Все знают, какой арий Торус легкомысленный и ветренный. Рано или поздно он все равно...»

Я с улыбкой отворачивалась и шла дальше. Сегодня я не обращала внимания ни на зависть, ни на лицемерие. Я была по-настоящему счастлива, потому что верила Хорну. Хотела верить. Потому что была влюблена по уши.

Герра Вилара принесла ворох почты и ежедневное расписание, которое я быстро пробежала глазами. К завтрашнему балу все готово.

Зал украшен, еду и напитки привезут лучшие рестораны и кондитерские столицы. Еще месяц назад были заключены договоры и утверждено меню. Королевская кухня не справилась бы с таким объемом работы. План праздничных мероприятий утвержден. Шалир будет гулять неделю. Каждый день – ярмарки, выступления артистов, клоунов, цирковых животных. Вечером фейерверки и танцы на площадях. Еда и вино бесплатны.

Делегация прибыла после обеда. Основной ее состав разместили в двух гостиных домах, полностью выкупленных королевским двором. Принцессу, ее родных и личных слуг – в гостевом крыле дворца. Мои окна выходили в сад, поэтому я не смогла увидеть въезд торжественного кортежа, но по протоколу их должен был встречать сам король.

Эдварда я не видела больше месяца. И, конечно, скучала по лучшему другу. Словно наяву видела узкое бледное лицо с темными от недосыпания кругами под глазами. Представляла, как он холодно и равнодушно приветствует принцессу, мазнув мимо ее ладошки сжатыми губами. Равнодушно расспрашивает о долгом утомительном путешествии, не утруждая себя вникать в ответы переводчика, отворачивается и идет внутрь дворца, отдавая девушку и ее сопровождение в руки дворецкому. Была уверена, что сейчас он ненавидит ее всем сердцем, юную невзрачную навязанную невесту, которая не знает ни нашего языка, ни обычаев, ни традиций Альтеи.

Герра Вилара доложила, что принцессу со свитой разместили, она сейчас отдыхает, а король уединился в кабинете, приказав никого не впускать.

Пневматическая почта дворца выплюнула на стол послание. Я удивленно встала и взяла тубус. Кто бы это мог быть? Я надеялась, что Эдвард все же когда-нибудь забудет обиды и вызовет меня, как делал всегда, когда ему было плохо, но вот только король никогда не пользовался пневматической почтой, предпочитая отправлять письма с гвардейцами.

«Скучаю безумно. Работать не могу. Сбежим?»

Я улыбнулась, узнав почерк Хорна. Взяла в руки карандаш и быстро написала: *«С удовольствием. Давай через час в кузнице? Нужно закончить бюст Рема третьего».*

Набрала код приемной верховного суда и отправила записку. Ответ пришел сразу: *«Не знаю, как выдержу этот час»*.

В душе потеплело, я оглядела заваленный бумагами стол и решила, что не так уж и занята. Зашла в кабинет секретарей.

– На сегодня все, ухожу в кузницу, – женщины с разной степенью заинтересованности покивали. У Динары на губах мелькнула понимающая улыбка.

Бюст я решила подарить школе в виде прощального подарка. Герра Нарана как-то попеняла, что в фойе школы даже памятника основателю нет, все никак руки не доходят заказать. Портрет Рема я нашла в книгах, осталось вылепить из бронзы его точное подобие. Надеюсь, моих умений хватит.

Основное рабочее место у меня было обустроено недалеко от входа. На постаменте стояла грубая заготовка, рядом был повешен портрет знаменитого короля. Некоторое время я усиленно трудилась, пока не послышался странный шум. Двери кузницы распахнулись, внутрь зашли гвардейцы. Следом за ними король. В простом темном сюртуке, без каких-либо знаков отличия. Я обрадованно шагнула вперед и сделала низкий реверанс.

– Ваше величество, – неужели, Эдвард сменил гнев на милость? Или тоже решил поздравить?

– Работай, работай, – тихо ответил король, махнув рукой, – я просто посижу, посмотрю.

Он уселся на металлический табурет у стены и устало откинул голову назад, упираясь затылком в холодный камень. Телохранители вышли за дверь. Пожав плечами, я вернулась к бюсту. Некоторое время чувствовала пристальный взгляд в спину и вела себя немного скованно, но потом увлеклась и забыла о посетителе.

– Почему он? – в тишине кузницы раздался сдавленный голос.

Я испуганно вздрогнула, вспоминая, что не одна. Медленно развернулась.

– Не знаю, – наигранно легкомысленно пожала плечами, стараясь не замечать боли в глазах друга, – наверное, просто влюбилась.

Эдвард на секунду прикрыл веки. Лицо болезненно исказилось. Я сжала руки за спиной, изо всех сил сдерживаясь, не давая себе шагнуть к королю, по-дружески обнять, похлопать по спине, шутливо

попенять на его измученный усталый вид. Как же жаль, что все в прошлом – наша близость, легкость в общении, взаимная поддержка.

– Я никогда не считал тебя душой, – продолжил говорить король, я поежилась от колючего тона, – ты была лучшей во всем. В учебе, магии, в гордости и чувстве долга. Ты была умной, целеустремленной, не похожей на тех пустоголовых охотниц за ариями, которые бегали за Хорном в школе. Оказывается, я ошибался? Ты такая же, как все?

Тяжело вздохнув, я стянула тонкие перчатки, в которых работала, и отложила их в сторону. На пальце блеснул родовой перстень мужа. Я по его просьбе сжала золото до своего размера и теперь кольцо сидело, как влитое. Как всегда, при воспоминании о Хорне, внутри стало тепло.

– Любовь не слушает голос разума, – ответила тихо, – ей нет дела до гордости и целеустремленности, она слушает только сердце. Когда-нибудь ты тоже влюбишься так, что не сможешь думать ни о ком другом, и ум, и логика откажут тебе. И ты вспомнишь мои слова.

– Влюблюсь? В кого? – горько рассмеялся Эдвард. – В эту худую нескладную испуганную девицу с выцветшими бровями и ресницами?

«Видимо невеста не произвела должного впечатления, – подумала я грустно, – и не произведет, если он до сих пор меня любит. Лучшим решением было бы, действительно уехать из столицы, как предлагал Хорн».

– Твой муж не изменится, – король взял себя в руки, его голос опять стал холодным и бесстрастным, – человек не может кардинально измениться в таком возрасте. Вскоре он вернется к своим гулянкам и любовницам.

– Возможно, – пожалала беспечно плечами я, – но у меня будет это драгоценное время, когда он любил меня одну.

– И это время важнее всего?! – Король вскочил на ноги. – Важнее королевства, которое ты отвергнула, всей остальной одинокой разбитой жизни?

– Да, – ответила спокойно, смотря ему в лицо.

Хорн не изменится, потому что, он сейчас и так самый лучший. С него только слетели наносные условности, привитые неправильным воспитанием – легкомысленность, беспечность, ветреность. Стержень

остался. Твердый, как гранит, доставшийся Хорну от благородных предков, отшлифованный войной и несчастной любовью.

Некоторое время мы с Эдвардом молча смотрели друг на друга. В его глазах была тоска и мрак. В конце концов, он криво улыбнулся, словно смиряясь, и развернулся к двери.

– Завтра зайдешь ко мне в кабинет после торжественной части, – произнес он уже спиной, – я подписал кое-какие бумаги. Ты должна ознакомиться.

– Хорошо.

Вдруг дверь распахнулась, и в кузницу вошел Хорн. Не вошел – влетел. Улыбающийся, порывистый, очаровательный. Самый красивый на свете. По контрасту с хмурым озабоченным Эдвардом он показался мне ярким, сияющим как солнце.

Они почти налетели друг на друга. Хорн плавно шагнул вправо, ловко избегая столкновения, и коротко, не глядя, кивнул королю, не отрывая от меня искрящегося весельем взгляда:

– Ваше величество.

– Арий.

Сердце радостно заколотилось, к щекам прилила кровь. Король был забыт, я смотрела только на мужа, как он торопливо идет ко мне, протягивая руки. Вероятно, я действительно легкомысленная дурочка, потому что все мысли вылетели из головы, осталась только одна – обнять, прижаться, ощутить его губы на губах.

Громко хлопнула дверь. Я удивленно подняла голову, выпутываясь из объятий. Губы горят, в голове туман, ноги вдруг стали ватными.

– Что хотел король? А, все равно... – шептал Хорн, покрывая поцелуями лицо. – Я и пару часов не смог высидеть на заседании суда. Боюсь, сейчас из меня никудышный работник. Нам положен медовый месяц?

– Наверное, – пробормотала хрипло, подумав, что из меня тоже.

– Хотел пригласить тебя в ресторацию отметить венчание, но боюсь переоценил выдержку, – он не прекращал меня целовать, волосы, щеки, скулы, губы, шею. По моим венам растекалось блаженство, – ты не против отметить потом?

– Не против, – эхом повторила, борясь с сумятицей в голове и в сердце, и не в силах ее побороть.

– Значит, домой?

– Да, домой.

***

Бал. Как же давно я не испытывала уже никакого волнения и азарта, посещая их. Они стали скучной канцелярской рутинной. Не приносили ни радости, ни наслаждения, особенно из-за того, что приходилось перед ними долгими вечерами писать протоколы, подбирать правильные слова, рассылая приглашения дипломатам, послам, придумывать, как достойно украсить зал, чтобы убранство не повторялось, иначе журналисты напишут, что королевский двор обнищал или ему плевать на гостей. Да, под моим началом были и дизайнеры, и художники, но окончательный проект всегда утверждала я лично. Конечно, не я одна занималась организацией. Над ней работала огромная команда, а мне была поручена лишь небольшая ее часть, но и этого хватало, чтобы к балам у меня выработалось стойкое отвращение.

Этот должен был стать сенсацией. Он открывал череду недельных празднеств, посвященных помолвке его величества. Нельзя ударить в грязь лицом, ни перед Горегорами, ни перед народом Альтеи, ни перед представителями других государств.

Я расправила перед зеркалом серебристо-пепельное шелковое платье, лучшее творение герры Бенедикты, как она сама его назвала. Драгоценности были мои, похожие на те, которые папа дарил маме. Я сама их сделала по памяти. Сзади подошел Хорн в одной рубашке и брюках и тихо встал за спиной, кладя подбородок на мое плечо, прижимаясь щекой к щеке. Глаза серьезно и внимательно всматривались в мои. Я изучила его лицо досконально, до малейшей черточки, но все равно каждый раз у меня замирало сердце, когда я видела это выражение на нем. Благоговения и обожания. Какой-то щемящей нежности и теплоты.

– Как думаешь, мы самая красивая пара в королевстве? – веселый озорной голос совершенно не соответствовал тому, что я читала в его глазах. Губы сами собой расплылись в улыбке. Кто о чем, а Хорн о своей привлекательности.

– Как же нам повезло встретиться, да, жена? – продолжил он, целуя меня в шею. – Страшно подумать, какие у нас будут дети, мы от них будем палками женихов отгонять.

– Или будем воспитывать их так, чтобы они не кичились своей красотой, – парировала я со смехом, – как их папаша. И вообще, – я развернулась к мужу, мягко выбираясь из его рук, отходя в сторону, – не рано ли думать о детях?

Хорн напрягся. В глазах мелькнуло что-то странное.

– Я уже внуков хочу качать на коленях, а ты даже детей еще мне не родила! Эгоистка!

Фыркнув, отмахнувшись от его шуток, я принялась собирать маленький клатч. Крошечный платочек, духи, помада, несколько шпилек. Хорн отошел к кровати и упал на нее, широко раскинув руки. Я только скривилась, если помнет брюки, сам будет виноват.

– Как же мне не хочется никуда идти, – душераздирающе вздохнул он, – хочу закрыться с тобой в одной комнате на месяц или два, все равно спальня это будет или кладовая. Только бы кормили. Голодный я ни на что не гожусь.

Я пропустила его слова мимо ушей, все равно нам никто не позволит это сделать.

– Как думаешь, это уже старость? – он приподнял голову, глаза в полумраке спальни лукаво блестели. – Я чувствую себя таким изможденным.

– Ладно, – вздохнула я покладисто, этот разговор мне уже успел надоесть за два дня, – обещаю, что сегодня после бала поговорю с королем. Выпрошу медовый месяц. Уедем из столицы куда-нибудь, хотя бы в ту же Фабрию.

Муженек хитро заулыбался.

– Да, я соврала, – произнесла со вздохом, покраснев, – Фабрия мне ужасно понравилась. Мне бы очень хотелось там жить.

– Я научу тебя делать вино, – загорелся Хорн, резво вскакивая на ноги, словно и не жаловался недавно на бессилие, – ловить рыбу, обрезать виноград...

– Мы случайно не опаздываем? – прервала его восторженные слова, подавая пиджак. По-моему, именно я в нашей странной семье являюсь воплощением благоразумия и здравомыслия.

***

Очередь из карет на въезд в главные ворота выстроилась за две улицы от дворца. Я приказала кучеру ехать через неприметный третий выезд у мастерских. Мы, действительно, немного опоздали. Но так мы

как знали дворец от и до, быстро добрались до главного бального зала, где уже яблоку было негде упасть.

Королевский сектор так же был заполнен желающими поприветствовать короля и его невесту. На помолвку съехались все благородные семейства королевства. Пришлось тихонько занять очередь за ариями Краун и скромно дожидаться своей очереди. На каждое семейство отводилось не более минуты.

– Ты постаралась? – прошептал Хорн, склоняясь ко мне, кивая на живописную композицию из металла, дерева и мрамора, у которой и стояло королевское семейство вместе с переводчиками и послами Горегоров. Я согласно кивнула, не отрывая от нее глаз. Полную композицию мне увидеть удалось только сейчас, каждый маг делал только свою часть. – Это изумительно.

Я была полностью согласна с мужем. Даже гости, которые приветствовали короля с невестой, больше пялились на нее, чем на стоящих монарших особ. Сказочный уголок. Волшебный, нерукотворный, словно сотворенный не людьми, а богами. Таким он и был, магически созданный, дивный в своей застывшей на веки красоте.

Наконец, подошла наша очередь. Как же хорошо, что ариев в королевстве было немного, не более пятидесяти семей. Плюс не все смогли приехать, например, Нурвы вообще перебрались жить в Вергану, подальше от сплетен. Покидать королевство не разрешали лишь действующим магам, остальные могли вольно перемещаться по миру.

– Ваше величество, ваше высочество, – я присела в глубоком реверансе, Хорн приклонил колено перед принцессой и по-взрослому, учтиво и торжественно, поцеловал ей руку, – сердечно поздравляю вас с помолвкой. Будьте счастливы.

Переводчик тихо перевел мои слова. Эдвард высокомерно кивнул, словно чужой. Он стоял ровно и неподвижно, смотрел сквозь нас безучастным пустым взглядом. У меня болезненно заныло сердце. Что же с тобой произошло, мой дорогой друг?

Лея пролепетала что-то на своем языке, быстро и восхищенно. Я с теплой улыбкой посмотрела на девушку, ожидая перевода. Она была совсем юной, невысокой, худенькой и очаровательной. Одета в белоснежное платье, делавшее ее белоснежную кожу, светлые брови и

ресницы еще более блеклыми и невыразительными. И кто ее одевал? Руки бы поотрывать.

Переводчик почему-то не спешил с переводом. Зато пожилая женщина, стоящая рядом с принцессой, сердито нахмурилась, склонилась к ее уху и что-то зло ей прошипела. Девушка испуганно сжалась.

– Извините, я не поняла, что сказала ее высочество, будьте добры переведите ее слова, – высокомерно обратилась я к секретарю.

– Ее высочество сказала, что никогда не видела более красивой женщины, чем вы, – вынужден был ответить он.

Я сердечно улыбнулась, склонилась к ближайшему розовому кусту и сорвала полураскрывшийся бутон. Гости пораженно ахнули. Протягивая маленькую золотую розочку принцессе, я не удержалась и чуть тронула магией лепестки, они затрепетали, медленно разворачиваясь, открывая спрятанный в середине драгоценный рубин. Девушка ошеломленно взяла ее в руки, щебеча что-то на своем языке. Восхищение на бледном личике было неподдельным. Переводчик перевел ее слова, как благодарность.

– Оставайтесь всегда такой же искренней и милой, ваше высочество, – я коротко поклонилась и взяла Хорна под руку.

Пора уходить – наши поздравления и так заняли больше времени, чем по протоколу. Очень хотелось чем-то порадовать эту испуганную девочку и, думаю, мне это удалось.

– Ты чудо, – тихо шепнул мне в волосы Хорн, когда мы заняли место у ближайшей колоны, справа от королевского сектора.

Лишь он точно знал, что бывшая фаворитка короля никогда ею не была. Зато большинство аристократов вокруг пялились и недоумевали, как вышедшая в отставку любовница монарха могла так искренне желать счастья его невесте.

Поток ариев иссяк. Заиграла музыка, король с невестой открывали бал. Я с жалостью смотрела на двух чужих людей, пытающихся приспособиться друг к другу в танце. Получалось ужасно, гораздо хуже, чем когда-то у нас с Эдвардом. Может, потому, что девушка была невысокого роста и с трудом доставала королю до подбородка? Или она не знала наших танцев? Кто решил организовать бал сразу же после приезда, не дав даже освоиться? Риторический вопрос... конечно, королева. Ей нужно было скорее женить сына. Она бы и

свадьбу сделала не через два года, как договорились, а уже сейчас. С одной стороны она права, нет ничего важнее для страны чем рождение наследника, а с другой... Неужели во всем мире не нашлось девушки постарше?

– Потанцуем? – вкрадчивый голос мужа отвлек от невеселых размышлений. – Я плохо помню наш последний танец. Он же и единственный.

– Не удивительно, – фыркнула со смешком, – тогда ты совершенно не стоял на ногах.

– Сейчас исправлюсь, – Хорн торжественно поклонился, протягивая руку, во взгляде блеснуло предвкушение. Я вложила пальцы в его ладонь, и мы вошли в круг танцующих.

Оркестр играл быстрый вальс, мой любимый танец. Глаза в глаза, рука в руке. Близкое горячее дыхание, легкость, слаженность и гармония в движениях. На короткое время мы стали единым целым, хотя танцевали, можно сказать, впервые. Мне не нужно было смотреть по сторонам, вспоминать па или корректировать шаг. Мы идеально подходили друг к другу. А молчание между нами делало танец таинственным, почти интимным.

Мимо проплывали танцующие пары. Они оборачивались, о чем-то шептались между собой. Нам было все равно. Наверное, любовь эгоистична. Ей безразлично, что думают и чувствуют другие, она слушает только того, к кому тянется твое сердце, а остальных для нее не существует.

И я была счастлива. Полностью и безоговорочно. Наверное, счастливы люди априори эгоисты, потому что странно, мне даже не было жаль короля. Его чувства были далеки и не волновали.

– Прости меня, – вдруг шепнул Хорн, приблизив лицо к моему, пристально вглядываясь в глаза.

– За что?

– За свадьбу. Знаю, все девушки мечтают о белоснежном платье, торжественной церемонии, цветах, подарках... Я лишил тебя этого. Моя вина. Так спешил, что...

Я пренебрежительно повела плечами.

– Ты дал мне гораздо большее, – ответила с улыбкой.

Муж непонимающе нахмурил лоб.

– Полгода настоящих свиданий, – танец закончился, и мы отошли в сторону, – у меня их никогда не было. Я очень благодарна за долгий период ухаживаний. Для меня это намного ценнее, чем белое платье и подарки.

– А я чуть не умер повторно за эти полгода, – буркнул ворчливо Хорн, притворно скривившись.

Я поднялась на носочки и, не обращая внимания на стоящих вокруг ариев, жадных до сплетен, мягко поцеловала его в подбородок. Я же видела, что он совсем не расстроен, наоборот, горд и счастлив, из-за того, что счастлива я. И это, наверное, есть настоящая любовь, если ты делаешь то, что нравится не тебе, а любимому человеку. И от этого становишься счастливым сам.

– Вот вы где! Спрятались? – к нам с поздравлениями подошло семейство Бергов. За ними Дарий с Сорти, а потом и остальные подтянулись.

– Поздравляем. Вы, как всегда, не могли не шокировать...

– Ночью?! И что, никого не пригласили?..

– Тайная свадьба? Как романтично!..

– Мы узнали из газет. Возмутительная небрежность...

У меня усиливалось стойкое ощущение, что на балу мы стали самой популярной парой. Даже популярнее короля с принцессой. Каждую минуту к нам кто-то подходил. И если почтенные арии после поздравлений уходили прочь, то их красавицы дочери оставались строить глазки Хорну, лепеча что-то восторженно-томное, пытаясь привлечь внимание. И было совершенно неважно, замужем они были или нет. Все девушки вели себя одинаково. Я стойко переносила неприкрытые заигрывания к мужу. Хорн становился все мрачнее. В конце концов галантность и воспитание дали сбой.

– А помните, арий Хорн, вы приглашали меня...

– Не помню, – резко оборвал он дочь ария Морта, если я не ошибаюсь.

По-моему, она училась на год или два старше меня. Ария подошла к нам без своего молодого мужа, который развлекался отдельно. Вот она, семейная жизнь благородных ариев во всей красе.

– Я часто бывала у вас в особняке, – многозначительно произнесла девушка с придыханием, намекая на... Что?

– У меня очень плохая память на лица, – равнодушно произнес Хорн, смотря поверх ее головы, – еще раз напомните, как вас зовут?

– Лиззи...

– Нет, увы, не помню.

Девушка покраснела красными пятнами и вскоре отошла. Я с трудом подавила улыбку.

– Потанцуем? – Хорн потащил меня в бальный сектор, бормоча сердито. – Такое ощущение, что только танцуя можно остаться наедине с женой.

Этот танец предусматривал частую смену партнеров, и когда он закончился, муж выглядел сильно раздраженным. Даже его обычная обаятельная улыбка померкла, превратившись в ироничный оскал. Мы отправились в сад, проветриться. Но и там аллеи были заполнены гуляющими парочками, снующими туда-сюда официантами, разносящими напитки и еду. Увы, слишком много было приглашенных, чтобы в парке осталась хоть одна свободная беседка.

– Что-то отвык я от этих королевских балов, – Хорн остановился у пышного раскидистого куста, пусть немного, но закрывающего нас от прохожих, и добавил заговорщицким тоном. – Может, нам уже можно уходить?

– Еще нет. Эдвард хотел со мной поговорить после торжественной части, – со вздохом ответила мужу, – а она заканчивается после пятого вальса.

– И что он хотел? – голос Хорна стал серьезным.

– Сказал, что-то важное.

Мы молчали, тесно прижавшись друг к другу, слушая негромкую музыку, доносившуюся из открытых дверей террасы. Хорн прислонился к моей спине, обхватил руками, сцепляя их в замок, зарываясь лицом в волосы на затылке.

– Мне кажется, я умираю, – сдавленно произнес он, – если мне сейчас не дать чего-то безумно важного, можно сказать, жизненно необходимого, то прямо сейчас ты станешь вдовой.

Я попыталась извернуться и посмотреть Хорну в лицо. По голосу было непонятно, это очередная шутка или нет.

– И чего тебе не хватает? – странно, глаза были серьезными.

Хорн обхватил ладонями мои щеки, коснулся губами губ.

– Твоих поцелуев, – хрипло прошептал он, прижимаясь теснее, толкаясь языком внутрь.

По моему телу пронеслась дрожь предвкушения – целовался он божественно. Я на некоторое время ослепла и оглохла. И было совершенно все равно, что по аллеям гуляют люди, в любой момент нас могут увидеть. Этикет, условности, манеры. То, чему я поклонялась долгие годы. Где вы сейчас?

– Драгоценная моя, восхитительная, любимая, желанная... – горячий шепот обжигал губы. – Поехали домой, ну его этого короля, завтра к нему пойдешь. Что такого важного он может сказать?

И опять поцелуи, медленные, глубокие, нежные, и в то же время жадные, неистовые, оставляющие огненные следы на коже, лишаящие воли, голоса разума, превращающие мысли в сладкий мед.

– Ария Крей, – в испуганном голосе слуги явно слышалось извинение, – король просил передать вам, что ожидает в кабинете.

Я непонимающе уставилась на молодого гвардейца. Какой король? О чем он говорит? Хорн порывисто шагнул вперед, задвигая меня за спину.

– Да как ты смеешь нам мешать?! – ледяной тон в голосе мужа испугал даже меня. А бедный парень затрясся мелкой дрожью.

– Простите, простите... – забормотал он, – мы вас уже час ищем... Король гневается...

– Я пойду, Тор, – мягко дотронулась ладонью до напряженной спины. – Я обещала, – и сразу же по-деловому, – ты подождешь здесь или в зале?

Хорн медленно выдохнул сквозь зубы.

– Нет. Постою лучше в коридоре у кабинета. Знаю я этого короля.

Не представляю, что муж имел в виду, на что намекал, но чем быстрее поговорю с королем, тем быстрее мы поедем домой. Я решительно направилась направо, в сторону дальней террасы, откуда можно сразу попасть в коридор, ведущий в секретариат короля. Тор крепко держал меня за руку.

***

– Ваше величество, – я тихо закрыла за собой дверь Эдвард был один в кабинете. Стоял у окна и смотрел на темный сад. Не знаю, как вести себя с ним таким, безучастным и холодным.

– Садись, – произнес он не поворачиваясь. Я быстро огляделась и села в ближайшее кресло.

Некоторое время в кабинете стояла тишина. Не зная, чего ожидать от его величества, опять упреков и обвинений или возобновления легких дружеских отношений, я просто ждала, когда он соизволит обратить на меня внимание.

– Как тебе моя невеста? – безразлично поинтересовался король.

– Прелестная девушка, – осторожно ответила я, – непосредственная и милая.

– Ага, – он обернулся, на лице появилась ироничная гримаса, – дитя дитем. Ей еще в куклы играть. Вот мать удружила. Надо было взять эту, как ее... Лианетту... из Фракрии, той хотя бы семнадцать исполнилось.

– А разве они предлагали? – удивленно спросила я, припоминая, что с Лианеттой он был помолвлен с пяти лет, но после шпионского скандала помолвка была разорвана. А после войны мы с Эдвардом были не слишком дружны уже из-за моей помолвки и, видимо, некоторые тайны он мне так и не рассказал.

– Не предлагали, настаивали, – хмыкнул Эдвард и добавил со смешком, – но как только вспомню лицо генерала, брата короля, до сих пор дрожь омерзения по телу. Если невеста хоть немного была похожа на дяденьку, то...

Он обреченно махнул рукой, взад-вперед прошелся по кабинету и в конце концов остановился у стола. Взял в руки какую-то бумагу. Рассеяно пробежался по ней глазами, положил обратно на стол. Присел на краешек и скрестил руки на груди.

– Лия вырастет, – мягко произнесла я, по-прежнему не понимая зачем король меня вызвал. Не для того же, чтобы поговорить о невестах, – даже лучше, что она молоденькая, легче будет учить.

Разговор опять затих. Мерно тикали часы, толстая дверь отсекала любые звуки из коридора, где остался стоять мой муж рядом с телохранителями его величества. Я задумчиво осматривала королевский кабинет, в котором бывала сотни раз. Мне нравился строгий лаконичный стиль, добротная мебель из красного дерева, бесконечные полки с книгами, темно-синий ковер под ногами. Широкий письменный стол, как всегда, заваленный бумагами. Губы дрогнули в улыбке, помню, как несколько раз я пыталась навести на

нем порядок, чтобы другу было удобнее работать, но через время он опять приобретал первоначальный хаос.

– Это хорошо, что моя первая любовь станет последней, – тихо произнес Эдвард, я настороженно подняла голову, всматриваясь в его лицо, – я твердо знаю, что никого больше не смогу полюбить, в моем сердце есть место лишь для тебя. И это прекрасно. Я буду холоден и беспристрастен, буду думать лишь о благе государства, а никак о женщине, которая рядом. Не буду вспыхивать как порох, ревновать, сходить с ума, не буду мечтать и строить иллюзии. Королю это не к чему. Это к лучшему. Дольше проживу. Сумасшествие у нас в крови и мне не нужны сильные эмоции, чтобы приблизить его.

Запершило в горле, глазам стало горячо. Я сглотнула горький комок, сощурилась, стараясь сдержать произвольно выступившие слезы. Еще немного, и они польются из глаз. Тихий бесцветный голос друга вынимал из груди мое сердце и резал его на части. Как же больно его слушать!

– Я не буду гореть рядом со своей женой, мне будет все равно, где она и что с ней, – горько продолжал он, – у меня будет такой же брак, какой был у родителей и у остальных моих предков. Наверное, такова судьба всех Ремов...

Я подскочила с кресла и решительно шагнула к Эдварду. Какая же я эгоистка, лучшему другу плохо, а я боюсь лишний раз показаться ему на глаза, приблизиться, обнять.

– Я желаю тебе счастья, – искренне произнесла я, дотронувшись до его руки, вложив в слова всю свою нежность и сочувствие, – и точно верю, что ты когда-нибудь полюбишь Лею. Потому что без любви жизнь теряет всякий смысл.

Рука короля под моими пальцами дрогнула.

– Любовь делает человека слабым, – опустил голову он и добавил, – ты делаешь меня слабым.

«Значит, это неправильная любовь, – хотелось сказать мне, – наоборот, настоящая любовь делает человека сильнее. Хорн вон даже вырвался из лап смерти, хотя уже стоял у нее на пороге». Но я не сказала, интуитивно чувствуя, что мои слова сделают Эдварду еще больнее.

Король встал, встряхнулся, словно сбрасывая с плеч тяжелый груз, моя рука соскользнула вниз. Взял со стола тот самый листок

бумаги, который рассматривал ранее и протянул мне. Я недоуменно взяла его и начала читать.

– Это мой приказ об освобождении тебя от обязательной магической отработки на благо королевства, – пояснил Эдвард, я удивленно подняла глаза, – уезжай из столицы. Куда угодно. Я не хочу тебя видеть во дворце. Ты хотела свободы – ты свободна.

– Но... – голос дрогнул.

Я чувствовала себя ужасно, боль Эдварда разрывала мне сердце, и я ничем не могла помочь другу. А, может быть, это к лучшему? Он сможет меня забыть, если я достаточно долго не буду попадаться ему на глаза. Может, эта милая девочка сможет залечить его рану?

– Когда мне вернуться? – поинтересовалась глухо.

– Лучше никогда, – король болезненно скривился, – живи с мужем. А если я вдруг не сдержусь и вызову обратно во дворец, напиши, что неважно себя чувствуешь, так как ожидаешь первенца или еще что-то в этом роде. Напиши, так, чтобы кинжалом прямо в сердце. Так, чтобы страшная боль заглушила еще на год желание тебя увидеть. Прошу, сделай это для меня.

Слезы все-таки потекли из глаз. Не удержала. Я всматривалась в такое близкое и такое далекое лицо короля, молча глотая соленую влагу. Вдруг его взгляд изменился, руки робко обхватили мои плечи.

– Можно тебя поцеловать? Хоть раз... один раз... – я покорно кивнула, не в силах выдать ни слова, и сама прижалась к нему солеными губами, точно зная, что этот первый наш поцелуй будет последним.

Руки короля налились силой, впились в голую кожу плеч, впечатывая в себя. Уже не мальчик – мужчина. Он целует меня жадно, ненасытно, торопясь взять как можно больше за эти мгновенья наедине. А я ничего не чувствую. Лишь давление губ, касание языка, вкус своих собственных слез. Теперь я знаю, как это, когда горишь от одного прикосновения. Знаю, как замирает сердце, и дрожь пробегает по телу, когда целует тот человек, которого любишь. Увы, это не Эдвард.

В конце концов, его руки ослабевают и опускаются. Он тяжело дышит.

– Иди к мужу, сейчас же. Еще немного и я уже никогда не отпущу тебя, и плевать на все, – прохрипел он.

Я, поспешно развернувшись, вышла за дверь и сразу же попала в руки мужа. Он бережно обнял меня, обеспокоенно вглядываясь в лицо. Конечно, он заметил и покрасневшие глаза, и припухшие губы.

– Все в порядке? – в голосе мелькнула настороженность. – Мы можем ехать домой?

– Да... – прошептала я, счастливо улыбаясь. – Домой, – и громче: – Едем домой!

Эпилог

Спустя пять лет

– Мама! Мама! – в мастерскую вбежала моя четырехлетняя дочь, волоча за руку упирающегося брата. Няня встала у дверей и на мой вопросительный взгляд непонимающе развела руками, – мы с Тимом не родные?!

Иногда меня поражали ее умозаключения. Нет, вру, всегда. Марта научилась разговаривать в год и к трем болтала, как заправская сплетница.

Я отвлекалась от модели дирижабля, которую собиралась подарить первому техническому университету, открывающемуся в Шалире через месяц, и присела, чтобы видеть детей вровень.

– В зеркало не смотрелись? – улыбнулась мягко, – вы же близнецы. Как вы можете быть не родные?

Тимур мрачно толкнул сестру в бок, тихо пробурчав: «Что я тебе говорил».

– А почему тогда слуги нас называют ария Хорн и арий Крей? – не унималась Марта.

– Это потому, что у Тима магия повелевать металлом, магия Креев, а у тебя магия видеть истину, магия Хорнов. Станете старше, я расскажу вам о законе короля Рема второго.

– Это не правильно, – фыркнула дочь, – тебя называют ария Крей, папу арий Хорн, теперь и нас по-разному. Глупость какая-то...

Я порывисто обняла две маленькие фигурки и крепко прижала к груди. Моя дорогая девочка, всюду ищущая правду. Тяжело ей будет в жизни. Она будет точно знать, кто за ней ухаживает из-за денег, а кто из-за искренних чувств. Кто дружит из-за выгоды, а кто бескорыстно.

Надеюсь все-таки, что мы воспитаем ее достойно, чтобы правда не стала слишком уж болезненной.

Дети, по-прежнему держась за руки, выскочили за дверь. Няня вышла следом. Я задумчиво перевела взгляд в окно, из которого было видно склон холма, покрытый виноградниками.

Как же здесь хорошо! Правильным решением было переехать жить в Фабрию. И пусть до столицы полдня езды, чем реже мы там бываем, тем лучше. Последние два года я и вовсе не покидала поместье, общаясь в управляющими и заказчиками письмами и телеграммами.

Магия металлов стала не такой востребованной в королевстве, как раньше, скорее экзотикой, чем необходимостью. По приказу короля в разных концах страны начали строить многочисленные заводы, машиностроительные, оружейные, станковые и так далее. Лишь пару раз за пять лет действительно требовалась моя помощь. Мы с Дарием вытаскивали на поверхность богатые рудные жилы, чтобы легче было их разрабатывать. Металла постоянно не хватало.

Дарий стал частым гостем в Фабрии вместе с женой и дочерью. Он привозил новости из столицы, а Сорти сплетни. Увы, мы так и не стали с ней близкими подругами, как хотел Дарий, но после рождения близнецов хотя бы находили совместные темы для общения.

В очередной приезд Зорг мне и рассказал о том, что король, взяв клятву о неразглашении, собрал старших представителей бывших магических семей и передал им формулу возврата магии. Что делать с этими знаниями пусть каждый решает сам. Дарий сказал, что почти все отмахнулись сразу, они уже давно потеряли магию и научились жить без нее. Зачем им рисковать жизнью ради призрачной надежды?

– Тем более, в вашем случае сложилось много факторов, – добавил он, – а главный фактор – любовь. Тор защитил тебя интуитивно, не раздумывая отдал жизнь. То есть, он действительно думал, что отдает. Возможно, это и есть главное условие?

Я пожала плечами. Кто знает?

Единственное письмо, которое я написала королю за пять лет, было прошлогоднее письмо о том, что у моей дочери пробудилась магия видеть истину. Значит, Горн сказал правду.

Невероятно, но мы сами узнали об этом лишь спустя три года после рождения детей. Но обо всем подпорядку.

Близнецы родились ровно через год после нашей скандальной свадьбы. Перепуганный Тор зачем-то притащил к нам в поместье

обоих Бергов, и отца, и сына. Пусть они не имели магии, но были отличными врачами, лучшими в королевстве. Хотя сам проникновенно убеждал, что ничуть не боится, что все женщины на свете рожают, и что у меня будет все хорошо. А Бергов он пригласил только потому, что давно не виделся со старым другом и его отцом.

– Да неужели? – хмыкнула я, тяжело опускаясь в кресло, огромный живот мешал невероятно, – я знаю, что младший Берг закончил школу, когда ты только в нее поступил, когда вы успели стать так близки?

– Возраст не помеха для настоящих друзей. Пусть отдохнут от столицы, попьют лучшего вина в королевстве, съездят на рыбалку... – Невозмутимо заявил муж, опускаясь передо мной на колени, как он делал чуть ли не с первого дня после того, как лекарка в поместье подтвердила наличие близнецов. Хорну нравилось прислонять ухо к животу и вслушиваться в их возню. Лицо мужа становилось странным, глуповатым и мальчишеским.

«Несомненно, – подумала я тогда, – отдыхать в поместье они будут как раз до моих родов».

Магию к металлам мы проверили почти сразу же, так же как проверяли меня. Орущим близнецам, требующим еды, в руки впихнули по серебряной ложечке. Тимур в гневе сжал пальцы и на металле выступили вмятины. Ложка Марты осталась целой.

– Ну вот, будущая ария Хорн, – обрадовано склонился над девочкой Торус, – моя принцесса.

Хорн безумно обожал дочь и баловал ее нещадно. Наши ссоры, если и бывали между нами, то лишь из-за того, что он слишком много ей позволял и совершенно не наказывал за проказы. Я даже одно время опасалась, как бы из Марты не вырос еще один самовлюбленный несносный эгоист арий Торус Хорн.

Тимур же, не в пример Марте был спокойным и уравновешенным. Если и ввязывался в какие-то проделки, то только по просьбе сестры. Именно Марта была заводилой в их компании, подбивая молчаливого Тима к разным каверзам.

Несколько лет она изводила брата ревностью и завистью. У Тима была магия, а у нее нет. Много я сил и времени потратила, убеждая дочь что магия – это не главное в жизни, что можно хорошо и счастливо жить без нее, что у ее обожаемого папочки нет магии, а он

ведь самый прекрасный отец на свете. А с этим доводом она была согласна на все сто процентов. И вот, как только она перестала постоянно возмущаться об отсутствии у нее магии, эта самая магия и проявилась.

А все произошло тогда, когда я начала потихоньку учить Тима языку магов. Я не собиралась делать ошибку, подобную той, которую совершил мой отец, оттягивая начало моего обучения, и как только Тимуру исполнилось три, начала по часу в день заниматься с ним магией металлов. Надо ли говорить, что дочь не пожелала остаться в стороне. Она заявила, что ей просто необходим язык магов, и что она быстрее Тима его выучит.

Ничего страшного в ее желании я не заметила и принялась обучать обоих.

И вот однажды, спустя несколько месяцев после начала занятий, как-то вечером к нам в спальню постучались. Хорошо, что на часах было всего девять, Тор только что вышел из душа в одних пижамных брюках и полотенцем на голове. Я сидела перед зеркалом в пенюаре и расчесывала волосы.

– Войдите, – крикнула я, запахивая ворот.

Марта с трудом протиснулась в полуоткрытую дверь и встала за ней со скорбным выражением на заплаканном лице.

– Мама, папа. Я умираю, – с трагедией в голосе произнесла дочь, шмыгая носом. Хорн резко отбросил полотенце, которым вытирал волосы, и бросился к своей любимице. Упал перед ней на колени и начал ощупывать ручки, ножки, спинку, срывающимся голосом повторяя: «Где болит? Что?»

Я была более рассудительна и позволила себе усомниться в ее словах, зная взрывной характер дочери и склонность все преувеличивать.

– У меня в голове... – Она поджала губы, подбирая слова, – как ее... шишка. В глазах... плохо в общем.

Ей явно не хватало словарного запаса, но я и так поняла, что она имела в виду. Недавно наш дворецкий, которому уже было девяносто пять, скончался. Незадолго перед смертью он путался, забывал слова, повторял, что видит что-то странное, черные и светлые пятна, умерших родных. И пусть он жил в отдельном доме для слуг, думаю,

дети пробрались туда и подслушали разговоры врачей об опухоли в голове.

– Ария Марта Кассандра Хорн, – строгим голосом произнесла я, – давай подпорядку. Что ты видела, когда и где.

Хорн, ощупав дочь с ног до головы, сообразил, что паника была преждевременной. Он подхватил Марту, усадил в кресло, сам сел на корточки перед ней. Дочь уместилась более удобно, помотала ногами, посопела, пошмыгала носом и наконец, начала говорить.

– Мы с Тимом ужинали. Няня с кухаркой болтали о ярмарке. Потом мы начали спорить, – девочка замялась, как всегда перед тем, как собиралась поизящнее соврать, – Тим сказал, что лучше знает язык магов, а я сказала, что я лучше. Мы решили проверить, кто знает больше слов.

Я скрыла улыбку, скорее всего было наоборот. Именно сестра первой втягивала брата в перепалки и споры.

– И что дальше? – обеспокоенно поинтересовался Хорн.

– А потом, – Марта всхлипнула, – голова няни вдруг побелела. Вся. Вокруг головы... словно...

– Сияющий ободок из света? – нашла я правильные слова.

– Ага, – радостно кивнула она и опять скривилась.

– Напомни, какие слова ты повторяла, когда увидела свет? – Догадка забрезжила в голове, а вот Хорн непонимающе переводил напряженный взгляд от меня к дочери и обратно.

– Ну все, которые мы повторяли сегодня на уроке... Свет, тень, день, ночь, правда, ложь...

– Стоп, – я подняла руку, прерывая поток слов. Сердце суматошно заколотилось, я на мгновение прикрыла глаза, успокаиваясь. Стараясь не замечать тяжелый испытующий взгляд мужа, встала с пуфика и подошла к Марте. Присела рядом.

– Ты не умираешь, девочка моя, – произнесла ласково, – у тебя проявилась магия.

– Ура! – Воскликнула она радостно, слезы сразу были забыты, – нужно рассказать Тиму, теперь я не буду... как это... ущербной! – Соскочила с кресла и вылетела за дверь. «Даже не спросила какая», – пробормотала я с улыбкой, провожая взглядом маленькую фигурку, спешащую к брату.

Хорн повернулся ко мне, крепко взял за руки, словно боялся, что сбегу. Сощурил глаза.

– Рассказывай, ты не выглядела удивленной.

Пришлось рассказать все, что я узнала от Горна. И формулу, и условие. И то, что муж его выполнил, взяв на себя мою смерть. Наконец, я поняла, какая мысль не давала мне покоя раньше. Если магия пропадает в потомках того мага, который убил, то и появляться она должна также в потомках.

– Как они смогли это сделать? – потрясенно произнес Хорн после того, как я закончила.

– Не знаю, – пожала плечами, – иногда мне кажется, что это действительно были боги, или люди настолько далекие от нас, что нам еще многие тысячи лет понадобится, чтобы хоть как-то приблизиться к их знаниям.

Заодно я ответила еще на один вопрос, который меня мучил – если соединить две магические семьи, магии перемешаются или нет? Оказывается – нет. Чья кровь проявится сильнее, та магия и будет, но увы, лишь одна.

Макет дирижабля был забыт, еще месяц впереди, успею. Я встала у окна и некоторое время с улыбкой наблюдала, как Марта что-то втолковывает брату, искоса поглядывая на ничего не подозревающую няню. После того, как я объяснила дочери ее способности, принцип ее магии, она не устает проверять всех в поместье на правду и ложь. Я даже тайно собрала слуг и работников, предупредив о том, что им желательно не отвечать на ее каверзные вопросы или говорить только правду.

К вечеру должен был вернуться Хорн. Скорее бы. Муж ездил по делам в Шалир на целую неделю. Выставка вин, аукцион, плюс накопившиеся дела в гостиных домах, в адвокатской конторе. Я успела соскучиться, мы ни разу за пять лет так надолго не расставались. В кровати без него было пусто, холодно и одиноко. В первые ночи я даже не могла уснуть.

Мы собрали вещи и переехали в Фабрию на следующий день после памятного бала. Хорн уволился, сказав, что мечтает наконец, заняться тем, что по душе – производством вина и разведением лошадей. Как же я ошибалась, думая, что он бездельник. С каждым прожитым днем узнавая его лучше, я понимала, что не было ничего на

свете, что бы он не умел делать. Будь то обрезать виноград, тренировать лошадей, вести бухгалтерию, управлять огромными поместьями, брать на работу или увольнять слуг, пресекать воровство и насилие. Он взял на себя не только свои, мамины, но и мои поместья и у него получалось гораздо лучше контролировать их, чем у меня.

Свекровь оказалась тихой скромной женщиной, даже немного застенчивой, не похожей на обычных высокородных ариев. Мы пробыли на ее ферме несколько дней и большую часть времени она проводила не с нами, словно ее вообще не интересовало ничего кроме своих животных. Такая отрешенность была мне знакома, но претила характеру. Нельзя оставлять своих детей без присмотра, отдать воспитание нелюбимому мужу, многочисленным няньками и гувернерам, обрывать все связи. Тор говорил, что почти не видел мать с детского возраста, постоянно жил в столице с отцом, как и его сестра.

Стыдно признаться, но несколько месяцев после свадьбы мы практически не вылезали из постели. Потом, когда безумство первой страсти схлынуло, или после того, как подтвердилась моя беременность, ласки стали более утонченными, более осторожными и изысканными. Хорн учил меня не сдерживаться, выражать свои желания, быть свободной и раскрепощенной. Мне было трудно, все-таки я была скорее робкой и застенчивой, чем раскованной. А Хорн вообще не знал, что такое робость и стыд.

Как же хорошо, что эта безудержная энергия, самоуверенность, напор направлены на меня одну. Хотя меня и считали красавицей, но червячок неуверенности грыз всегда. Не знаю из-за чего. Из-за погибших родителей или потери всего в одночасье? Тяжелой юности, выживания в школе, особенно в первый год? Хорн говорил, что влюбился в меня с первого взгляда, а я до сих пор не понимала – почему? Как можно было влюбиться в строгое чопорное создание, пугливое, зажатое и стеснительное?

– Когда ни будь я подтяну твою гордыню до своего уровня! – Хитро улыбался он, и я верила.

Верила, что он сможет растопить лед в моем сердце, оно и так в последнее время все чаще замирает от нежности. Хочется смеяться и плакать одновременно. Наверное, это счастье?

Мы идеально уравниваем друг друга. Я сдержанная, не эмоциональная, иногда даже холодная. И он – открытый, яркий, с взрывным темпераментом. Если кто и мог расшевелить меня, то только он. Ни Эдвард, нет. У того была куча своих страхов и предрасположений.

В первое время я жутко смущалась каждый раз, когда муж говорил о своей любви, а еще мне было очень стыдно, что я не могу ничего сказать в ответ, горло перехватывало, дыхание сбивалось.

– Если бы я ни был таким самоуверенным, то думал бы, что в нашей семье люблю я один, – хитро шурился он, и меня отпускало, – но тебе со мной очень повезло. Я знаю, что самый лучший. И мне не нужны подтверждения.

Умный, образованный, обаятельный, ироничный. Элегантный, жизнерадостный. Мой муж.

Да, у него есть недостатки. И много. Он бывает легкомысленным и смешливым, самодовольным и высокомерным. Думаю, это огрехи его воспитания и бурной молодости. Любит дурачиться, поддразнивать, даже пугать. Но мне хватает и своей серьезности, мне нужен такой как он, пылкий, выставляющий напоказ свои чувства, бурно их проявляющий. Потому что именно он сможет раскрыть и растормошить мою замкнутость.

Пыльный хвост, поднимающийся в небо, я увидела издалека. Вскоре показался и сам ярко-красный вычурный паромобиль последней модели. Такой же претенциозный, как и его хозяин. Во вчерашней телеграмме Тор сообщил, что приедет поздно вечером. Неужели, смог раньше? Сердце радостно забилося.

Я выбежала из мастерской, улыбаясь, торопливо поправляя волосы, застегивая пуговицы на блузке, чувствуя себя маленькой девочкой, ожидающей праздника. Выскочивший из паромобиля Хорн подхватил меня на руки и закружил по двору.

– Признайся, что любишь меня, – прошептал он, опуская на землю, покрывая поцелуями лицо, – что безумно скучала, как и я, что жить без меня не можешь, как и я...

– Скучала, – торопливо отвечаю, подставляя губы, – ждала... люблю...

И не сбилось дыхание, не перехватило горло. Слова прозвучали естественно и просто, легко соскользнув с языка. Как же редко я ему говорю их. Непозволительно редко.

– Ночью еще раз сто скажешь? А то я плохо расслышал, – голос мужа почему-то сорвался, с чего бы? Неужели, он не такой уж и самоуверенный, каким хочет казаться?

Я смущенно кивнула. Конечно, скажу, и не только ночью.

– Папа! Папа! – из-за угла дома выбежали Марта с Тимом. Хорн крепко обнял детей, опустившись на колени, пачкая в пыли светлые брюки.

– А подарки привез? – дочь не стала ходить вокруг да около, отодвинулась и вопросительно приподняла маленькую бровь.

Для близнецов неделя пролетела как один день, они даже не заметили долгого отсутствия отца. Подарки были важнее. Муж с ироничной улыбкой встал и повел близнецов к машине. Только сейчас я заметила, что задние сидения завалены коробками.

Когда разобрались со всем, отправили детей с няней в детскую, и мы, наконец, остались одни, Хорн с хитрым выражением на лице потянул в спальню.

– Я привез ворох разных новостей, – он упорно тащил меня за собой по лестнице. Видя его неприкрытое нетерпение, я улыбалась, хотя у самой колотилось сердце и пересохло в горле от волнения, – а главная – королева ждет ребенка. Столица празднует.

– Неужели?! – На мгновенье я опешила, остановилась и поражено уставилась на мужа, – ну, наконец!

Хорн настойчиво потянул мою руку, понукая идти быстрее, я хихикнула и поддалась, подумав, что многочисленные доброжелатели, предупреждавшие о легкомыслии моего ария, дававшие советы и с уверенностью заявлявшие о том, что он обязательно заведет любовницу в столице, были не правы. Не бывает у мужчин, покинувших любовницу, такого горячечного лихорадочного нетерпения, дрожащих рук, срывающегося голоса.

– А еще я привез тебе несколько писем. И, по-моему, есть что-то из королевской канцелярии, – мы почти вбежали в спальню. Хорн сразу же принялся меня целовать, отшвыривая свой сюртук, расстегивая пуговички на блузке.

Я потрясенно замерла, не отвечая на поцелуи. А потом и вовсе наклонилась, подняла с пола выпавшие из пиджака конверты, выискивая знакомый вензель. Эдвард мне не писал все пять лет, с того

самого момента, как я уехала из Шалира. Мы уехали. Даже на мое письмо о том, что у детей появилась магия и какая, ответил секретарь.

– Ну вот, – обиженно застонал Хорн, – так и знал, что не нужно было сразу говорить.

Я отмахнулась, разобрав в его голосе не только сожаление, но и веселое подтрунивание. Отошла к окну и вскрыла конверт. Внутри находились два приглашения на бал, который состоится через месяц. Ну конечно! День рождения Эдварда.

– Нас вызывают в столицу? – Хорн встал за моей спиной, тесно прижимаясь бедрами, кладя подбородок на плечо. Ловкие наглые руки переместились живот, сползли вниз, потом и вовсе забрались под юбку.

– Опала закончилась, – хмыкнула я, переворачивая приглашение тыльной стороной.

– Это была опала? – восхитился Хорн, горячо выдыхая в шею, кожа покрылась мурашками, – я бы не прочь пожить в такой опале с тобой и детьми еще лет пятьдесят.

Вдруг я заметила крошечный листок, приклеившийся на оборотной стороне. Размашистый почерк Эдварда я не спутаю ни с чем.

«Ты была права. Во всем. Жду во дворце. Мне нужен друг, а моей жене верная подруга. В сокровищнице еще остались неразобранные артефакты. Пора за работу»

– Король в своем репертуаре, – голос Хорна звучал насмешливо и глухо. Я мысленно согласилась с мужем – увы, Эдвард думает прежде всего о работе. Точнее о работе на благо королевства, – нам же не нужно ехать немедленно?

Я с улыбкой обернулась, подняла руки, прижалась к Хорну всем телом, обнимая его за голову, притягивая к себе, легонько касаясь губ.

– Думаю, мы можем себе позволить немного опоздать. Впереди еще целый месяц.

– Королева в положении. Не пора ли и нам подумать о наследниках? – В глазах Тора плясали смешинки, неугомонные руки не останавливались ни на секунду, избавляя меня от одежды. С такими темпами я скоро буду стоять у окна полностью обнаженной.

– Тебе не хватает близнецов? Их иногда даже слишком много, – я отступила к кровати.

– Не хватает. Ты такая милая, когда беременная. Ласковая, послушная, нежная. А ты ведь знаешь, как я люблю послушных женщин, которые во всем мне подчиняются, – голос Хорна опустился до хриплого прерывистого шепота. Движенья стали рваными, быстрыми, ноздри хищно раздулись.

Я счастливо рассмеялась, откидываясь на покрывало.

– Никаких послушных женщин ты не любишь. Ты любишь меня, а я далеко не послушная.

Как же мне нравится ощущение, когда Хорн сходит с ума. Когда нежные ласковые поцелуи превращаются в ураган и обрушиваются лавиной. И я вся покрыта ими с головы до ног. Когда голос перестает его слушаться, он даже не может из себя выдать ничего членораздельного, только рычание и короткие сдавленные стоны.

Как и я.

В эти мгновенья я точно знаю, что он мой. Целиком и полностью. Что он действительно любит меня, верен мне, отдаст жизнь за меня.

Как и я.

Конец.